

The background of the cover is a photograph of an ancient stone structure. In the foreground, a large, sloping roof is covered with thick, rectangular stone tiles laid in a diagonal pattern. In the background, a tall, cylindrical stone tower with a conical roof and arched openings is visible against a blue sky with light clouds.

Не от стыда краснеет золото

детектив из глубинки

18+

Лидия Луковцева

Лидия Луковцева

Не от стыда краснеет золото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43268239

SelfPub; 2019

Аннотация

Говорят, что найти один клад – это удача, два – везение, три – враньё. А как быть, если клады сыпятся, словно из рога изобилия? Что делать трем закалённым в приключениях подругам-пенсионеркам, если судьба вновь требует сунуть любопытный нос в загадочную историю с исчезновениями, древними руинами и вполне современной мистикой? Третья книга серии "Детектив из глубинки" продолжает рассказ о простых жителях Нижней Волги и их непростых судьбах, трагедиях, счастливых и загадочных историях, во многом основанных на реальных событиях.

Содержание

Если нет, чего желаешь, желай того, что есть	4
Где есть мед, там найдутся и мухи	24
Всякая дорога имеет начало	46
Боль заставляет плакать, любовь – говорить	72
Пока не увидишь ад, рай тебе не понравится	94
Если все станут умными, некому будет коров пасти	112
Желание сердца – голове морока	134
Аппетит приходит с первым куском, а ссора – с первым словом	153
Женщина молчит лишь о том, чего не знает	176
Верблюда спросили, что лучше: подъем или спуск? Он ответил: есть еще третья мерзость – грязь	204
Только у вора спрашивают, откуда эта вещь	221
Враги делятся на три вида: враг, враг друга, друг врага	244
Вор не стыдится воровать, а ты стыдишься его ловить	268
Что слаще халвы? Дружба после вражды	291

**Если нет, чего желаешь,
желай того, что есть**

– Да что ж за черт! – гневался коренастый бритоголовый крепыш, мечась по маленькому кабинетику, заставленному письменными столами.

Было удивительно – как он умудряется метаться, не сбивая бумажные Гималаи, что высились повсюду. Однако он лавировал весьма успешно, не натываясь на мебель, словно опытный лодман на родной реке, изучивший все ее повороты и оттели. Это свидетельствовало не столько о его пластичности и грации, сколько о выработавшейся с годами сноровке. Мужчине было на вид около пятидесяти, плюс-минус пару лет.

– Ну только размечтался, что в степь выберусь! Насиделся за зиму в кабинете, на волю хочется, в поле! Как будто нельзя было эту конференцию зимой организовать!

– Что ты психуешь? – меланхолично заметил сидящий за одним из столов коллега, отрываясь от своей писанины. – В первый раз, что ли? Или в последний? Ну куда она от тебя денется – степь? Вон, съездит вместо тебя Павленков на обмеры, выберет участок.

Говоривший отхлебнул чая из граненого стакана, выдержал паузу и продолжил.

– Павленков что, пробный шурф без твоего чуткого руководства не заложит? Ты у нас такой незаменимый, а он – дитя несмышленное? Подожди, еще будешь этой степью сыт по горло, летний сезон длинный.

Коллега лукавил. Он и сам бы сейчас махнул на природу, не задумываясь.

Зимняя голая унылая степь весной преобразается: как будто из фантастического фильма о погибшей планете пере-

носишься в добрый русский фильм-сказку. Она расстилается перед путником цветным радужным ковром. Среди сизой полыни – яркие пятна диких тюльпанов, желтых и красных. Белыми гребешками волн стелется под ветром белоснежный ковыль. Одурающе пахнет медом и полынью. Правда, все это разнотравье скоро сожжет немилосердное южное солнышко, и цветущая степь превратится в унылое порыжевшее пространство, до самого горизонта покрытое выжженной травой и верблюжьей колючкой.

Оба они с нервным Шпигалевым – уроженцы здешних мест, и жизни в других краях, с лесами-дубравами, не мыслят. Тем более, что оба, как водится, заядлые рыбаки, а разве есть рыбалка лучше, чем на матушке-Волге? В крайнем случае, только по ерикам – волжским рукавам. Для них, во всяком случае, лучше нет.

– Павленков?! – Шпигалев стал само негодование. – Павленков да, уж он-то и выберет, и заложит! Ты как первый раз замужем. Тебе что, объяснять надо, что весной к степи на свидание едешь, а летом – работать. Пахать в поте лица! На солнышке печься, как в преисподней!

– Что ты тут, как невинная невеста в первую брачную ночь, сцену разыгрываешь? – развил брачную тему коллега-меланхолик. – Ты, старый ловелас, в какой уже раз на очередное первое свидание с весенней степью едешь?

Коллега досадливо махнул рукой в сторону челноком снующего крепыша, как от мухи отмахнулся – он просто Шпи-

галеу подыгрывал, а тот, войдя в раж, воспринимал все буквально.

– Вот же романтик драный! Когда угомонишься... Все играет детство в одном месте?

Крепыш махнул рукой столь же досадливо:

– Тебе не понять!..

– Где уж нам уж! Тебя же не на Крайний Север ссылают. В Москву полетишь. В столицу нашей Родины. Рассказывать о перспективах своей малой родины в области археологии. Сам же кричал о недостаточном финансировании, ехать выбивать деньги собирался. Вот и соединяй полезное с приятным. Два раза ехать не придется.

Он снова с удовольствием отхлебнул.

– Походишь там по высоким кабинетам со своим докладом. Бери всю коробку, с диаграммами, таблицами, фотографиями. Всё на пальцах разобъяснишь. Нарисуешь радужную картину освоения поволжской степи. Хазары, Орда... В общем, не юродивым просителем за подачкой приехал – сами позвали!

– Ты хочешь сказать – я там очки втирать буду?!

– Да не грех и очки повтирать немножко, – вздохнул коллега. – Хотя, тебя учить – только портить. Ну, да, не слишком удачным был прошлогодний сезон... Раз на раз-то ведь не приходится. Но! Кое-что ведь все равно отрыли? Даст Бог, этот год удачнее будет!

И, глядя искоса на притомившегося от бега и притормо-

жившего у его стола крепыша, ехидно добавил:

– Может, Павленкову в этом году удача улыбнется, и он хорошее местечко для раскопа присмотрит.

– Подкузьмил, да? – взвился крепыш. – То есть, я неудачное выбрал? Состарился? Вот бы и посылали в Москву молодого перспективного Павленкова!

– Скучно с тобой, Шпигалев. Кто такой Павленков? МНС! Младший научный сотрудник. Кто с ним разговаривать станет? А ты? Ты у нас – звезда! Светило археологии.

– Сколько ж в тебе ехидства, Цыплаков! Больше, чем в трех ехиднах, вместе взятых.

– А ты знаешь, сколько ехидства умещается в трех ехиднах?

Он отставил стакан.

– Ладно, кончай придуриваться! – надоело Цыплакову изображать индифферентного ментора. – В первый раз, что ли? Куда она от тебя денется, твоя степь? Твои железки-черепки? На пару-тройку дней позже в степь съездишь, зато столичный асфальт потопчешь!

– Парой-тройкой не отделаюсь, – вздохнул вымотанный бегом Шпигалев. – В неделю бы уложиться.

– У тебя друзей полстолицы. Приютят, небось, и на неделю. Даже в гостиницу не дадут заселиться!

– Приютят, конечно! А Павленков... Мозги у парня хорошие, да ветру в голове много. Как бы ветром мозги не повыдуло.

– Причём тут ветер? Просто классический бабник. Из-за баб и диссертацию никак не допишет.

– Ладно, – подвел итог Шпигалев, – пусть покомандует. Инициативу проявит. После майских праздников смотается, почва уже подходящая будет.

* * *

Наступили первые майские денёчки.

Небольшие группки деревьев и кустов, изредка мелькавшие в окнах пригородного маршрутного автобуса, еще стояли в почках. Но на американских кленах почки в одну ночь лопнули, и кроны их как будто сбрызнули нежно-зеленой краской. Степь тоже зеленела от пробившейся молоденькой травки. Вечерело, но было еще совсем светло: день после сумеречной зимы уже значительно прибавился.

Старенький ПАЗик взвизгнул тормозами и застыл перед остановкой – легкомысленным сооружением из зеленого пластика, торчавшим в одиночестве, словно еще один гигантский вечнозеленый куст, на обочине трассы.

Из салона вышло несколько пассажиров. Почти опустевший, автобус умчался дальше по трассе, теряющейся в степи. Его конечным пунктом было село Красиловое, в пяти километрах отсюда.

Прибывшие перешли дорогу и направились к первым домикам начинавшегося недалеко от дороги села. Шли куч-

кой, переговариваясь, – все свои. Только один, тот, что вылез из автобуса последним, замешкался, как будто ждал, когда сельчане отойдут подальше. У первых домишек все рассредоточились и зашагали в разные стороны. Отставший пассажир, неспешно двигавшийся за аборигенами, остановился и, как полководец поле сражения, оглядел панораму.

Село было большое – районный центр. А если принять во внимание разбросанные тут и там двух– и трехэтажные новенькие коттеджи, так уже и поселок городского типа. Пороховое всегда было селом зажиточным, и за многие протёкшие, трудные для большинства сёл годы, не захирело.

Новоприбывший, положившись на свою интуицию, которая редко его подводила, направился в одну из улочек.

– Мужики, – обратился он к двум аборигенам, сидевшим на корточках (лавочек поблизости не было видно) – Я тут у вас найду место для ночлега?

Мужики переглянулись.

– Тут? Прямо тут – не стоит. Мошка заест.

– Да я в том смысле, какая-нибудь старушка не побоится пустить одинокого странника переночевать?

Мужики пожали плечами, но в глазах их откровенно читалось знание и надежда.

Вздохнув, приезжий вынул из кармана сотню и протянул, безадресно. Деньги исчезли, дающий даже не уследил, в руке которого из двух. Хотя чётко видел, что протянулись одновременно две руки.

– Сейчас идешь до конца улицы. Поворачиваешь налево, там улица Первомайская. Табличек с названиями у нас нет, сам понимаешь, не город. Спросишь, если что... Напротив дома номер семнадцать.

– А таблички-то с номерами есть?

– А Бог его знает. Не обращал внимания, нам без надобности. Посчитаешь, если что... Значит, за семнадцатым домом поворачиваешь опять налево, в проулок, это будет Некрасова...

– Стой! – вмешался второй. – Ты его к Филимонихе, что ли, хочешь? Не, не пустит... У неё ж опять давление!

– А к Евлампиевне?

– Вот разве к Евлампиевне...

– Тогда так...

Евлампиевна, святая женщина, пустила – в летнюю кухню. Принесла на тарелке несколько кусков жареного сазана, из кармана халата достала четыре вареных в мундире крупных желтых картофелины. В другой руке держала бутылку с молоком и кулёк с нарезанным хлебом.

– Вот, ужинайте.

– А вы со мной?

– Да я уж поужинала!

– Ну, хоть посидите со мной, за компанию.

– Посидеть можно.

– А чайку? У меня конфеты есть, вкусные!

– Да у меня тоже есть! Ну, разве что за компанию. Пойду тогда чайник принесу, он у меня в доме – я еще в летнюю кухню не перебиралась.

Она вернулась из дома скоренько, но не с новомодной светящейся кружкой о пяти кнопках, а со стареньким, произведенным еще в СССР, электрочайником в руках.

– Надо же, функционирует! – удивился гость.

Впрочем, многие вещи и механизмы тех времен, с виду неказистые, отличались надежностью, и век их был долог. Тогдашний знак качества что-то значил.

За чаем Евлампиевна спросила:

– Надолго к нам? На рыбака не похож, без снасти, и одет не так. Москвич?

– Почему – москвич?

– Москвичи у нас сейчас дома подряд скупают. Понаехали! И чего им в своей Москве не сидится? Мода пошла! Кто сюда на все лето приезжает, вроде как на дачу, сам рыбу заготавливает. Кто копильню во дворе устраивает да сырец у местных скупает. Потом уже готовую копчушку в Москву переправляют. Бизнес! – произнесла со смаком.

На секунду задумалась, перебирая в уме варианты.

– Есть военные отставники. Всю жизнь по гарнизонам, а к старости хотят к природе поближе, к реке. Один полковник тут у нас и жену себе нашел. Да-а-а, чужих полно!.. Идешь по селу и уже не всех и узнаешь. Да и село наше разрослось, народу как в городе. Дети у меня в городе живут, в Артюхов-

ске. Внуков мне на все лето привозят. Я, как у них в гостях бываю, долго не выдерживаю. Как в муравейнике, в своем пятиэтажном человечнике! Снуют туда-сюда, чисто Москва! Представляю, что там в Москве творится, если в маленьком Артюховске содом. Слыхал, небось, про Артюховск?

– Ну... – затруднился с ответом гость, но хозяйка вела рассказ плавно, не прерываясь, как пряжу пряла. Ей просто нужен был свежий слушатель.

– С другой стороны, как и узнаешь, кого встретила? Зрение подводит, катаракта у меня. Вот, жду операции, в область поеду. Я и тебя плохо вижу, так, силуэт. Но ты – не отставник!

– Почему вы так решили?

– Голос у тебя не старый. И комплекция не такая.

– А какая комплекция? Вы же плохо видите!

– Силуэт-то вижу! Ты не толстый, где это ты видел нетолстого отставника?

– Да, не приходилось, – засмеялся гость коротким хрипловатым смешком. – Но моя молодость уже давно меня покинула!

– И не русский ты! У нас тут и казахи, и татары – свои. В последние годы кавказцев много понаехало. Китаец один есть, на нашей местной женат... Внуки уже у них повзросли. Да и кто сейчас разберет, кто русский, кто казах... Золотая орда по нашей степи прокатилась, всех перемешала, во всех хоть капля монгольской крови есть. А еще раньше хазары

тут селились...

– А вы хорошо историю своего края знаете!

– Да что там я знаю! У нас это все знают. Раньше в степи прямо на земле монеты находили всякие – и медные, и серебряные, даже золотые попадались. Кое-кому повезло – даже украшения золотые находили. А уж керамики разной обломков!.. Да что там, а плинфа? Какие были кирпичи – вечные, клейменные? Почитай, в каждой стене у нас найдешь такие. Они хоть и квадратные, не в размер, зато их время не берет! Дожди размывают землю, ветра разносят, вот и выходит всё на поверхность.

– Раньше, говорите, находили? А теперь?

– Теперь уже не то... В газетах же всегда распишут про это – про находки разные... Где правду, где набрешут, но конец один. Копателей черных развелось! Раньше все с бракашами милиция воевала – браконьерами по-нашему, а теперь вот еще и с копателями. Участковый наш да председатель сельсовета чуть не каждый день степь объезжают.

– Успешно?

– Да какое? Разве их всех переловишь! Степь большая... Хотя вот наши уже обучены, если чего найдут, то сразу археологам тащат. Археологи уже который год у нас степь перекапывают. Этим всё сгодится, любые черепки-стекляшки... Они и кости человеческие находят в могильниках, да. Как людям не страшно их в руки брать?!

– У них работа такая.

– Ну да... А я по твоему разговору слышу, что не русский, хоть и говоришь чисто по-нашему.

– Я казах.

– А чего ищешь в наших краях? На житьё хочешь остаться?

– Может быть... Прадед и дед мой из этих мест были.

– Места у нас красивые. И жизнь налаживаться стала потихоньку. Да мы, к слову сказать, особо-то и не бедствовали никогда. Село рыбацкое. Рыбы вот в реках мало стало.

– Нет, я не рыбак.

– Да и не обязательно им быть. У нас сейчас как говорят? «Рыбой занимается». Значит, скупает у рыбаков да торгует. Раньше городские сюда за этим приезжали, теперь сами многие научились. Бизнесмены! Вон, каких хором понастроили, видел? А жили в родительских старых домишках. Ну, да лучше рыбой, чем самогоном да наркотой торговать. Сколько молодежи сгубили... Найдешь тут себе хибарку недорогую, выкупишь, потом построишься постепенно, – планировала она жизнь своего постояльца и на ближнюю, и на дальнюю перспективу.

– Одна подкова есть, остается купить еще три и лошадь, – рассмеялся хриловато гость. – Может, и останусь... Оглядеться надо. Вы меня пожить пустите?

– Ну, если только ненадолго. Я после праздников в кухню хочу перебраться. А в доме прибраться, в конце мая внуков привезут. На недельку если?..

– На недельку! Меня устроит. А не боишься, мать, чужих людей к себе пускать?

– А-а-а, – отмахнулась беспечно хозяйка, – Двум смертям не бывать! И что с меня сейчас возьмешь, кроме анализов? Да и те ни к черту!

– Ну, все-таки...

– Так я же тебя покормила! И другого так же покормлю. Неужто, если ты мой хлеб ел, на худое решишься?!

Святая простота! Неужели она всерьез верит в надежность такого способа самозащиты? Однако, тут все же налицо и девальвация традиций гостеприимства: в прежние времена путника кормили бескорыстно, от душевной щедрости, из сердечной жалости. В нынешние – уже некий прагматизм проглядывает, страховка: я тебе – хлеб, ты мне – личную безопасность.

– А в Красилову от вас только по трассе попасть можно?

– Через степь, напрямки тоже можно, тут и трех километров не будет. А зачем тебе Красилову?

– Тоже, говорят, места красивые. Потому и Красилову?

– Скорее всего. Его кулугуры когда-то основали, раскольники, сплавлялись к нам на плотах из лиственницы, потом из этих плотов дома строили. И сейчас еще эти дома кое-где уцелели, стоят, ничего им не сделалось.

– А почему – Пороховое?

– У нас тут когда-то посреди глины селитру нашли, давно, еще в царские времена. Думали поначалу, что богатые зале-

жи, хотели даже пороховой завод строить. Но так и не взялись, а добыча со временем захирела. Вот так одно название и осталось.

– В историческом месте вы живете.

– А где оно – не историческое? Везде люди живут. Старые умирают, новые рождаются, вот тебе и история.

– Ну да... Ну, я тут похожу, присмотрюсь?

– Сходи, приглядишься... Вниз по ерику спустишься, километра два будет, там мостик пешеходный деревянный, где речка сужается, построили гуртом с Красиловскими. Наконец-то договорились! Перейдешь мостик и – через степь.

– Что, раньше не могли договориться?

– Жлобились! А как Сарай-бату построили, так теперь все, кто денежку побыстрее да полегче заработать хочет, в Сарае отираются. И Красиловские тоже, им через степь да по мостику – ближе. И чем только не торгуют! И пирожки пекут, и салаты всякие гоношат, и напитки – квас, кумыс. Всё туристы за день подъедают. Хоть там и чайхана есть. Все ведь сейчас в бизнес ударились, скотину уже мало кто держит.

– Сарай-бату?..

– Ну, это наши так его прозвали. Вроде города игрушечного. Увидишь! Я тебе ключ от калитки дам, она у меня на ключ запирается. Собаки не держу.

– Что ж так?

– Зачем она?.. Бобик мой помер от старости, молодого заводить не хочу. Помру я – он сиротой останется, бродячим

станет. Кому чужая собака нужна? Все своих по дворам держат.

Святая женщина! И бесстрашная. Русский «авось» жил, жив и будет жить вечно!

* * *

– Только бы из дома слинять! Дома тебе просто воняет!

– Наташ, ну не выдумывай! Чем это мне воняет?!

– Не знаю, чем... Наверное, кем! Мной, наверно! – Наташка все накручивала себя, повышала градус раздражения, входила во вкус, чувствуя себя на сцене перед публикой.

Из публики имелся один только муж, Сергей, но играла она вдохновенно. Талантливой актрисе для вдохновения достаточно и одного зрителя.

– Зая, ну что ты, в самом деле... – вяло отбрехивался Сергей.

– Хоть бы раз!... Господи боже мой! Хоть бы раз в выходные сделал в доме что-то полезное! Для семьи!

– А то я не делаю...

– По собственной инициативе? Только после моего пинка!

– Да что в квартире делать-то? Все переделано! Был бы свой дом, уж там-то ковырялся бы потихоньку.

– Свой дом? Ковырялся? Да он бы тебе на голову упал, тогда б ты только заметил! Гвоздя не забудешь, пока тебя носом не ткнешь да молоток в руки не вложишь! Рыбалка да

гараж, рыбалка да гараж...

Преувеличивая мужеву никчемность, Наташа фальшивила, переигрывала, и оба это знали. Но таковы требования жанра.

– Лучше было бы, если б я в беседке с мужиками по выходным пиво пил?

– Еще чего не хватало! Но я б еще поняла, если б в гараже машина стояла, а то – лодка! Что там с ней можно каждые выходные делать?!

– «Маши-и-и-на»! – в голосе Сереги прорезался несмелый сарказм. – Разве я против машины? Да где же ее взять? Мои желания не совпадают с возможностями! Спасибо, лодка есть.

– Ну да! Почти что яхта. Олигарх!

Это был удар ниже пояса. Серега работал грузчиком в порту.

– Так замуж ты же не за олигарха выходила. И знала тогда еще, что олигархом мне не быть. Да и олигархи не на таких женятся.

Серый вернул удар.

– На каких «не на таких»?! Каких это «таких»? На разных олигархи женятся! Даже на доярках из Хацапетовки.

Опять фальшь, отметил Сергей. Неистребимая любовь к сериалам. Сама прекрасно понимает, что на доярках олигархи женятся только в глупых киношках. Сереге тут вполне уместно было бы тоже сказать – лучше бы ты чем-то полез-

ным для дома занялась! Но не сказал. Сказал другое:

– А потом разводятся. Меняют на молодых длинноногих блондинок.

Еще один зритель в этом домашнем театре присутствовал. Вернее, слушатель. Дверь в кухню, где разыгрывалась сцена, была закрыта. Подразумевалось, что и в Юркину комнату тоже, и сын этой свары не слышит. Как бы не так!

Серый просто сквозь стены видел приоткрытую дверь в комнату сына и его самого, бессмысленно уставившегося в монитор. Видел и маленькое розовое ухо, тянущееся к дверной щели и просто-таки согнувшееся под углом в девяносто градусов от напряжения. Решалась его судьба, но вмешаться он не мог: мать может вконец обозлиться, и батя спасует.

– И всего-то делов, на пару-тройку дней отпрашиваюсь, как порядочный, на праздники. А по будням я весь твой. Занимаюсь общественно-полезным трудом.

– Общественно-бесполезным, скажи!

– Лучше было бы, если б я голубей гонял? – Серега предложил уже второй вариант своего досуга. Он недвусмысленно намекал Наташке, как ей повезло с мужем.

– Вот именно, на праздники! Троица! Люди все с мужьями, на кладбище пойдут, а я? Куда я пойду?

– Ну... к маме своей сходишь... С мамой на кладбище сходите!

– И что я ей скажу? Любимый муж уехал на рыбалку на все праздники?

Сергея представил эту сцену, и ему стало жаль жену.

– И потом, знаем мы вашу порядочность – перепьетесь там как свиньи! А то и баб местных приволокёте! В селе сейчас бабы...

– Юрка за стеной! – предостерег Сергей.

– Ой-е-ей! Любящий отец! Образцовый семьянин! – ерничала супруга. – Давно таким стал?

Еще удар! Однако, неэтично с ее стороны. Всего и было один такой случай, и Серый в нем покаялся, да каялся горячо и искренне.

Наташка, конечно, красавицей не была, хоть и не урод назад пятками, но Серега жену любил. Просто однажды, по причине своей мягкотелости и хорошей дозы спиртного, поддался на провокацию одинокой ушедшей родственницы своего приятеля. Он попал в эту компанию случайно, был без жены и, выпив, стал легкой добычей.

После этой истории всех его корешей Натаха люто возненавидела. Впрочем, как все жены – мужниных друзей-приятелей. Это была то ли зоологическая ненависть, то ли классовая.

Она тогда вроде бы простила. Договорились забыть и не вспоминать про его грех. Но договориться – не значит забыть. При всех стараниях, совсем не вспоминать у нее, конечно, не получалось. Тем более, что в минуту слабости поделилась с мамой, и теща ее забывчивости отнюдь не поощряла.

– Так я же Юрку и хочу с собой взять, чтоб ты не сомневалась! Я что, совсем скотина – при ребенке пить да баб водить? Наташа, мы же договорились, что ж ты опять!.. Да и не за этим мы едем, что мы, дома в гаражах не можем выпить? На майские праздники не пустила, а мужики по мешку судачков привезли, за одну ночь натаскали.

– Ребенка – в степь? С ночевкой? На три дня?! Чем ты его там кормить будешь? – кажется, с высот творческого вдохновения она, наконец, спустилась на равнину прозаической логики. Жена маскировала отступление поисками аргументов.

– Ты хочешь, чтоб из него мужик вырос или барчук? Офисный планктон? Сисадмин? – сарказм из Серого прямо сочился.

И где только слов таких нахватался?

– А вкоровцы? А депеэсники? Такой штраф насчитают – рыбы той не надо! Дешевле на рынке купить.

Это был уже знак капитуляции.

– Сама-то соображаешь, что говоришь? «На ры-ы-ынке»! Она там полдня на прилавке будет валяться, мухами обсиженная, да пока ее довезут...

– А ваша-то?

– А наша на кукане, живая. Потом у одного там местного ледник в баньке. Будем складывать на лед, в ванну старую. Всё продумано и договорено. Ну, подсолим... А домой поедем по объездной, Колян уже ездил, знает, как посты мино-

вать – активизировался Серый и дожимал, дожимал.

– Да уж, – заразилась Серегиным сарказмом Наталья, – Уж вы машину рыбой доверху забьете. Можно ехать и не по объездной, будете на всех постах ментам рыбу раздавать. Ты хоть домой-то на жареху привези, про котлеты я уж и мечтать не буду.

Сергей был мягкосердечным и не выносил конфликтов, но о пропущенных ударах не забывал.

– Рыбку-то любишь, – не спросил, сказал утвердительно (а кто ж ее не любит, в рыбацких-то краях!) – Свежачка! Будет тебе и жареха, и котлеты, и на копчушку останется. Еще и с тещенькой поделишься, зятек-недотепа обеспечит на праздники, – выплеснул остатки едкого сарказма Серый.

Натаха смолчала, видно, тоже считала пропущенные удары и понимала, что теперь очередь мужа сравнить счет.

– А куда поедете-то? – спросила уже почти спокойно. – На Маячкино?

– На Пороховое попробуем. Кто был – не разочаровался.

– Да они и соврут – недорого возьмут, чтоб еще какие-нибудь дурачки повелись.

Дверь из кухни распахнулась, и Юркино ухо, распрямившись, приняло обычное положение. Батя молодец! Тот еще дипломат, но в этой битве титанов победу одержал он.

Где есть мед, там найдутся и мухи

МНС Павленков Владислав Николаевич немножко не дотягивал до возраста Христа, в сентябре ему должно было стукнуть еще только тридцать два. Или уже?.. Христос, или, к примеру, Александр Македонский, да даже наш Александр Сергеевич в таком возрасте много чего понаделали-понаписали. А он кандидатскую все никак не допишет. А должность младшего научного сотрудника он занимает, поскольку практики по специальности у него – дофига! Он с пацанов на раскопки ездил, студентом в музее подрабатывал. Не

говоря уже о том времени, когда потом диплом по специальности защитил.

И дерево Павленков не посадил. И сына не родил. На Востоке в этот традиционный план-максимум включают еще и четвертый пункт – убить змею, как символ зла, исчадия. Этот пункт ему приходилось выполнять не единожды – эти заразы вездесущи: и в палатки заползали, и прямо из пальцев выскальзывали, когда приходилось собирать сухую траву для костра. Гадюка степная кусала, а медянка даже два раза. Как ты ей объяснишь, что агрессивных намерений не имеешь, просто заметил поздно?

За плечами Владислава Николаевича, Влада, то есть, имелось два удачных брака. Удачных в том плане, что, завершившись разводами, последствий не имели. Владу не пришлось платить алиментов, терзаться совестью долгими зимними ночами на предмет оставленных сирот, которые будут расти безотцовщиной. Кроме того, если бы из его зарплаты МНСа высчитывали алименты, ему и материально пришлось бы очень-очень поднапрячься.

Сам себе он твердо пообещал порог ЗАГСа в качестве жениха больше никогда не переступать. По крайней мере, в обозримом будущем. Парнем он был весьма привлекательным, этакий русоголовый сероглазый добрый молодец, ярко выраженного славянского типа, приведенный модой в соответствие с требованиями современности. Бабы липли, как мухи на мед.

Нынешняя его женщина, Алиса, гражданская, так сказать, жена, поначалу была такой же покладистой и понимающей, как и две её предшественницы. Она появлялась, когда он хотел ее видеть, и жила некоторое время в его угловой однушке на пятом этаже хрущобы. Как только её присутствие начало его слегка напрягать, Алиса чутко улавливала момент, когда ей следовало дать Владику передых от тягот семейной жизни.

Поначалу, правда, она тешилась надеждой, что Владик привыкнет к обустроенному быту и не захочет отказываться от приобретенных милых привычек и комфорта. Но со временем надежды её оставили. Произошло это незаметно и безболезненно, как считал Влад. Еще он считал, что приручил Алису, и тихо радовался, что ему, наконец, попало такое сокровище.

Великое дело – эти гостевые браки! Алиса терпела его вечное отсутствие (всегда, естественно, по архиважным делам, связанным с наукой археологией), раздрыганный быт, череду беспутных друзей и баб, конечно. Она соглашалась с его железными доводами на тему, что заводить детей сейчас преждевременно. И все складывалось просто прекрасно!

Но если две прежние жены молча собрали вещи, выражая несогласие с образом жизни любимого, и без сцен ушли на прежнее место проживания, то есть в родительский дом, Алиса показала себя стратегом. Она объявила о четырехнедельной беременности и сказала, что будет рожать, а он себе

как знает.

Мне двадцать семь, сказала Алиса, чего тянуть? Раз уж так вышло. Сказала так, как будто оно само собой так вышло, безо всяких усилий с ее стороны и предпринятых ею мер.

«Как знает» – это было слишком сильно сказано. Далее любимая конкретизировала свое видение будущего: на алименты, сказала Алиса, я подам непременно, и ребенка пропишу у тебя, хотя бы дело дошло до суда. Пусть лучше ребенку эта конюшня когда-нибудь достанется, чем какой-нибудь из твоих прошмандовок (типа, она от них чем-то принципиально отличается!) Может, когда-нибудь он помянет тебя добрым словом и назовет папой. И скажи спасибо, что сама я не стану претендовать на твои вонючие квадратные метры, мне без надобности. И, разумеется, после его рождения можешь делать тест на отцовство, если у тебя возникнут сомнения.

И стал не мил МНСу Павленкову белый свет, и ничто его не радовало. Конечно, ничего такого уж непоправимого не случилось. Ну, поспособствовала Алиска в выполнении назначенной мужику библейской жизненной задачи – родить сына (где гарантия, что не дочь?) Сейчас приходящие отцы сплошь и рядом, не говоря уже о беглых алиментщиках. Но Влад был сторонником традиционной модели семьи, где-нибудь в отдаленном будущем. А разве можно строить семью с женщиной, подобной Алиске?!

Она, наконец, продемонстрировала Владу свою сущность,

свое черное нутро, и, заглянув в эти глубины, Павленков отшатнулся в ужасе. А эта кошмарная женщина с наслаждением садистки наблюдала за его вытаращенными глазами, отвисшей челюстью и сменой красок на лице. С Алисой он не пошел бы в разведку, нет, не пошел бы. Женщины, подобные ей, готовы подставить тебе подножку в любую секунду, только зазевайся!

Почти утратив веру в человечество, точнее, в так называемую лучшую его половину, уже несколько дней Влад жил в тягостном ожидании. Алиса от встреч отказывалась, разговаривать не желала ни на какие темы, поскольку справедливо полагала, что разговоры сведутся к одной конкретной теме. Павленков тосковал и мечтал куда-нибудь деться – уехать в какую-нибудь длительную командировку (куда?!!) или, к примеру, по обмену (и кому он нужен – им обмениваться?!).

Тут как раз и возникла необходимость: ехать ему в степь, где их группа уже не первый год проводила раскопки. И ехать не просто сопровождающим, ведомым, под чутким руководством старшего товарища – Шпигалева. Ан нет, предстояло самому присмотреть место для будущего пробного шурфа, а если Шпигалев в своих столицах задержится и если почва достаточно сухая, то и заложить этот самый шурф.

Ура, ура, есть возможность хоть немного отвлечься от тягостных мыслей! Хоть на день-другой.

Первым делом Павленков заскочил к председателю сельсовета Хромосову, по совместительству – давнему другу коллеги и руководителя археологической экспедиции Шпигалева.

Они заканчивали один вуз, тогда еще носивший скромное звание института, а не академии или университета. Правда, учились на разных факультетах и в разные годы. Хромосов, недолго поработав в школе, пошел по хозяйственной части. Шпигалев – по научной стезе. Иногда по вечерам Хромосов приезжал в лагерь к археологам – на огонек, так сказать. Сидели у костра, вдыхали горький полынный запах дыма, кизяка и приторной смеси гвоздичного масла и ванили. Или крема «Тайга». Средства эти были в ходу, хотя быстро выяснилось, что они почти бесполезны от мошки и комаров.

Помнишь, в мезозойскую культуру

У костра сидели мы с тобой, -

Не слишком виртуозно терзая струны гитары, заводил рыдающим баритоном Павленков.

Ты мою изодранную шкуру

Зашивала каменной иглой, -

радостно гаркал мужской хор. Не хор Турецкого, конечно, но громко и от души...

Заскочил Павленков в сельсовет на предмет – показаться Хромосову, побеседовать об открытии сезона, ну и обсудить шкурный вопрос предоставления председателем некоторой

рабсилы. То есть, хотя бы парочки рабочих-землекопов, хоть ненадолго – пока к лагерю не подтянутся студенты-практиканты с исторического факультета.

Болезненная тема для председателя: летняя страда, день год кормит.

– Насчет землекопов я тебя не порадую, – сходу «обрадовал» Хромосов. – Разбежались твои землекопы.

– Куда разбежались?

– А кто куда! Витька Зинченко с семьей в город на жительство переехал. Марата Шакирова рыбаки к себе в бригаду взяли.

– А Тряпичников?

– Ванька-то? Этот случай всех злее. Ваня теперь в Тюмени у нефтяников вахтует. Домой на побывки приезжает. Говорит, денег кучу там заработает.

– Хреново... Всем деньги нужны!

– Хреново, – не стал спорить Хромосов. – А тебе что, не нужны? Но ты так уж не убивайся. Найду я тебе людей, каких-никаких.

– Мне каких-никаких не надо. Мне путёвых надо.

– Путёвых найду. Не вздумай мне только своей демагогией полеводов мутить, своими фантастическими заработками.

– Ни боже мой! Я что, враг тебе?

– Себе ты не враг. Знаем мы вашу дружбу! Кстати, тут один копальщик-специалист высшей категории у нас завелся

– Генка Звягинцев. Чего только не копал, где только не был! Помотало его по России. И в Магадане на приисках золото искал, и в Кузбассе на шахтах уголек добывал, и во Владивостоке на сейнере рыбачил!

– И что, много накопал-нарыбачил?

– Судя по всему, немного. Есть ведь такая порода шатунов: «ты пойми и не удерживай меня!». Кому-то длинный рубль, кому-то – романтика больших дорог! Таких деньги не любят. Но Гена, по-моему, все же деньги любит. По-моему, тут классический случай несходства в любви характеров.

– А что ж я ему могу предложить вместо приисковой романтики? Степную романтику старых костей? Пекло да песок на зубах?

– И это тоже. И заработок. Я думаю, он и на приисках мед ложкой не хлебал. И романтикой сыт, не мальчик уже. К работе привычный, мужик здоровый, силой Бог не обидел. Материальной стороной заинтересовать – надежнее будет.

– Да вроде мы никого не обижали.

– Ну, это вы местных не обижали. Гена немножко другими финансовыми категориями мыслит, конечно.

– Но я же не могу обещать ему персонально золотые горы!

– Ну, ты уж помозгуй. Чемоданов, набитых деньгами, он не привез, вроде. И пока, как будто, никуда не собирается – мать прихварывает, а он один у нее. Она-то его и вынудила домой вернуться, плешь проела: помру и не увижу тебя. Да я для начала сам с ним поговорю! А сейчас, пожалуй, с тобой

в степь прокачусь, заодно тюльпанов жене наберу. Ты-то не женился? Пора бы уже! Бог троицу любит.

– Отстань! – отмахнулся Павленков.

– И где ж та амазонка, что тебя, жеребца, взнуздает?

– Не родилась еще. Поехали!

...Заскочили к Звягинцевым. «А чего откладывать?» – сказал Хромосов.

Гена покочевряжился немного, для виду, но согласился поработать сезон – председатель умел быть убедительным. Павленкову оставалось только поддакивать. Мужик крепкий с виду, руки – лопаты. Гена сразу же и напросился съездить с ними в степь – ознакомиться, так сказать, визуально с будущим фронтом работ.

Поколесив по степи, они уже решили возвращаться, как вдруг, вынырнув из-за очередного холма, увидели вдаль легковушку и двух мужиков с лопатами в руках. Мужики стояли, опершись на лопаты, возле немалой кучи земли и заглядывали в вырытую яму. Копатели так увлеклись, что, видимо, не слышали мотора, да и ветер относил от них звук.

Павленков с Хромосовым свернули с дороги. Тут уж их заметили. Из ямы выскочили еще двое – копали попеременно. «Черные археологи» не пожелали рисковать и вступать с вновь прибывшими в диалог. Чуяли, что едут товарищи, которые **ИМЕЮТ ПРАВО**. Да и неизвестно, сколько их там, на двух машинах.

Побросав в свою «ниву» инструмент и в темпе загрузив-

шись сами, копатели газанули в степь.

– Все ищут, ищут, – с досадой сказал Хромосов. – Ни законы, ни постановления их не останавливают. То «трофейщики», то «черные археологи». Как медом намазано! Чем ты их испугаешь?

– Наказанием. Были бы построже статьи в Уголовном кодексе, и толк был бы, – возразил Павленков.

– Ой ли?.. Ты сегодня приехал, а теперь не раньше, чем через неделю вы тут объявитесь, а мы с участковым не укараулим. У нас и другие дела имеются, как ты понимаешь.

Осмотрели раскоп – вырыть успели примерно на метровую глубину. Может, больше. До культурного слоя не добрались, недавно начали. Хотя копали, похоже, не наугад.

– Забросаем?

– Конечно. Но надо будет сюда заглянуть – чем черт не шутит! Похоже, не простой холм, могильник. Дуракам везет. Они, думаю, не просто так рыли. Прежде обследовали хорошим мощным металлоискателем. Вот только что они здесь найти хотели: оружие или захоронение?

Вчетвером – с Павленковым был еще и его сотрудник – перебросали кучу земли обратно в раскоп.

– По коням!

Уже вечерело.

– Ну ты что ж, так и не наберешь своей девушке тюльпанов? – опять пристал назойливый Хромосов.

У него в машине в пластмассовом ведре с водой разме-

стился роскошный желто-красный букет.

– Отвяжись! – грубо сказал МНС.

Честно говоря, по задворкам павленковского сознания проскользнула шальная мыслишка о букете для Алиски, но Влад ее безжалостно прогнал. Во-первых, эта стервоза не шла на контакт, и чего ж зря пропадать такой красоте? Тюльпанов и так в степи с каждым годом становится все меньше. А во-вторых, Павленков прямо въявь увидел ехидную усмешечку экс-любимой.

И как он раньше не замечал, что у нее тонкие губы? Ведь это – первый признак ехидства! Алиса, однозначно, воспримет букет как желание подкупить ее, подмазаться! Или, того хуже, как знак его капитуляции, слабину! Не дождется.

Все же ему заметно полегчало. Влад вспомнил Ходжу Насреддина, взявшегося по приказанию шаха обучить своего ишака читать: или шах помрет, или ишак сдохнет, или я что-нибудь придумаю.

Что-нибудь придумается. Как-нибудь рассосется. Будет день – будет и песня!

* * *

Расположились в живописном месте на берегу, под раскинувшейся шатром старой ивой. Перекусили, чем жены в дорогу снабдили, и Серый с Коляном занялись палаткой. Санек закинул удочки, сразу три – поймать что-нибудь к ужи-

ну. Юрку отправили собирать по берегу сушняк для костра.

Кострище уже было готово, спасибо добрым людям, рыбачившим здесь до них. «Добрые люди» вскоре не замедлили явиться, да вряд ли те, что оставили кострище. Подъехал старенький «форд», остановился на дороге, и от него вразвалку, приклатненной развинченной походочкой, имевшей целью устроить, направились к городским рыбакам трое. Молодые, наглые.

– Эт-т-т че тут за гости пожаловали, незваные-нежданные?

– И сразу – на наше место! Как будто берега им мало!

– Эти городские оборзели! Конченные беспредельщики!

Значит, местные. До чего дошел прогресс! Сельская дешевая гопота на иномарках передвигается.

– Это с каких же пор я у тебя, сопляка, разрешения буду спрашивать, чтоб в своих родных местах порыбачить? – вполне миролюбиво спросил Колян, поигрывая топориком – колышки тесал. Насчет родных мест он несколько преувеличил – родился он на Седом Урале.

– Что-то я такого родственничка не припоминаю! – продолжал угрожающе гундосить длинный сутуловатый блондин, то ли заводила-шестерка, то ли, наоборот, старшой.

– Да я б с тоски удавился, если б меня Бог таким родственничком наградил!

– Наглеешь, дядя! Сильно смелый?

От берега бежал Санек. Он успел заглянуть в машину за

монтировкой и приближался не с пустыми руками. Краем глаза заметил Серый несущегося к ним перепуганного Юрку.

– Короче. Половина улова – хозяевам, как положено, на котел. И можете оставаться.

– И никакой альтернативы, – разъяснил другой, ниже блондина на полголовы коренастый брюнет.

О как! Не только на иномарках рассекаем, но и иностранные слова умеем вставлять в тему. Наверное, студент. На праздники приехал в отчий дом. Ну, и подзаработать по возможности. Мозг коллектива.

– А поноса у тебя не будет? – озаботился Санек, адресуясь к Высокому Блондину. – Диареи, то есть? – повернулся он к Студенту.

– Быкуете, дяди! Не пришлось бы пожалеть!

Третий все молчал. Немой, что ли? По законам жанра он бы должен был быть рыжим, а был каким-то невнятным, пеговато-русым.

Пауза затягивалась. Пришло время уже и Серому что-то сказать, а то и про него пришельцы подумают, что немой. До сей поры он сидел спокойно, даже не оборачиваясь к наглицам – столько повидал уже подобных «подкатов», что не видел нужды суетиться. Местные рыбаки пришлых, особенно иногородних, всегда недолюбливали, редкая рыбалка обходилась без проверки «на вшивость».

Нет, настолько наглых, с прямыми угрозами и грабительскими требованиями, встретишь не часто. Это, наверное,

характерная черта для самых молодых, дерзких, не битых жизнью. Рыбаки постарше были и спокойнее, и миролюбивее: подходили знакомиться запросто, без глупых шуточек и язвительных комментариев по поводу удочки, подкормки и подпойки. Если место было на самом деле рыбное, застолблённое, то чужакам иногда просто показывали, за какую границу не стоит заступать и в какое место на воде не следует забрасывать леску. Ну а если уж действительно хотелось согнать приезжих со «своего» берега, то и конфликт учиняли попросту – обвиняли в опустошении оставленных без присмотра снастей и куканов.

Как бы то ни было, Серый знал, что хорошо закончить любой конфликт можно только одним способом. Продемонстрировав умному – уверенность, а дураку – силу. Поэтому он вздохнул и вытащил из необъятного кармана расписных сатиновых бриджей, сшитых женой, пистолет. Зажигалка, но как настоящий – предмет зависти молодого мужского населения всей их пятиэтажки. Знакомый, бывший зэк, искусно выточил.

– Как это мне напоминает КВН, – сказал в раздумье. – наших любимых «камызяков». Телевизор-то смотрите? Вы же – патриоты своего края, болеете за них? За камызякскую мафию? Вы, часом, не из них?

– Мы еще вернемся, – ответили гости. – И не одни. У нас своя мафия. До Камызяка отсюда не близко.

– Ни хвоста, ни чешуи! – разлепил губы Немой. – Ну, ти-

па, ловись рыбка и большая, и маленькая. Большая – нам, маленькая, соответственно, вам. Если не хотите полюбовно. Гы-ы-ы!

Оказалось – не немой.

– Зачем ты с ними был так жесток? – спросили потом Санек с Коляном, когда гости убрались. Про «камызяков» сказал?

Серый вспомнил, как в одной из сценок кучерявый «камызяк» в роли браконьера вот так же визжал, тряся вихрами: «Рыбу мне отдал!» – и ухмыльнулся.

– А ты не дрейфь, – сказал Колян испуганному Юрке. – Это обычный наезд: получится – хорошо, рыбка на халяву. А если нет, ну и ладно. Но вообще-то со мной такое в первый раз. Места здесь спокойные, село зажиточное, городских рыбаков всегда полно. Видно, этот студент решил опробовать на нас свое...

– Ноу-хау, – подсказал Серый.

– Его, – согласился Колян. – Делает первые шаги в бизнесе. Наверное, будущий экономист.

– Или юрист. Они сейчас преимущественно юристы-экономисты-финансисты.

– Но пить все-таки я бы не стал за ужином, – сказал Санек. – Мало ли что!

Сереге божился жене, что выпивки не будет, но оба прекрасно понимали, что это сплошная риторика: кто же на природу едет без бутылки. И «бутылка» в данном случае – это

литота. Сын недавно вычитал в интернете, что так называется «гипербола наоборот», то есть художественное преуменьшение. Смешно даже подумать: три молодых здоровых мужика – и одна бутылка! На рыбалке!

– Ну, по чуть-чуть, – решил Колян. – Чисто символически. Под ущицу! Нам Бог не простит!

– Ну, разве что по чуть-чуть, – сдался Санек. – Вы и мертвого уговорите.

– Юр, матери ни-ни! – на всякий случай напомнил Серый сыну, хотя и так знал, что Юрка – ни-ни!

Бутылку, «по чуть-чуть», убрали. То есть, съели, словами Коляна.

– Но все-таки, во избежание неожиданностей, – сказал Колян, – будем дежурить. Мало ли! Лодку уведут или машину разуют, поганцы. По два часа. А часов в пять поплывем к тому берегу, там попробуем. Может, и пораньше, как проснемся. Серый, ты будешь бдеть первый, ага? У меня тут свисток судейский, на всякий случай вожу с собой. Если что – дуди.

– Не бойсь, мы их отучим реку крышевать. Эти щенки девяностых не застали, чтобы нас пугать.

– Ох, и глупая же молодежь пошла! – побряхтел Колян, залезая в палатку.

Сергей, как все улеглись, укутал Юрку: ночи еще прохладные, хоть в палатке и тепло. Чмокнул в лоб.

– Спокойной ночи, сына!

И все затихло.

Тишины, конечно, абсолютной не было. От села доносился иногда лай собак, в реке плескалась рыба, которой, вполне вероятно, предстояло завтра попасться им на крючок. Сверчки как ошалели – просто симфонический оркестр! В городе их мало, не так слышно. И поют не так азартно. А звезды! Просто фонари, кем-то развешенные в темно-фиолетовом небе.

Вскоре глаза у Сереги начали слипаться. Сказывалась усталость сегодняшнего баламутного дня, выпитое, запах речной свежести... Надышался за день кислородом.

Пару раз клюнув носом и вдруг вскинувшись, Сергей обнаружил, что костер почти погас. Ну и ну, насторожевал! Он решил спуститься к реке – умыться, размяться, а потом заново разжечь огонь. И тут до него донеслись приглушенные голоса.

Сергей замер, холодок пробежал по спине. Вряд ли это давешняя «мафия» – он не слышал звука мотора. Пешком идут? Так в этом случае приближалась бы гоп-компания бесшумно, чтоб не выдать себя раньше времени.

Может, такие же рыбаки? Но голоса раздаются от дороги, а рыбаки бы шли по берегу, да и разговаривали бы, не таясь. Эти же явно понижают голос, хотя, казалось бы, кого им опасаться вдали от жилья? И не разговаривают они, а как-то отрывисто, с паузами, перебрасываются словами. Сергей и услышал-то их потому, что у воды звук далеко разносится. Да в подсознании все равно таилась тревога после дневной

стычки. Насторожен был.

Голоса приблизились, и вот в молочном лунном свете, заливавшем дорогу, показались две фигуры. Мужские, вроде бы... Они что-то несли. Один – вроде бы сумку, но без особого напряжения, видно, ноша была не очень тяжела. Или мужик был сильный. Второй – какие-то толстые палки в руках.

Поравнявшись с их лагерем, заметили белеющие под деревьями палатки и автомобиль чуть поодаль от палаток. Притормозили резко и стали вглядываться. Хорошо, что костер погас, а Сергея куст скрывал. Постояв, прислушиваясь, двинулась дальше, но уже молча. Видимо, решили, что рыбаки спят. Сморило их с устатку да и «причастились» хорошо, от жен сбежавши.

Слава Богу, Серега не засвистел с перепуга – хорош бы он был, если б переполошил всех понапрасну! Завтра шуточек на весь день бы хватило. А перед Юркой-то как бы он выглядел?! Батя – паникер. Ну, прошли себе люди и прошли, мало ли, кто и откуда идет ночной порой!

От пережитого мандража сон как рукой сняло. Пора было уже и Коляна будить на смену, но Серега пожалел друга: он полдня за рулем, это они с сыном пассажирами ехали. Пусть поспит, а Серый сон днем доберет. Костер только надо разжечь, а то что-то подмерз он. Сыро у воды, еще и хмель выходит.

Тут выяснилось, что спички куда-то запропали, а угольки

в золе окончательно потухли. И ни возле костра, ни в карманах спичек не нашлось. Наверное, выронил, когда пистолет доставал.

Отойдя в сторонку, чтоб пригасить звук, пощелкал своей грозной зажигалкой – газа в ней не было. Это было Серегиной вечной неразрешимой проблемой – вовремя поставить телефон на зарядку и заправить зажигалку. Как-то постепенно эти процедуры стали Наташкиной святой обязанностью. То ли любимая в состоянии взвинченных нервов забыла, собирая мужа в дорогу, то ли решила повредничать, чтоб вспоминал там почаще. Ну что ж, по грехам и муки! Мерзни-мерзни теперь, волчий хвост!

Серый немножко попрыгал – не прыгалось что-то. Решил, что от быстрой ходьбы быстрее согреется, и пошел вдоль реки, вверх по течению, по направлению к селу. Сначала маршировал не удаляясь от лагеря, но как-то незаметно все увеличивал и увеличивал дистанцию. В конце концов, добрался уже до самых сараюшек, стоявших на отшибе от села.

Сараюшки эти были – бывшие баньки, построенные когда-то хозяевами в конце своих огородов, у реки, чтоб далеко воду ведрами не таскать. Когда в Пороховом появился централизованный водопровод, сельчане стали строить бани уже во дворах, поближе к домам, ведь вода теперь поступала в бани по трубам.

Заброшенные старые баньки хозяева использовали по-разному: кто-то там навоз складировал, кто-то – старый ого-

родный инвентарь хранил, уже негодный, если выбросить рука не поднималась. В одной из бань хозяин – знакомый Коляна – установил старенькую облупленную ванну, в ней его знакомые приезжие рыбаки подсаживали улов, если приезжали не на один день.

И тут Сергей опять услышал уже знакомые голоса, отрывистый приглушенный разговор. Он нырнул к растущему недалеко кусту, присел и замер, инстинкт подсказал ему это. Ночные гости то замолкали, то опять перебрасывались несколькими словами.

Сергея никак не мог сообразить, чем они там занимаются. Он слышал еще какой-то звук, мягкие шлепки и хэканье. Наконец понял – они копали. У Сергея уже затекли ноги, по подошвам побежали мурашки, и он совсем было решил ползком или на карачках пробираться к ближайшим деревьям, а там – короткими перебежками к своему лагерю. Меньше знаешь – крепче спишь! Но тут из темноты на залитый лунным светом берег показались две фигуры – сладкая парочка закончила свою работу, и Сергей снова замер.

На берегу было гораздо светлее, чем на дороге, из-за отражающейся в реке луны. Мурашки его тоже замерли. Ночные тати постояли, всматриваясь и прислушиваясь, и направились к дороге.

Палки, которые нес один из них, оказались лопатами, значит, точно – копали! А сумки, которую нес второй, при нем не было – теперь понятно, что они там закапывали. Интерес-

но, что могло быть в этой сумке?

Парочка уже исчезла из вида, и Сергей, наконец, пошевелил ногами. Потихоньку распрямился, но, охнув, опустился опять на землю. Его мурашки ожили вместе с ним. Только посидев немного, помассировав ступни, осмелился встать – нормально!

И идти бы ему к палаткам, будить Коляна, разжигать костер и, попив чайку, загружаться в лодку и плыть к противоположному берегу! Как и планировалось с вечера. Но, как в знаменитой басне, Серега призадумался. На ту беду...

Что эти два хмыря закапывали, интересно знать? Судя по громкости голосов, это было не так далеко. Скорее всего, вторая сараюшка отсюда. И он поперся туда – посмотреть, чтоб уж рассказывать завтра (или уже сегодня) друзьям, оперируя фактами.

Правду говорят, что на роду написано – от того не убежишь. И он ли первый, кого сгубило чрезмерное любопытство?

Сергей присел у задней стены сарая – земля хоть и была выровнена и притоптана, но еще влажная. За завтрашний день высохнет – и ничего не будет заметно! Услышал шорох, но ни выпрямиться, ни головы повернуть не успел – страшный удар обрушился ему на голову.

И он ничего больше не успел. И жизнь его, не такая уж и длинная, не промелькнула перед глазами. И туннеля, по которому несутся души умирающих к свету, не увидел. Да и

есть ли он вообще, этот туннель? Оттуда ведь еще никто никогда не вернулся, чтобы доложить. А те, что про него рассказывают, до цели так и не добрались.

Меньше знаешь – дольше живешь, воистину.

Всякая дорога имеет начало

Зоя Васильевна Конева, немолодая женщина, за шестьдесят, пребывала в растрепанных чувствах.

Получив пенсию, она пробежалась по рынку и супермаркетам, коих в последнее время видимо-невидимо расплодилось в маленьком Артюховске. В них всегда было многолюдно.

У нее просто в голове не укладывалось: сколько же продуктов умудряется съесть за сутки артюховское население,

в количестве ста тридцати тысяч с небольшим? Это – включая младенцев. Загляни на следующий день и еще на следующий – в магазинах будет так же многолюдно, и все тащат к дому битком набитые корзины!

Не обошла вниманием Зоя Васильевна и продуктовые клетушки-закуточки в торговом центре «Да! Да! Да!» – там все было немножко дешевле. «Размотав» отведенную для покупок сумму, нагруженная двумя увесистыми пакетами, с приятным чувством исполненного долга она возвратилась домой.

Разложив покупки по шкафчикам, в соответствии с их назначением, засунув в холодильник, что положено, она села, чтобы сверить чеки со своим списком. На какую сумму и в какой торговой точке ее сегодня надули, и какой урон нанесла она своему бюджету, потрафляя сиюминутному капризу.

Список запланированных обязательных покупок должен был находиться в кармашке сумочки, а чеки – в кошельке. На поверку, список оказался на месте, чего нельзя было сказать о чеках. Их не наблюдалось, поскольку отсутствовал кошелек. То есть, его нигде не было, совсем.

Зоя Васильевна приложила пальцы к вискам и вслух приказала себе:

– Спокойно! Не будем паниковать раньше времени! – ибо знала за собой этот грех.

Потом тем же приказным тоном произнесла громче, в пространство:

– Шутик-шутик, пошутил – и отдай!

Шутик Зои Васильевны был, в общем, парнем покладистым и обычно долго не выпендривался. Сегодня же он безмолствовал и бездействовал: то ли был не при делах, то ли в кои-то веки решил проявить строптивость.

Следующим шагом Зои Васильевны стала проверка, на всякий случай, карманов и подкладки сумки. На предмет выявления образовавшихся и еще не замеченных дырок. Правда, это уже был шаг отчаяния, вопреки всякой логике, и шаг безрезультатный. Как можно долго не замечать дыру, в которую способен провалиться кошелек?

Дальше, как советуют психологи, чтобы успокоиться, она сосчитала от одного до пятидесяти и обратно. Никакого эффекта. «Может, надо до ста и обратно?» подумала, было, женщина, но решила, что нечего зря время терять.

Пришла пора включить логику, что Зоя Васильевна, наконец, и сделала. Она прекрасно помнила, как в последнем по очередности магазине, расплатившись, опустила кошелек в сумку. У кассы было тихо, полы – кафельные. Даже если бы она опустила кошелек мимо сумки, был бы мягкий шлепок – звук падения.

Украли? Как и когда? Нет, мерзавец-кошелек, вздумавший шутки шутить, дома, однозначно, но где?

Зоя Васильевна еще раз прошла по шкафчикам и тумбочкам, перебрала все купленные пакетики и кулечки – вотще! Логика тоже оказалась бессильной.

Со стрессом всяк борется своими методами. Вот подруга Зои Васильевны – Мила, Людмила Ивановна Каргина, не переносит одиночества, если с ней происходит какая-то неприятность. Ей надо тут же поделиться с кем-то своей бедой. Когда беда дробится на кусочки, по количеству тех, с кем ею делишься, она не кажется уже такой глобальной.

С наивным, но небезосновательным эгоизмом Людмила Ивановна полагала, что, оделив кого-то частичкой своей неприятности, она никому не усложнит жизнь. Чужая неприятность – тьфу, пустяк. Человек выслушает, посочувствует и тут же забудет, но **ВЫСЛУШАЕТ!** Со своим же собственным кусочком оставшейся беды уже вполне можно существовать дальше.

Другая ее подруга – Люся, Людмила Петровна Комарова, наоборот, уходит в себя. Вернее, в работу. Люся отключает телефон, чтоб ее не дергали, и развивает бешеную деятельность. За пару часов она превращает жилище в стерильную операционную, вылизывает, отдраивает, доводит чистоту до немыслимого совершенства. Если после этого зайдешь к ней в дом – следующий шаг уже и сделать страшно при виде этой нежилой чистоты.

Меж подруг это так и обозначалось: Люськи нет, она ушла в себя. Значит, с Люсей приключилась какая-то неприятность. Выплеснув негатив в процессе уборки, она включает телефон, и уже спокойно, отстраненно, с юмористическими комментариями делится своей бедой.

Кому-то надо в такие моменты вздремнуть, кому-то – пожевать сладенького, кому-то – водочки выпить. Зоя Васильевна же хватала любое чтиво, что под руку подвернется: хоть журнал, хоть рекламную листовку. Чтение было ее лекарством, любая печатная продукция.

Сейчас ей под руку попала газета, даже две, аккуратно сложенные и вложенные одна в одну. Так сложить газеты могла только большая аккуратистка, не терпящая беспорядка даже в мелочах. Как выражались пренебрежительно и с долей зависти поволжские хозяйки, не обладавшие такими качествами, – «чистоплотница хренова».

Газета была необычная, не местная. Пару дней назад у нее ночевали родственники покойного мужа, супруги из села Порохового – приезжали в город на рынок, чтобы домашней свининкой торговать. В оставленные ими номера «Степной нови» месячной давности что-то заворачивали, а потом и оставили за ненадобностью.

Схватив с жадностью, как безнадежный больной хватает долгожданное заморское лекарство, первый неказистый, с плохо отретушированными фотографиями экземпляр районной печати, женщина погрузилась в спасительный текст.

Читателем она была хорошим, опытным. Тем не менее, газеты чисто автоматически начинала читать с четвертой страницы. Минуя бравурные заказные передовицы, начинала с какого-нибудь легонького матерьяльчика, хотя в мыслях и корила себя за это.

СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА

Археологической группой, уже не первый год проводящей раскопки вблизи села Пороховое, в одном из раскопов найдено несколько ценных артефактов. В их числе – настоящий клад: две древних керамических шкатулки с монетами.

Археологи предполагают, что раскопали местонахождение двора или усадьбы ордынского бека или просто богатого горожанина. Если судить по остаткам кирпичной кладки, дом когда-то живших в нем людей был очень просторный. Обнаружились остатки глиняных труб для водопровода, китайских печей для обогрева комнат – «канов», даже канализация.

По утверждению руководителя экспедиции – известного в регионе археолога Д.Е. Шпигалева, найденное представляет большую историческую ценность. Причём, раскапывать усадьбу археологи только начали. Вполне возможно, здесь будут сделаны и другие ценные находки.

Уже давно у археологов в этих местах, применяя рыбацкий термин, не было такого богатого улова. Хотя, если развивать дальше рыбацкую тему, нельзя не упомянуть об еще одном улове. Несколько дней назад группой рыбаков была найдена на отмели часть золотого хазарского нагрудного украшения, очевидно, вымытая из захоронения водой во время половодья. Возможно, это обломок медальона, мужского или женского.

Шпигалев, которому рыбаки принесли показать свой «улов», уверен в подлинности артефакта и высокой пробе золота. Но, разумеется, последнее слово будет за экспертами.

Надеемся, эти находки оживят угасший было интерес научных кругов к судьбе Порохового городища. По словам господина Шпигалева, этим летом экспедиция начала работу над новым перспективным участком, поэтому ученые надеются, что находки являются лишь «первыми ласточками». Возможно, наши степи уже в недалеком будущем станут Меккой для туристов, исследователей и любителей истории родного края.

Дальше речь в статье традиционно шла о недостаточном финансировании археологических экспедиций. Как будто в наше время что-нибудь финансируется в полном объеме!

– Однако, у районной газеты большие амбиции. Особенно насчет туристической Мекки! – прокомментировала с улыбкой Зоя Васильевна.

Хотя она прекрасно знала, что в статье – не просто журналистский треп. И действительно, местные жители не раз находили в степи, прямо на поверхности, медные и мелкие серебряные монетки. Курганами же покрыта вся степь. Да и река, подмывая берега в паводки, оставляла на отмелях немало всяких интересных вещей, золотых в том числе. Скорее всего, из захоронений. Но то – одиночные находки, а тут –

шкатулки.

Следующая заметка продемонстрировала неуместность ее иронии.

БУДУЩЕЕ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ

Как известно нашим читателям, недалеко от села Пороховое два года назад велись съемки исторического фильма о Золотой Орде. Для съемок был построен грандиозный макет – несколько кварталов средневекового ордынского города в натуральную величину. Объект получился настолько впечатляющим, что, по ходатайству губернатора края, после завершения съемок декорации не были разобраны.

Окончив съемки, киношники оставили созданный ими «город», которому местные жителями дали название Сарай-Бату (по аналогии со знаменитой ордынской столицей), в степи. После определенных консервационных работ, которые провели местные архитекторы, строители и музейные работники, он превратился в музей под открытым небом.

Год спустя интерес туристов к новому объекту на карте региона нисколько не угас. Вокруг собственно города, построенного из кирпича и глины и обнесенного двухметровой крепостной стеной, теперь раскинулся еще и лагерь из кочевых юрт. В юртах – все удобства для туристов.

Здесь есть чайхана с богатым выбором восточных блюд, караван-сарай. В самой большой юрте расположился музей

кочевого быта, где представлены эксклюзивные экспонаты, выделенные из фонда областного краеведческого музея. Экскурсии в юрте-музее проводит экскурсовод в одежде монгольского воина, специально сшитой по эскизам историков. Это создает полное ощущение достоверности его рассказу и сопричастности эпохе.

Недавно в «кочевом городе» появилась еще и юрта шамана. Шаман, чье имя Акылбай означает «Богатый умом», – потомок древнего шаманского рода. До того, как поселиться в наших местах, он много лет прожил на Алтае, зарабатывал там славу лекаря и провидца.

Теперь и у нас посетившие юрту экскурсанты рассказывают чудеса о его способностях провидца, а на личную встречу образовалась большая очередь. При этом поговорить с Акылбаем удастся не каждому, не со всяким посетителем он общается персонально.

Иногда его ответы четки и конкретны, а иной раз – расплывчатые и туманные. Он часто говорит загадками, и проникнуть в смысл его слов может не каждый, и не сразу. Случалось, что предсказание Акылбая сбывалось по прошествии довольно длительного времени. Наш корреспондент непременно побывает в юрте шамана, и мы расскажем об этом в одном из следующих номеров.

– Однако, какими предприимчивыми стали мои соотечественники! – прокомментировала и эту заметку Зоя Васи-

льевна. – Ведь туристы и в самом деле повалят. Тут тебе и древний город, тут тебе и ордынский клад рядышком, в раскопе. Или ходи по берегу и собирай скифские украшения! Точно, повалят! К нам-то в Артюховск – вон как повалили, когда мы с Люсей и Милой клад в подвале обнаружили!

Психологический феномен. Как будто клады в каждом подвале запрятаны или только копни – тут тебе и шкатулка с древними монетами! Ей и самой тут же захотелось съездить в этот музей под открытым небом. Конечно, она была в курсе рождения нового музея в степи, поскольку и сама с некоторых пор (временно!) трудилась в должности экскурсовода музея купеческого быта славного города Артюховска.

Они с подругами, кстати, давно собирались в Пороховое. А теперь еще и – шаман! И возникший в степи город из юрт! Интересно же.

А это про что?

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Участковым уполномоченным села Пороховое Аскар Абдулхалиловым сегодня зафиксировано безвестное исчезновение рыбака Сергея Санеева.

По информации пресс-службы районной полиции, обстоятельства случившегося неординарны, выделяются на фоне других случаев исчезновения рыбаков, не редких летом в Поволжье.

Мужчина пропал не во время рыбной ловли на реке, а пря-

мо из палаточного лагеря. Кроме того, по словам свидетелей, пропавший рыбак был трезв.

По информации, которую удалось собрать полицейским, трое рыбаков-любителей приехали в наш район из Астрахани. Они поставили две палатки на берегу реки. В одной ночевал сам Санеев с десятилетним сыном Юрой, в другой – двое других рыбаков. Утром мальчик обнаружил, что отца в палатке нет.

Лодки пропавшего на берегу не обнаружили, на основании чего была выдвинута версия, что мужчина ночью решил порыбачить и выплыл на ночную воду в одиночку. Но Юра Санеев рассказал, что планов уйти куда-либо ночью у отца не было. Наоборот, вечером они вместе устраивались на ночлег и разговаривали о предстоящей завтрашней рыбалке.

Предпринятые рыбаками попытки самостоятельных поисков мужчины результата не дали. Тщательная проверка территории с привлечением полиции и местных жителей также ни к чему не привела. В настоящее время ведутся розыскные мероприятия, опрашиваются возможные свидетели.

Зоя Васильевна поморщилась и перевернула страницу.

– Ну да, конечно! Рыбаки, ночью, на реке – и трезвые! Перепились, и надрало ночью искупаться, что же еще? – резюмировала Зоя Васильевна. – Докупался! Стоило этому место в газете выделять!

Несколько развлекшись и отвлекшись чтением, Зоя Васильевна обрела способность позвонить подругам. Скупое, без подробностей, она дала понять, что ей худо и требуется моральная поддержка. Тем самым Зоя Васильевна официально протрубила большой сбор. Подруги обещали быть часика через три-четыре.

Решив не мудрить над меню – не на торжество приглашала – она запланировала эти три-четыре часика поковыряться в огороде. Чего время зря вести, можно рефлексировать и сорняки выдергивая. Они после прошедшего вымоленного дождика попёрли с бешеной скоростью.

Через три часа плодотворной работы она решила пошабашить. Переоделась, вымыла руки. Открыв холодильник, вытащила из морозилки купленную сегодня пачку пельменей и узрела небольшой смерзшийся кусочек чего-то бордовенького – не то говядины, не то печени.

Пусть с памятью у нее начались проблемы, но не до такой же степени, чтобы не помнить, что лежит у нее в морозилке, не так уж богат ассортимент! Забивать холодильник припасами на всю оставшуюся жизнь не позволял ей принцип «есть надо, чтобы жить, а не жить, чтобы есть». И потом, обжорство было вредно для ее кошелька.

К тому же, не слишком рачительная хозяйка, Зоя Васильевна все же никогда не положила бы в морозилку кусок мяса прямо на решетку, не засунув его в полиэтиленовый кулек. Но вот же – факт налицо! Почти сраженная этим новым

ударом, она протянула руку и с брезгливостью вытащила на свет божий ЭТО.

То был ее родненький потерянный кошелек, темно-бордовенький, купленный когда-то под цвет сумки, весь скукожившийся от холода и уже заиндевевший – холодильник у Зои работал на совесть.

* * *

– И что ты теперь собираешься предпринять? – с постным видом спросила Мила, еле сдерживая распирающий ее смех.

– Пойдет в Волге топиться! – предположила грубая Люся.

Зоя Васильевна рассчитывала на сочувствие. Уж, по крайней мере, на понимание. А эти две так называемые подруги едва не ржут, как, прости господи, племенные кобылы! Вот и надейся на стакан воды!

Вот так будешь лежать, окруженная родными подругами, и со всех сторон к тебе будут тянуться стаканы с водой. А подруги будут отталкивать друг друга и кричать в слезах:

– Мой возьми, мой!

– Нет, девочки, не утешайте меня! – с тонкой иронией промолвила Зоя Васильевна, намекая на неуместность веселья подруг. – Алыцгеймер подкрался незаметно!

Толстокожие подруги, несмотря на тонкость иронии, ее уловили и с некоторым запозданием кинулись Зою утешать.

– Ерунда! – сказала Люся. – Я однажды в борщ полную

сахарницу песку вывалила, «подсолила» борщок.

Зоя Васильевна пренебрежительно плечом пожала – тоже мне, утешила! Небось, в соседней кастрюле компот варила, вот и все объяснение.

– А я, – внесла лепту Мила, – прихожу в другую комнату за чем-нибудь и забываю, зачем шла. Так я возвращаюсь на прежнее место и там вспоминаю, потом иду назад.

Зоя Васильевна улыбнулась высокомерно и скорбно:

– Подумаешь! Так все делают! Это не показатель. Но вы же не суете кошельки в морозилку.

– Подумаешь! – в свою очередь сказала Мила. – Я совсем недавно видела в каком-то сериале: молодая женщина тоже кошелек в холодильник засунула!

– В морозилку? – с жадным интересом спросила Зоя.

– Нет, не в морозилку.

– Ну вот!!!

– А что, это принципиально?

– А ты что, действительно не понимаешь или придуливаешься?!

– Честное слово, не понимаю!

– МОЛОДАЯ женщина! Просто по запарке засунула в холодильник! На автомате!

– А ты – не по запарке?!

– Я – в силу возрастных изменений в мозге!

– Ты, Зайка, даже тут выпендриться хочешь. Типа, ты такая уникальная, даже забывчивость твою ни с чьей сравнить

нельзя! – сказала грубая Люся.

– Сейчас отберу рюмки и больше пельменей не добавлю! – предупредила Зоя Васильевна, вконец оскорбившись.

«Выпендриться» – это уже стало последней каплей.

– Ну, и что ты теперь – покончишь с собой? – вернулась к одолевшей ее назойливой идее Люся.

– А ты как будто хочешь этого?

– Люся, ты прямо как заезженная пластинка! – прикрикнула Мила, более тонкокожая.

– Да Заинька, да Бог с тобой! Ну, ты же знаешь, что я дура неотесанная! – Люся, учитывая остроту момента, перебарщивала с самокритикой.

– Зайка, ее просто переклинило, а то ты Люську не знаешь!

– Сама такая! – огрызнулась Люся.

Зоя Васильевна поморщилась: она не выносила свар.

– Уж прямо так сразу – топиться! Завтра предупрежу Никиту, пусть Лиза на работу выходит. Напишу заявление.

– Костику еще трех не исполнилось!

– Ничего, мамок-няnek наймут! В конце концов, мэрский внук, уж они-то найдут выход из положения. Лиза и сама, наверно, на работу рвется.

– Ты уволишься – я тоже не останусь! – заявила Мила.

Она числилась сторожем при музее и, как бывший бухгалтер, помогала директору в решении финансовых вопросов. Люся же дневала и ночевала в музее в свободное от своей

основной работы – ночной няни – время, на правах ближайшей подруги и неременной участницы всех событий.

– Ты-то тут с какого боку? – спросила Зоя.

– Мы подруги или как? – аргументировала Мила.

– То есть, из солидарности? – уточнила Зоя. – Глупо. И Никиту подведешь.

– Ничего не подведу!

– Тенденция, однако! – сказала Люся.

– В смысле? – не поняла Мила.

– Ну, – сказала Люся, – про Альцгеймера ничего не скажу, возможно, он подкрадывается, где-то на полдороги застрял. Но маразм к вам обеим уже подкрался. Вам по сколько годиков?! Вы где в своем возрасте такую работу найдете – чтоб и уму, и сердцу, и в кошелек немножко капало?! Прямо ждут вас везде с распростертыми объятиями!

– Да и не надо! В конце концов, мы свое отработали, да, Зайка?

– Да ты-то тут при чем?! – отмахнулась Зоя Васильевна. – Девочки, вы же знаете, я когда-то самой себе сказала, что не буду цепляться за работу в ущерб работе! Не доведу до момента, чтоб, не приведи Господь, коллеги и читатели перемигивались да подхихикивали за моей спиной.

– Тебе коллеги и не дали довести до того момента, – напомнила Люся Зое. – Не дали твоим читателям похихикать. Некоторые читатели, может, наоборот, даже и взгрустнули.

– Меня никто не выгонял!

– Ну, еще бы! Просто тонко намекнули, а ты вошла в положение.

– Ты считаешь, я была неправа?

– Да права, конечно, – вздохнула Люся. – Я бы и сама... Но ведь в данном случае тебе никто ни на что не намекает. В тебе пока еще производство нуждается. Наоборот, ты своим фортелем Никитку с Лизой подведешь. А уж если Милка выкинет свой фортель, это уж прямо демонстрация коллективная будет. Никитка-то чем виноват, что ты кошелек в морозилку засунула?!

– Ты, как всегда, права, – подумав, вынуждена была признать Зоя, и Мила тоже согласилась. Это был один из редчайших случаев – когда она соглашалась с Люсиным мнением. – Но что-то же надо делать?..

– Пусть себе Альцгеймер еще полгодика пошатается по дорогам, по крайней мере, пока Костику три года не исполнится, а ты пока попроси у Никиты отпуск хоть на пару недель, без содержания, да куда-нибудь съезди, отвлекись. Мы с Милкой тебя подменим, если Никита заартачится, тексты твоих экскурсий мы назубок знаем.

– И попей каких-нибудь таблеток для памяти, чтоб мрачные мысли тебя покинули! – добавила Мила. – Вон сколько их рекламируют.

– Для тех, кто кошелек в морозилке хранит, – уже способна была пошутить Зоя.

– Наконец мы услышали от тебя что-то конструктивное! –

милостиво обратилась Люся к Миле, довольная, что все как-то уладилось.

– Язва! – огрызнулась Мила, в душе, однако, торжествуя.

* * *

Никита Михайлович Мирюгин, молодой директор музея купеческого быта, и не думал артачиться.

Не столь давно открывшийся музей, отцами-основателями, так сказать, которого были три наши престарелых дамы, располагался в старинном купеческом особняке. Скольких сил, моральных и физических, потребовалось для его создания, знали только Зоя Васильевна со подруги, он сам с женой Лизой и их ближайшее окружение! Сколько средств было вложено, для того, чтобы самодеятельное подобие клубной экспозиции приобрело статус серьезного учреждения, знал лишь папа Никиты – мэр Артюховска.

Но это была мизерная часть того, что требовалось для поддержания былого великолепия ветхого деревянного здания, расширения экспозиций, нормальной работы хоть и маленького, хоть и провинциального, но – музея, уже начинавшего приобретать популярность среди артюховцев и гостей города. Папа-мэр тоже не мог выше головы прыгнуть, кроя муниципальный бюджет.

И тут – о чудо! – те же три дамы обнаружили в подвале музея клад. Два сундука, набитые царскими червонцами, зо-

лотыми украшениями, серебряной посудой, подсвечниками и безделушками.

Надо полагать, это было достояние не одной только семьи купцов Бельковых-Тихановичей, владельцев купеческого театра. Возможно, кто-то еще из близких, доверявших вполне, попросил в лихие революционные годы припрятать имущество до лучших времен... Впрочем, кто теперь знает, каков был достаток и запросы купцов второй гильдии маленького провинциального городка, рыбо- и солепромышленников.

Деньги, выплаченные государством музейным работникам за находку клада, позволили не только купеческий особняк капитально отреставрировать по всем канонам деревянного зодчества, с привлечением мастеров-экспертов (по знакомству, но все-таки!) аж из самих Кижей. Хватило и на то, чтобы газовое отопление в здании обустроить, и воду подвести. А теперь Никита замахнулся и на канализацию. Учреждение культуры как-никак, а удобства во дворе!

Понятно, что три дамы были у молодого директора на особом положении. Да и в устройстве его личной судьбы они сыграли немалую роль.

И потому Никита тоже пребывал в растрепанных чувствах и маялся уже несколько дней.

Зоя Васильевна, занимавшая должность экскурсовода, пока его жена Лиза находилась в отпуске по уходу за ребенком, относила его смурной вид на счет хозяйственных проблем. Бригада «Ух!», которую директор нанял неизвестно

где из соображений экономии, порывши пару дней траншею под канализационные трубы, перепилась. В ответ на резонные претензии хозяина, труженики кайла и лопаты послали его далеко.

У Никиты, уже привыкшему за недолгий период директорства к общению с пролетариями, отвисла челюсть. Этот самый недолгий срок общения был причиной недальновидности директора. Он внял горячечным мольбам трудящихся, поверил взорам, горящим искренностью фанатиков, и выдал аванс. Потом он выслушал их неблагодарное – «в гробу видали!», «сам копай за свои копейки!» и адрес, куда ему пойти. Взглядом снятого с креста мученика он провожал удалявшихся с лопатами на плечах тружеников.

Черное отчаяние охватило Никиту. Самооценка его упала ниже плинтуса. С трясущимися губами он прошел в клетушку, именуемую кабинетом, и хряснул дверью, ненавидя свою горькую директорскую судьбу, пролетариат вообще и артюховский в частности.

Через некоторое время Зоя Васильевна, поскребшись в дверь кабинета, принесла ему чаю, накапав в чашку успокоительных капелек. Никита выпил залпом, не заметив привкуса, и немного погодя стал способен слушать уговоры и слышать резоны.

Зоя Васильевна позвонила Людмиле Петровне, та посетила «биржу», место, где хронически временные безработные собирались в надежде продать свои услуги по копке-распил-

ке. То есть, работали по формуле «бери больше – кидай дальше». У Люси там был особый статус и особые отношения с контингентом, после гибели ее соседа, бывшего одно время членом этого коллектива.

По ее убедительной просьбе, которую подкрепила бутылка водки, мужики прониклись сочувствием к незадачливому директору, осудили недобросовестных коллег и согласились за разумную плату дорыть траншею. За пару дней они ее и дорыли.

Когда на следующий день Зоя Васильевна пришла на работу, с намерением просить отпуск на недельку, пусть и за свой счет, Никита Михайлович как раз во дворе рассчитывался с мужиками, разумеется, уже безо всякого трудового соглашения, но с вручением обещанной, помимо символической платы, литровой бутылки.

Зоя Васильевна все же нервничала немного, сознавая, что своей непредвиденной просьбой наносит удар в спину. Дождаясь директора, она стояла у окна, бессмысленно уставившись в пространство. Она еще раз обосновывала про себя аргументы, которые собиралась выдвигать.

«Какая странная походка», – подумала она, глядя вслед уходящим рабочим. Один из уходивших, рослый коренастый мужик, шел враскачку, но руками не размахивал. Кисти рук были прижаты к бокам, в подмышках – враслопырку, как будто мужик нес подмышками по огромной «челночной» клетчатой сумке, набитой турецким ширпотребом.

Тут и директор подоспел, довольный, что в этот раз не оплошал. Самый подходящий момент был, чтобы подступиться к нему со своей просьбой. Размягченный Никита отнесся к просьбе Зои Васильевны с пониманием, и даже, как ей показалось, просиял, что ее, вопреки всякой логике, слегка уязвило.

– Ну, почему я буду возражать! Отдохните, конечно! Можете даже месяц очередного отпуска взять. А потом месяц без содержания, согласно законодательству! – великодушие его было безгранично и необъяснимо. Он даже про причину не спросил.

– А чем будете заниматься? – все же поинтересовался.

– Хочу в Пороховое съездить. Там, вроде, раскопки возобновились. Может, чего-нибудь раскопаю, – пошутила она. – Шкатулку вам с древними монетами привезу! Там как раз парочку откопали, может, и на мою долю осталось. Ну и Сарай-Бату тоже посмотреть хочется.

– Вот что! – воскликнул директор. – Мы вам путевку от музея подарим в качестве премии. Двойная выгода! И поездка будет бесплатной, и походите там с экскурсоводом, а не просто так! Я сегодня же займусь этим вопросом, что мы будем откладывать!

– Но месяц Людмила Ивановна с Людмилой Петровной согласятся ли экскурсии проводить? Мы только про неделю договаривались, – засомневалась Зоя Васильевна.

Она-то ожидала упреков, уговоров потерпеть немножко,

ну, по крайней мере, проявления какого-то расстройства со стороны директора, а тут – нате вам! Он как будто даже рад.

И опять, вопреки той же логике, Зоя Васильевна ощутила укол ревности.

Она же не была в курсе подоплеки событий! Заметив, что в последние дни Никита Михайлович ходит как в воду опущенный, она отнесла это на счет хозяйственных неурядиц, которые директор принимает уж слишком близко к сердцу. Дело же было в том, что жена Лиза притомилась от материнских хлопот по уходу за младенцем и рвалась на работу.

Ей, конечно, жилось несравнимо легче, чем многим молодым мамам, у которых дедушка-свекор не был мэром. И условия проживания в свекровском коттедже были комфортнее, и помощников хоть отбавляй, и медпатронаж – в любое время дня и ночи – не так дышит ребенок или вдруг покашлял...

А может, именно поэтому. В комфортных условиях жизни в доме свекров ей было некомфортно. И хотя к хорошему, как известно, быстро привыкаешь, и отношение к ней было лояльным и корректным, и единственного внука от единственного сына свекры любили без ума, но ей хотелось собственного угла, а значит – свободы. Что тут удивительного! А может, она просто морально устала соответствовать высокому статусу мэровской снохи.

Выход на работу стал бы первым шагом в обретении самостоятельности. Это было одним из соображений. Вторым

– в торцевой части музея-теремка располагалась их с мужем служебная квартира из двух крохотных комнатусек, бывшая людская. Она пока была закрыта на ключ и ждала их возвращения, когда Костик подрастет. Растить ребенка в доме без удобств было сложно. Теперь-то – уже почти все удобства имеются!

«Что значит – „подрастет“? – ворчала про себя Лиза. – Когда жениться вздумает»? Ей, выросшей в простой семье, проживавшей в малогабаритной двушке, квартирка в музее не казалось ни маленькой, ни убогой. Главное, что своё. Она была несовременной девушкой!

– Ну что тебе загорелось? – уговаривал муж. – В садике Костик болеть начнет.

– Все дети болеют! Иначе иммунитет не выработается. А может, не начнет. Он у нас парень крепкий. И к детскому коллективу надо приучать.

– Да успеем еще приучить!

– Ты понимаешь, что меня стены давят?! У меня мозги заржавели, я прямо слышу их скрип! Я думать разучилась. Тебе нравится жена-клуша в халате?!

К слову сказать, халат Лиза надевала редко.

– А как я об этом Зое Васильевне сообщу? Мы же определенно договаривались, что она поработает, пока Костику три года не исполнится – она же на это рассчитывает! Надежный кадр, свой человек. Ты же знаешь, что я даже от молодого специалиста отбоярился. Сколько они для нас сделали!

– Да уж скажи как-нибудь, должна же она понять. Ну не на плаху же мы ее посылаем! Дело-то житейское! И что такое полгода?! Полугодом раньше, полугодом позже...

И все, вроде бы, логично и разумно. Молодым, как говорится, дорога, старикам почет. А на душе дискомфорт. Прямо-таки когнитивный диссонанс.

– О Господи, ну ты и загнул! – напирала Лиза. – Мне самой, что ли, пойти объясниться? В конце концов, кто руководит нашим маленьким дружным коллективом? Кто у нас голова?!

– Как будто ты не знаешь, – с мягким укором отвечал молодой муж, – что в нашем маленьком дружном коллективе прекрасно знают, кто у нас шея! Нет уж! Сам поговорю.

Не то чтобы Лиза жила по принципу «при хорошей женщине и плохой мужчина может стать человеком» и все для этого делала. И женились они по большой любви, и Никита вовсе не был таким уж тютей и раздолбаем. Но родители Никиты порой думали, что их невестка по напористости, житейской хватке была гораздо больше похожа на них, чем собственный сын. Уж очень был сентиментален.

Порой, глядя на проявления врожденной порядочности сына, гипертрофированной, как он считал, папа-мэр бурчал вполголоса, чтоб жена не слышала:

– Гены... Село! – имея в виду, естественно, тещу, проживавшую в деревне. Как будто тещи и свекрови когда-нибудь передавали внукам какие-то хорошие качества! Ни один ге-

нетик не сумел бы объяснить этого казуса.

А Лиза маленькими крепкими ручками уверенно держала штурвал их семейного суденышка и вела его, в основном, правильным курсом. Как говорится, раньше думала о себе, а потом – о Родине. Именно в таком порядке. Не как ее советливый муж.

...И вдруг трудный разговор с Зоей Васильевной, к которому Никита готовился несколько дней, устроился сам собой. Как в рекламе, он испытал такое облегчение! Моральное. Неприятный разговор с приятным человеком отодвигался, возможно, аж на два месяца. А там...

Останется всего четыре условленных месяца, есть о чем говорить! Может, сама Зоя Васильевна, отдохнув и надышавшись воздухом свободы, не захочет возвращаться на работу?

Боль заставляет плакать, любовь – говорить

Сбор экскурсионной группы был назначен на девять ноль-ноль возле здания бывшего кинотеатра «Энергия».

В былые времена стены кинотеатра регулярно красились в нежно-желтый цвет – цвет утреннего нежаркого солнца, а портик будил в памяти образ богатого провинциального барского поместья.

С тех пор, как муниципалитет махнул рукой на хиреющие очаги культуры, бесхозный кинотеатр ветшал и разрушался.

Но вот нашелся и ему хозяин. Дабы увеличить площадь помещения, новый владелец распорядился портик обшить стенами из ДСП, и он превратился в просторный пристрой.

Стены же всего кинотеатра были облицованы плитами насыщенного красно-коричневого цвета. Изящное, радующее самый взыскательный глаз здание превратилось в угрюмого, мрачного монстра. Цветовой кровавой гаммой оно порождало в населении мысли о фашистских застенках – у представителей старшего поколения, и о вампирах – у поколения младшего, взрослого на ужасниках.

От бывшего названия остался только логотип, но из памяти артюховцев он почему-то выпал. «Энергия» в устах горожан постепенно превратилась в «Дом вампиров» или, проще, вампирский дом.

Внутри здание было поделено перегородками на клетушки и превратилось в очередной торговый центр. Клетушки назывались бутиками, и цены стремились соответствовать высокому званию. Таким образом, форма стала соответствовать содержанию, то есть торговый центр вампирски высасывал содержимое кошельков наивных артюховцев, привлеченных высоким статусом торговых точек. Тех, кто еще верил, что высокая цена гарантирует высокое качество.

– Где сумочку купила? – интересовалась какая-нибудь девушка у подруги.

– У вампиров, – с деланным равнодушием отвечала та.

– О-о-о!!! – с бессильным отчаянием стонала девушка.

...Как любому нормальному человеку, Зое Васильевне доводилось иногда опаздывать. И, как человеку воспитанному, испытывать из-за этого неприятные ощущения. А потому она взяла себе за правило на любую встречу выходить из дома минимум за час до назначенного времени – пробки там, поломки маршруток или неожиданные встречи со знакомыми, которые судьба всегда посылает не вовремя. Именно тогда, когда ты опаздываешь, во встреченных знакомых пробуждается жгучий интерес к твоей жизни, и они настаивают на безотлагательном рассказе.

На тот же случай, если удавалось прийти раньше, чем требовалось, в сумке у нее всегда имелась книга или журнал. Зоя Васильевна отыскивала ближайшую лавочку, доставала чтиво и уносила в иные миры и времена. На место встречи являлась за две-три минуты до назначенного срока, и никаких тебе неприятных ощущений, а наоборот, королевское чувство уверенности в себе. Таким образом она соединяла полезное с приятным.

На этот раз в запасе у нее было целых полчаса. На месте сбора уже маячили несколько фигур таких же заполошных педантов, как она, наверняка из той же возрастной категории, но Зоя Васильевна не изменила себе и не направилась знакомиться и занимать очередь. Место в путевке было указано, так что повода для волнений не имелось.

Обозрев окрестности, она обнаружила лавочку невдале-

ке и поспешила к ней. Сегодня у нее в сумке лежала книга, соответствующая теме экскурсии. Пару дней назад она уже начала ее читать, вернее, перечитывать. В романе красочно и подробно описывалась столица батыевой Золотой орды в Поволжском улусе – Сарай-Бату.

Первое знакомство с этой книгой произошло у Зои еще в молодости. «...Город с двумястами тысячами разноязычного населения – и владычествующего, монголо-татарского, и насильно согнанного татарами со всех концов мира, – читала она. – Это была поистине сокровищница бездонная, непрерывно наполняемая военным грабежом и торговлей, – сокровищница не только золота, серебра, хлеба, труда, чужих достояний, но и обломков чужой, великой культуры, награбленных на Востоке и Западе и сваленных без разбору, в диком, но своеобразном беспорядке, в бездонную кладовую забайкальского хищника, угнездившегося на Волге».

Отрываясь временами от текста, она поглядывала в сторону все прибывающих экскурсантов. Автобус уже подкатил, но внутрь пассажиров пока не впускали. Наконец, ее верная старенькая «нокия» дала понять, что пора, продемонстрировав крупные цифры 8.55 (за что Зоя Васильевна ее и любила – можно увидеть время и без очков).

Группа оказалась разновозрастной. Загрузившись, экскурсанты принялись исподтишка разглядывать друг друга – коллектив образовался хоть и временный, но путь предстоял неблизкий, ехать четыре часа, да обратно столько же. Надо

же знать, кого Бог послал в попутчики.

Экскурсовод, немолодой солидный мужчина, как выяснилось позже – преподаватель истории, не спешил грузить экскурсантов историческими фактами и анекдотами, датами и легендами, пока не выехали за черту города. Текст, который он должен был вложить в головы, вернее, сначала в уши своих сегодняшних слушателей (а там уж как получится), был обкатан и выверен многократно – на каждый километр дороги энная порция информации. А пока пусть разглядывают артюховские пейзажи, если еще на них не нагляделись.

Он тоже наметанным взглядом охватывал свою сегодняшнюю аудиторию, определяя, кто будет его благодарным слушателем, кто не поднимет головы от планшета с игрушкой, а кто – всю дорогу станет жевать, распространяя на весь салон запах колбасы. Насчёт выпить в путёвке недвусмысленно мелким шрифтом предупреждалось: за употребление спиртных напитков – высадка. Здоровенный детина за рулем и, как выяснилось, еще один – в салоне, выступали гарантами порядка.

Кресло Зои Васильевны располагалось в конце салона, но, приблизившись, она обнаружила сидящего на ее законном месте мужчину. Мелкие пакости начинались, а как же иначе! По-другому с ней не бывает!

Но паника не успела овладеть ею. Мужчина, узрев затормозившую перед его креслом пожилую даму, вскочил и, прижимая руки к сердцу, горячо залопотал.

Не мальчик, но и далеко не старик – так, сорок с чем-нибудь, ближе к пятидесяти. Простоватой, но приятной внешности мужик. Он просил поменяться местами. Зоя Васильевна слушала недоверчиво, но подвоха пока не улавливала. Место, ей предлагаемое, располагалось в центре салона, в то время как ее законное – прямо над задним колесом. Когда автобус свернул бы на степную, хоть и накатанную летом дорогу, пришлось бы изрядно потрястись на камнях и конкретно попрыгать на ухабах.

Над соседним креслом, рядом с тем, что предлагали ей, торчала женская головка с замысловатой прической – следовательно, женщина не старая. Почти у всех ровесниц Зои Васильевны стрижка «шапочка». Парикмахерши даже не спрашивают, как стричь, если в кресло садится артюховка в преклонных годах. Странно, почему далеко не ветхий мужик отказывается от соседства с дамой, может быть, очень даже ничего из себя?

Пока подвоха не просматривалось, но если бы даже все обстояло наоборот, она бы согласилась. За свою долгую жизнь Зоя Васильевна так и не научилась говорить «нет» ни людям, ни обстоятельствам. Хотя, казалось бы, должна была. Два десятка лет она побывала маленьким начальничком, работая в должности заведующей районной библиотекой, и в подчинении у нее было аж пять человек. Однако ж – не научилась.

Благополучное ли замужество было тому виной, унасле-

дованный ли склад характера, склонность ли к фатализму, то есть – что предначертано, того человек изменить не может, но Зоя Васильевна предпочитала плыть по жизненному течению, а не против него. И она безропотно направилась к указанному ей месту.

– Уболтал-таки мерзавец? – злобно спросила будущая попутчица, сверля ее взглядом.

Она и в самом деле была очень даже симпатичная – ухоженная крашеная блондинка с карими глазами, пышным бюстом. По виду, моложе «мерзавца» лет этак на пять.

– «Уболтал»? – переспросила несколько озадаченная Зоя Васильевна.

– Супруг мой ненаглядный!

– А-а-а, это ваш муж!

– Наградил Господь!

– Вы, наверно, поссорились? – посочувствовала Зоя Васильевна, теряясь в догадках, как ей себя вести.

– А вам какое дело?! – внезапно рыкнула дама.

Она тем самым подсказала Зое Васильевне дальнейшую линию поведения. Наше не в лад – мы со своим назад! И слава Богу!

Она терпеть не могла разговоры про дороговизну и политическую ситуацию в стране, коллективное обсуждение звездных измен и разводов в маршрутках и троллейбусах. Если ей доводилось попадать в такой мобильный транспортный коллектив с активной жизненной позицией, она отмал-

чивалась, уставившись в окно. В крайнем случае, можно было сойти на ближайшей остановке.

А тут – аж восемь часов, туда-обратно! Куда выйдешь?! Степь... И такая немотивированная агрессия к незнакомому, постороннему человеку! Просто хамство какое-то.

Уставившись в книгу, Зоя Васильевна пыталась читать, пока не счел нужным заговорить экскурсовод.

«Одних когда-то влачил сюда жесткий волосяной аркан монгольского всадника, других – не менее прочный и мучительный аркан любостяжания и наживы... Ремесленники пленные... жили раздельно, однако не по народности, а по цехам: хозяин Поволжского улуса приказал расселять их, всячески перемешивая одну народность с другой.

Дворцы – и самого Батыя, и ханов, и многих беков – строения были из камня. Однако обитали в них только зимой... С наступлением же первых ден весны, по первым проталинам, и уже до начала зимы, столица Золотого улуса выкочевывала в степь. И тогда по обе стороны Волги раскидывался необозримый город огромных юрт и кибиток, и двуколых повозок... Город, окруженный неисчислимыми стадами и табунами.

Он был столь необозримо велик, что большие юрты с деревянной вышки, стоявшей возле шатра Батыя, показывались точно тубетейки, расставленные на зеленом ковре».

Попутчица тяжело вздыхала, ерзала в кресле, щелкала замком сумки, но пока не заговаривала, терпела изо всей мо-

чи. До нее дошло, что своей несдержанностью она обрекла себя как минимум на четыре часа одиночества – в один конец путешествия. В попутчицы ей попалась обидчивая тетка, во-первых (что поправимо), но еще и читающая, во-вторых. Причем не глянцевого журнала листала, взятый в дорогу, что тоже характеризовало бы ее как нормальную, а толстенную книгу – и это в автобусе, полном людей!

Ну и повезло же ей с попутчицей! И все из-за этого козла!

«...кто-то из архитекторов подсказал Батю чудовищную мысль – разобрать мечети и дворцы Хорезма и Самарканда и весь тесаный камень, плиты, изразцы, даже целые куски стен переправлять на Волгу, для строительства и украшения Сарая. Батый повелел», – в пятый раз перечитывала Зоя Васильевна одни и те же строчки, постепенно закипая.

Наконец, терпение соседки лопнуло.

– Интересная книга? – спросила она, бесцеремонно переворачивая обложку. – Как называется? «Даниил Галицкий», – прочитала вслух. – Про что?

– Про монголо-татарское иго. Про средневековую Русь. Даниил Галицкий – русский князь. Про Сарай-Бату – столицу Золотой Орды, – терпеливо отвечала Зоя Васильевна.

– Про тот, куда мы едем?

– Мы едем не в настоящий Сарай, его давно не существует. Это просто имитация древнего города.

– Да-а-а? – скучливо протянула дама. – А про любовь в вашей книжке есть?

– Немножко есть. Как же без любви?

– Немножко?! А что ж там тогда интересного, если немножко?!

– Да много всего остального, интересного.

– Нет, я только про любовь читаю. Только в книжках про нее и почитаешь!

– Ну, что уж вы так! – не согласилась Зоя Васильевна.

– Да реально, в жизни ее нет!

Итак, тема была обрисована: любовь, вернее, отсутствие таковой в реальной жизни. В свете недавно услышанного – «мерзавец» и «наградил Господь» – предстояло в пути обсудить семейные неурядицы и, возможно, супружескую измену. И, видимо, не столь давнюю, судя по накалу страстей, которые необходимо выплеснуть хоть на кого. Пресловутый синдром попутчика.

Теперь понятно, почему супруг малодушно сбежал и подставил Зою Васильевну. Но если ее логические построения верны, какого черта он поперся на эту экскурсию, зная, что восемь часов ему будут выносить мозг?! Туда и обратно? Или получил от жены какое-то предложение, от которого не смог отказаться?

Зоя Васильевна сделала еще одну попытку избежать участи подушки-девичьей подружки.

«Не страшившиеся никого на земле – от океана до океана – татарские ханы и сам великий хан татарский боялись затронуть богов даже и побежденного племени и народа. И ед-

ва ли не всех богов забирали в свою божницу», – читала она.

– Вот в юности еще веришь в любовь там, в прекрасного рыцаря... А потом – бац! – и рыцарь твой – обыкновенный козел! – разворачивала тему соседка, игнорируя погружение Зои Васильевны в чтение.

Она попыталась сохранить партизанское молчание. Куда там!

– Вот вам муж изменял?

Это была откровенная провокация: вопрос конкретный и в лоб – как тут не ответишь! Значит, интуиция не подвела Зою Васильевну: козел-таки изменил.

– Нет. Думаю, что нет. Мы хорошо жили. Как говорится, в любви и согласии, – вздохнула она, убирая книгу в сумку.

– А мы, думаете, не в любви и согласии?! Поначалу! Двух детей вырастили. Да только мне всю жизнь приходилось его пасти, как овчарке овечью отару! Вы же видели, какой он.

– А какой?.. – на взгляд Зои Васильевны, далеко не эталон мужской красоты.

– Вокруг него эти шалавы всю жизнь вьются! Анжела!

– Анжела – шалава? С которой изменил?

– Я – Анжела! С которой изменил – Рая! Рая из сарая...

– Из Сарая? Почему – из Сарая?!

– Это я ее так зову. Сельпо!

– А-а-а! В смысле хозяйственной постройки... Очень приятно. А меня зовут Зоя Васильевна, – решила она не задавать дальнейших вопросов, чтоб не заплутать в лабиринтах

Анжелиной логики.

– Мне было двадцать, ему восемнадцать, когда поженились. Еле дождались его совершеннолетия. Такая была любовь!

«Как она говорлива, – подумала Зоя Васильевна. – Прямо индюшка!» – но тут же вспомнила Милу. Может, Анжела тоже выплескивает свое горе на всех понемногу, чтоб ей легче стало.

– Полюбила молодца не из золотца!.. Тогда эта разница не особо чувствовалась, но я как-то сразу его «усыновила». Опекала, наставляла, холила-лелеяла... Да разве ж они это ценят!

«Вот он от твоей материнской жесткой опеки и пошел налево», – прокомментировала мысленно Зоя Васильевна.

И вспомнила Никиту с Лизой: тоже ведь поженились по большой, огромной любви. Не ждет ли и их любовь такой же печальный конец? Тьфу-тьфу-тьфу! Оба такие замечательные, но в последнее время Зою Васильевну стала посещать мысль, что в молодой семье вызревает классическая ситуация: один любит больше, другой позволяет себя любить.

Хрюкнул микрофон, потом заговорил приятным баритоном:

– Доброе утро, господа экскурсанты!

«Господа» хихикнули. Ну, никак не приживалось в Артюховске это обращение. Хотя местная политическая и интеллектуальная элита уже пару десятков лет все пыталась при-

учить артюховцев к господскому статусу. Где-то в столицах это, может, уже и стало нормой, но в маленьком Артюховске слишком мала была господская прослойка.

А может, просто еще не пришло время. Пару поколений населения должно было родиться и умереть господами.

– Меня зовут Александр Владимирович, и сегодняшней день вам предстоит провести под моим чутким руководством. Разрешите представить вам моих помощников: еще один Александр, Васильевич, – наш водитель – и Георгий. Жора выступает гарантом порядка в нашем дружном, я в этом уверен, коллективе!

Сидящий в кресле возле водителя лицом к экскурсантам Александр Владимирович махнул дланью в конец автобуса. Головы экскурсантов дружно повернулись. С заднего сиденья привстал и приветливо помахал рукой Жора. Если в глубине души какого-нибудь экскурсанта и бродила безответственная мысль немножко пошалить, понарушать порядок, то она немедленно улетучилась: габариты Жорика были весьма внушительны.

– Конечной нашей целью является посещение так называемого Сарай-Бату. Но первым пунктом экскурсии будет посещение знаменитой Поволжской пирамиды, построенной в нашем крае не так давно, но уже ставшей достопримечательностью. Строили ее для улучшения экологической обстановки, и уже ходят легенды о чудодейственных свойствах пирамиды. Руководство расположенного в десяти километрах от

пирамиды исправительного учреждения рассказывает о благотворном воздействии ее на их криминальный контингент. Оно уверяет, что у их подопечных заметно снизилась агрессия, уменьшилось количество правонарушений.

«Чудеса начинаются», – мысленно усмехнулась Зоя Васильевна. – «УДО им светит, вот и снизилась агрессия до поры до времени».

– Есть свидетельства, что у посетивших ее исполнялись заветные желания, – продолжал между тем Александр Владимирович. – Вы сможете написать свое желание на листочке и оставить его в чаше над очагом. Служитель потом сжигает ваши записки в очаге, и желание исполняется.

– О-о-о! – раздался коллективный восторженный стон. – Класс!!!

– А самим сжечь можно? Чтоб никто не прочитал желание?

– Нет, нельзя.

– Но почему?!

– Во-первых, в целях пожарной безопасности: представляете, какая очередь выстроится к очагу? Толкотня, давка... Мало ли что!... А во-вторых, сжигать желания должен человек посвященный. Тонкая материя... И, уверяю вас, служитель не читает записок с желаниями, ему запрещено высшими силами. Эзотерическая этика!

«Ну, как же! – мысленно иронизировала Зоя Васильевна, – не читает! Читал, конечно, поначалу, пока не затошни-

ло»!

Зоя Васильевна поедала гида глазами – сам-то он верит в эту чушь?! Похоже, не верил, она уловила легкую ухмылку, мелькнувшую на его губах.

– А можно написать два желания? Или три?!

Экскурсовод поколебался.

– Нет, только одно, – определился он, видимо, прикинув свои временные возможности.

Интерес у публики был неподдельным.

– А когда мы туда приедем?!

– Через полтора часа.

– А вы будете писать? – с фанатичным блеском в глазах спросила ее Анжела.

– Нет! Мои желания пирамида не исполнит.

– Неужели у вас нет никаких желаний?!

– Мне много лет. Какие у меня могут быть желания!

– А я тогда два напишу, как бы за вас, можно? Но просить, естественно, буду за себя!

Ну, естественно!

– А это не будет неправильно?

– Нет, конечно! – уверенно ответила Анжела. – Она же выполняет желания по количеству экскурсантов!

Как будто она уже была накоротке с пирамидой.

В очередную паузу, которую периодически устраивал гид, давая возможность экскурсантам переварить информацию, Анжела вернулась к больной теме.

– Вольдемар работает в «Газсервисе», там этих свиристок – пруд пруди! Да плюс клиентки. Каждый день – новые.

– Вольдемар?..

– Ну, это я так мужа зову. Он – Володя.

Анжелину склонность изъясняться иногда высоким стилем Зоя Васильевна уже отметила. Сказывалось чтение любовных романов. К примеру, она говорила не – «ой господи!» или «боже ж ты мой!», а – «о, мой бог»! Это было куда как возвышеннее. Простецкое «ну надо же!» в Анжелином исполнении звучало как «о небеса»!

– Мы уже свадьбу дочери сыграли. Сын еще раньше женился. Внуков бы ждать да радоваться, а тут, представьте, – Рая из сарая! Фемина!

– А почему все же – из сарая?

– Да говорю же – сельпо! Она гостям макароны подает!

– А что? Это плохо? – Зоя Васильевна своим гостям совсем недавно пельмени подавала.

Анжела отодвинулась, сколь могла, в кресле и с подозрением уставилась на соседку – не шутит ли? Вроде такая приличная тетка...

– Но макароны же!

– А вы откуда знаете? – поспешила перевести стрелки Зоя Васильевна, дабы не углубляться в тему макарон для гостей.

– Мне клиентка говорила, довелось ей как-то в гостях у нее побывать.

– Клиентка?..

– У меня салон красоты, «Ангел».

– Почему – «Ангел»? – все какими-то второстепенными вещами интересовалась Зоя Васильевна, не желавшая погружаться в глубины Анжелиной истории. То есть, в интимные подробности, без чего, конечно, уже не обойтись: Анжела выговаривала свою боль. А чужая боль, в сравнении с болью собственной, – так, царапина по сравнению с раной.

– Я – Анжела, Ангела, вот потому и «Ангел»! Сын придумал.

Микрофон прервал их беседу для сообщения очередной порции исторических сведений и анекдотов...

За полчаса до вожденной пирамиды автобус остановился у придорожной кафешки. Кто хотел – пошел выпить чаю или кофе, кто просто прогуливался невдалеке, разминаясь. Спасаясь от июньского зноя, Зоя Васильевна мелкими шажками подтягивалась от места парковки своего автобуса к единственному небольшому оазису. Несколько старых раскидистых тополей укрывали сенью асфальтированный пятачок, который предусмотрительно облюбовали Анжела и охранник Жора. Зоя Васильевна вовсе не хотела быть неделikatной, но утреннее солнце уже жарило вовсю, и укрыться можно было только под тополями. Жорик, надо полагать, живописал свои подвиги и громко ржал. Анжела звонко вторила ему.

– Вы ж ему, наверно, все кости переломали?!

– Не-е-е, все кости на месте, только местами поменял! – шутил Жорик чужой шуткой.

Анжела хохотала и буквально поедала Жорика глазами.

На нескольких коротких остановках-привалах, устраиваемых для желающих покурить и размяться, она не отходила от Жорика. «Господи, а в каком горе еще недавно пребывала», – осудила Зоя Васильевна.

Но тут ее осенило: «Да она же нарочно этот спектакль устроила, для Вольдемара! Хочешь пробудить в мужчине угасший интерес – заставь его ревновать...» Она отыскивала глазами Анжелиного мужа. Тот с двумя экскурсантами курил в сторонке и вроде бы не обращал внимания на маневры жены.

– Видели? – злобно спросила Анжела Зою Васильевну, усаживаясь на свое место, когда автобус тронулся. – Вольдемар-то! Даже ухом не повел!

– Ну, а что он должен был делать? Вы же просто разговаривали. Лишнего ничего не позволяли. Жорику морду бить? Себе дороже! Он бы и ему кости местами поменял!

– Ничего, он свое получит, козел! – утирая злые слезы, процедила Анжела.

Она так это сказала, что Зое Васильевне как-то нехорошо стало. Что это она задумала?! Не случайно же она избрала своим орудием мести этого Кинг-Конга. Он и в самом деле может поменять кости местами Вольдемару.

Можно, конечно, допустить, что за гориллообразной

внешностью Жорика скрывается ранимая душа ребенка и интеллект мыслителя. А Анжела, которая, вроде бы, уже приобщилась слегка к касте господ, а по виду и ухваткам все еще оставалась мастером дамских стрижек из советской парикмахерской, а не владелицей салона красоты, просто невинно флиртвала. Безо всяких далеко идущих планов в отношении Жорика в качестве орудия мести.

Пирамида снаружи выглядела как двадцатиметровый усеченный конус, сложенный из кирпича. Вокруг – асфальтированные дорожки. Скудную зелень в виде десятка деревьев (неизменных вязов, американских кленов и парочки серебристых тополей) компенсировало множество клумб. На них чахли под безжалостным солнцем петунии, катарантусы и гадцании.

Внутри пирамида представляла собой прохладное темноватое помещение с кирпичным полом. Несколько изящных деревянных лавочек вдоль стен и очаг, обнесенный небольшими валунами, – вот и вся меблировка.

На плоскую поверхность самого большого валуна была положена доска из ДСП, темной полировки, довольно большого размера. На ней – толстенькая стопка стикеров желтого цыплячьего цвета и с десятков шариковых ручек, – импровизированный письменный стол. Еще на одном валуне, поменьше, расположенного у очага, выдолблено углубление в виде овальной чаши.

В самом очаге экскурсанты разглядели кучку пепла, надо полагать, результат пребывания предыдущей экскурсионной группы. Это было свидетельство того, что связанный с посторонними силами служитель свои обязанности выполняет добросовестно.

Он и сейчас пытался их выполнять, поскольку совмещал проведение магического ритуала с чисто земными обязанностями экскурсовода, за что получал вполне себе реальную зарплату. Он говорил что-то про принцип постройки пирамиды Хеопса, про пропорции «золотого сечения», про повышение урожайности сельхозкультур и повышение духовности у посетивших пирамиду людей.

Возможно, результат воздействия сказывался не сразу. Возможно, попутчики Зои Васильевны станут нравственно чище потом, попозже. Пока же служителя-экскурсовода слушали только она сама да еще пара-тройка то ли совестливых, то ли любознательных экскурсантов. В числе их был и Вольдемар. Остальные же сразу устремились к столу, расхватывали ручки и стикеры, после чего отходили в сторону – написать свое желание, чтоб никто не подсмотрел, и первым бросить его в чашу. Всем же известно – кто рано встает, тому Бог подает!

Отчаявшись, служитель махнул рукой, дал «добро» и остававшимся с ним экскурсантам: валяйте, мол, чего там в приличия играть.

Зоя Васильевна, увидев, как Анжела безуспешно пытается-

ся пробиться к столику, достала из сумочки блокнотик, вырвала два листочка и вручила их ей вместе с ручкой.

– А ничего, что они голубенькие? – заколебалась Анжела.

– Нормально!

Дама тоже отошла в сторонку и начала писать, приладив листочки на сумочке.

Зоя Васильевна вышла из пирамиды на солнцепек, но изжариться не успела. Потихоньку к ней начал подтягиваться народ из пирамиды.

Александр Владимирович, остававшийся в автобусе, поскольку его услуги экскурсовода на пирамиду не распространялись, увидел в окно, что пастырю пора к своим овцам. Приблизившись, спросил:

– Все собрались? Теперь – девочки налево, мальчики направо, вон за те деревья. Больше остановок не будет до самого Сарая.

– Пойдем? – спросила Зоя Васильевна Анжелу.

– Вы идите, я вас догоню! Я сейчас!..

Вид у нее был какой-то востропанный. Зое Васильевне налево не хотелось, и она направилась к автобусу, но почему-то оглянулась. Анжела шмыгнула назад в пирамиду. «Наверно, хочет попытаться надуть пирамиду и впарить ей третье желание. Может, и прокатит. Вольдемар ведь тоже ничего не загадывал», – подумала она.

Девочки и мальчики постепенно собрались. Анжела явилась последней. Оставшийся отрезок пути она была молча-

лива и упорно отворачивалась к окну. А когда Зоя Васильевна спросила ее о чем-то, буркнула в ответ нечто невразумительное.

Пару раз, заметила Зоя, она смахнула слезы.

Пока не увидишь ад, рай тебе не понравится

Предыдущая экскурсионная группа только начала осмотр города-музея. Она прибыла из соседнего района, потому и случилась накладка по времени. Но, оказывается, здесь это происходило нередко – экскурсанты ехали отовсюду.

– Давайте мы начнем с посещения кочевого города, чтоб не терять времени, – предложил Александр Владимирович. – Разбейтесь на группы и походите по юртам, здесь много интересного на любой вкус. Юрта шамана, музей кочевника,

родители могут покатаать детишек на ослике и даже на верблюде. Сходите в сувенирную юрту, в чайхану... Через сорок минут – сбор у главных ворот. Прошу не опаздывать.

Зоя Васильевна решила начать с музея кочевого быта, но тут в руку ей вцепилась Анжела и горячо зашептала:

– Пожалуйста, не оставляйте меня одну!

– А что случилось? – удивилась пожилая дама очередному перепаду в настроении своей соседки.

– Да этот шкаф – Жорик – достал уже конкретно! – раздраженно ответила перезрелая красотка.

Как будто это не она всю дорогу напропалую клеила парня.

Последний отрезок пути, от пирамиды до Сарая-Бату, Анжелу будто подменили. Она куксилась, отмалчивалась и все смотрела в окно, словно любовалась пейзажем. А чем там было особо любоваться? Выгоревшая от зноя степь с изредка встречавшимися отарами овец или конским табуном, и по ней – серая лента асфальта, а потом и грунтовки, скользящая, словно степная гадюка.

Несмотря на угрозу экскурсовода, был сделан еще один привал. В группе было несколько детишек, и самому маленькому срочно понадобилось пи-пи. Он безостановочно хныкал, но, судя по тому, что мама минут десять уговаривала его начать уже процесс, ему просто надоела езда. Курящие пассажиры, которых было большинство, воспользовались моментом и высыпали из автобуса.

Зоя Васильевна видела, как Жорик подошел к Анжеле, начал было что-то говорить, но на половине фразы замолк и несколько мгновений ошарашено смотрел на нее. Потом отошел, как побитый. Он и сейчас смотрел издалека на Анжелу взглядом побитого щенка, такой большой мальчик. Кто их поймет, этих женщин!

Прямодушная и безыскусная в науке дамского кокетства, Зоя Васильевна ничему не научилась за свою долгую жизнь. Она всегда с некоторой долей зависти наблюдала за своими соплеменницами, кому этот дар был дан от рода. Умение стрелять глазками, многозначительно улыбаться, зазывно хохотать, иногда и прикидываться дурочкой – с этим талантом надо родиться.

Неужели мужчины, даже самые умные, не видят искусственности этих бабских ужимок? Но от века все попадают-ся и попадают-ся на их удочку. Жорик влип, и как же быстро! При том, что Анжела была как минимум на полтора десятка лет старше, а Жорик наверняка не был обделен женским вниманием.

Во времена Зоиной молодости у девушки должно было быть «все при ней», в смысле здоровой полноты и приятных округлостей. Парню же полагалось быть крепким, но стройным. В нынешние времена все встало с ног на голову. Посмотришь на парня: не то мускулами оброс, не то жиром заплыл (под рубахой не видать), но котируется. Девчонки же сплошь – былиночки, и, стремясь к совершенству, изнуряют

плоть мыслимыми и немислимыми способами.

Но лезть с нравоучениями и советами, когда их не спрашивают, – это был не Зоин вариант.

– А муж? – Вольдемар маячил вдалеке и даже не делал попыток отыскать жену хотя бы взглядом.

– Я не собираюсь навязываться! – и, уловив скепсис на лице Зои, поменяла мотивировку: – Нет-нет! Сейчас не тот момент!

– Я хотела сначала в музей кочевника. А вы?

– Да ну их, кочевников! Пойдемте к шаману!

Вот почему она не хотела искать защиты от приставучего Жорика у мужа. Она собиралась обсудить с шаманом свою деликатную семейную ситуацию.

Анжела была не просто лидером по жизни, она была манипулятором. И Зоя Васильевна покорно повлачилась, как пленник на волосяном аркане, за ней. Похоже, она сама, как и Жорик, как и Вольдемар, не могла противостоять мощным энергетическим импульсам этой дамы.

У входа в юрту уже собралась очередь из жаждущих чуда. Но принимал шаман как-то не регламентировано: одни высказывали, не пробыв в юрте и пары-тройки минут, другие задерживались на десять-пятнадцать.

– Не успеем! – сказала Зоя Васильевна без собого сожаления.

– Я не уйду, пока не попаду к нему! – заявила Анжела. –

Лучше я город не пойду смотреть! Я только из-за шамана сюда ехала.

Тут уж интеллигентность изменила Зое Васильевне.

– Ну, так и стойте здесь! Я-то вам зачем?! Я ехала, чтобы все посмотреть!

– Умоляю! – простонала шантажистка, сменив безапелляционный тон на просительный.

– Да не съест же он вас!

– Я одна к нему идти робею.

Нет, это что-то с чем-то! Однако Зоя Васильевна осталась – не выдираться же из цепких Анжелиных ручек на потеху гражданам.

Наконец, они оказались у заветного входа. Вышла молодая пара, а в юрту нырнули стоявшие перед Анжелой и Зоей Васильевной пожилая женщина и паренек лет пятнадцати-шестнадцати, бабушка с внуком, надо полагать.

– Ну что там?! – жадно спросила Анжела, как двоечника-студентка, никак не осмеливающаяся войти, наконец, к экзаменатору, у выскакивавших счастливицов, уже отстрелявшихся.

– У нас друзья год назад приезжали к Нему. У них два пацана, а они хотели девочку, чтоб уж наверняка.

– И что?

– Он сказал – год не надевать жене мужевой одежды. Маек, там, тапок... И не курить. («Вот молодец!» – подумала Зоя Васильевна). А мужу – ничего из женского.

- Да что ж муж может надеть из женского?!
- Вообще ничего, даже фартука на кухне!
- Надо же! – ахнула Анжела. – И что?
- Ксюшка сейчас беременная. УЗИ показало – девочка!

Вот и мы приехали...

Теперь ахнула уже вся очередь.

– А вам что сказал?!

– Нельзя говорить! Это информация только для нас, – важно промолвил молодой муж.

Вышли бабушка с внуком. Внук выглядел слегка ошеломленным, у бабушки взор светился торжеством.

Трепещущая Анжела и слегка все же оробевшая Зоя Васильевна вошли в святилище.

Шаман сидел на невысокой скамеечке, украшенной прихотливой резьбой, в центре юрты, возле очага. Огня в очаге, естественно, не было. Если он и топился в ненастную пору, то не в июльскую адскую жару. Дым тогда выходил в отверстие в потолке юрты, сейчас оно было затянуто противомоскитной сеткой.

Тихое жужжание говорило о присутствии невидимой сплит-системы. А как шаману без даров прогресса? Ни один шаман не выдержит восьмичасового рабочего дня (или сколько там он у них длится в горячий туристический сезон?) в этой духоте да в своем весьма теплом экзотическом наряде!

Длинная рубаха его была подпоясана широким, расши-

тым цветным замысловатым узором поясом. Поверх рубахи – кожаный кафтан, с множеством пришитых к нему ленточек и кусочков ткани, вырезанных в форме головы змеи с открытой пастью. На спине – позже разглядела Зоя Васильевна – пришиты два медных круга и шкурки каких-то животных. Головной убор напоминал по форме колпак и тоже был весьма прихотливо украшен.

На невысоком столике, стоявшем рядом с очагом, лежал бубен овальной формы, обтянутый кожей. К деревянным прутам-поперечинам на нем было прикреплено множество маленьких колокольчиков и всяких-разных металлических побрякушек. К столику был прислонен деревянный посох, верхнюю часть его венчала металлическая фигурка какого-то духа ли, божества ли. Фигурки духов же расставлены были и на алтаре, который располагался поодаль, в северной части юрты.

Все это мгновенным взором охватила Зоя Васильевна и перевела взгляд на шамана. «Акылбай», вспомнила она его имя, и задним числом пожалела, что, вопреки обыкновению, не удосужилась почитать что-нибудь про шаманизм.

Шаман слушал лепет Анжелы, и по его лицу невозможно было что-нибудь понять. Лица-то почти и не было видно, его скрывала маска, столь же прихотливо изукрашенная. Но взгляд буквально пронизывал, проникал в душу, что называется.

Зоя Васильевна то ли из деликатности, то ли из робости

затормозила, было, у входа, но Анжела властной рукой продолжала ее тащить. Шаман смотрел на мизансцену с интересом, и даже легкая ухмылка скользнула по тонким его губам.

– Ты боишься знать, о том, что тебе предстоит? – обратился он к Зое. – Зачем тогда пришла?

Надо полагать, ему не часто приходилось наблюдать, что клиента к нему тащат силой.

– Я не хотела... То есть, мне не нужно... Это вот моей... приятельнице нужно, – залепетала она, отметив мимоходом панибратский стиль общения Акылбая со своими посетителями.

К ней давно уже кавказцы на рынке и водители маршруток обращались не иначе, как «бабуля». А тут – «ты»! Впрочем, может, в шаманском ритуале положен именно такой стиль общения. Шаман как бы дает понять пришедшему: я – над, а ты внизу, у подножия.

А может, он, наоборот, как раз хочет наладить доверительные отношения? Побеседуем, мол, по-дружески, накоротке. Или он в весьма и весьма преклонных годах, под маской же не видно, и она для него – молодка? Как одна знакомая семидесятилетняя бабулька говорит об умершей соседке:

– Совсем ведь еще молодая, шестьдесят всего!

И опять Зоя Васильевна пожалела, что приехала неподготовленной, не прочитав ничего про шаманские закидыны.

– А твоя... приятельница, – тоже сделал паузу хозяин юр-

ты, отметив заминку Зои, – боится, что я ее заколдую? А ты при ней в качестве охраны? – он коротко рассмеялся.

– Ну, хорошо, – обратился он к Анжеле, – что ты хочешь узнать?

Анжела забормотала что-то вдруг севшим голосом.

– Я... можно тут... посмотрю пока? – обратилась Зоя к шаману.

– Посмотри, – отмахнулся тот.

Зоя Васильевна старалась не прислушиваться к бормотанию Анжелы. Сама притащила ее в это святилище, не побоявшись раскрыть свои секреты, а теперь, вопреки всякой логике, понижает голос почти до шепота.

Она отошла подальше и рассматривала убранство юрты: несколько сундуков, покрытых старыми выцветшими коврами, пара ковров, тоже старых, с замысловатым восточным узором, на стенах. Тахта, покрытая ковром.

На алтаре, среди расставленных фигурок божков ли, духов ли, заметила грубой работы шкатулку из обожженной красной глины, но с нанесенным по бокам и на крышке растительным орнаментом. «Не в раскопе ли добыл?» – усмехнулась мысленно.

Вдруг в резьбе на крышке разглядела узкое отверстие посередине, как проделывают в копилках. «Неужто и тогда уже были копилки?» подивилась, рука ее непроизвольно протянулась – потрогать.

– Трогать ничего не надо! – раздался строгий окрик хозя-

ина, и Зоя Васильевна отдернула руку.

Пока она бродила по юрте, не раз чувствовала спиной взгляд шамана, он прямо жег ей спину. Зоя объясняла это чувство своей мнительностью и особой атмосферой юрты. Оказывается, ей не примстилось, шаман и в самом деле следил за ее передвижениями.

«Боится, небось, что сопру какого-нибудь духа», – обиделась про себя. «А может, уже и случилось, люди ведь разные», – оправдала шамана.

Он, кстати, голоса не понижал, как бы в отместку непоследовательной Анжеле, и многие его реплики Зое приходилось невольно слушать, а по ним и о смысле Анжелиных вопросов догадываться. Причем, отвечал он преимущественно афоризмами или же придавал обычным фразам расхожей житейской мудрости форму афоризмов, и тон его был то ли усталым, то ли он попросту скучал и не особо старался это скрывать.

– На Востоке говорят: мужчина, купивший вторые штаны, уже задумывается о новой жене, – сказал он. – «Вдруг» ничего не случается. Ты что ж, раньше ничего не замечала?

Анжела в ответ жарко что-то зашептала-забормотала.

– Семейный очаг по-разному охранять можно, – возразил шаман. – Драчливая баба и без собак целую деревню охраняет!

Вновь жаркое анжелино бормотание.

– Ну, так ведь ветры дуют не так, как хотят корабли, –

скучливо изрек шаман.

И что бы это могло означать?..

Снова Анжелина очередь бормотать. Акылбай в ответ рассмеялся. Зое, кстати, нравилась его манера смеяться – короткий хрипловатый смешок. Как-то так... по-мужски. Со- всем не старческий смех. Брутально, как сейчас говорят.

– Раз поймал – не упускай, а раз уж упустил – не гоняйся за упущенным! И еще скажу тебе: ты ведь недоброе задумала. Опомнись!

– Нет!!! – выкрикнула Анжела.

– Да! – возразил шаман. – Я знаю.

– Я задумала, да... Но я передумала! Я... опомнилась. Я не хочу!

– Но ведь задумала! Ты пойми: часть недоброго сбудется, но часть-то ведь к тебе самой вернется, обязательно! И с тобой останется, как плата за содеянное.

– Что же мне теперь делать?! – прорыдала женщина.

– Думай! Если другу платишь злом, чем заплатишь врагу?.. Я все тебе сказал.

Нет, не утешил он мадам Анжелу Брошкину и выхода не подсказал. Какой же он провидец и целитель? Даже если его утомили похожие истории, для Анжелы ведь она – ее личная, неповторимая.

Зареванная Анжела устремилась к выходу, напрочь забыв про Зою Васильевну. Та поспешила следом.

– Ты так и не хочешь ничего у меня спросить? – догнал

ее голос шамана.

– Да о чем же мне спрашивать? – обернулась она. – Мне в моей жизни все ясно.

Он опять рассмеялся.

– Подойди! – велел, и Зоя не посмела послушаться.

«Как раб на волосяном аркане», – опять пришло на ум, и она повлеклась к шаману под пронзительным его взглядом.

– Все ясно, говоришь? – спросил насмешливо. – Провидишь свое упорядоченное, устоявшееся, беспросветное будущее? И ходишь, наверное, уткнувшись носом в землю? Чужой кошелек хочешь найти или оступиться боишься? Перелом шейки бедра, и все такое? Беспомощность, неподвижность, смерть? И единственное утешение на смертном одре – что жизнь прожила достойно и детей вырастила?

Он вдруг начал изъясняться совсем не по-шамански. Он Зою подкалывал, безо всяких афоризмов-фразеологизмов. Ее эта бесцеремонность начинала раздражать, но она вежливо улыбнулась.

– Кошельки я ищу пока только свои, детей – да, вырастила, надеюсь, порядочными. И будущее мое мне в общих чертах ясно.

– Как говорят у вас, русских? Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах!

Только теперь Зоя Васильевна уловила легкий, легчайший акцент восточного человека. Временами проскальзывающую гортанность.

– Да какие там планы! В моем возрасте. Извините, Акылбай, мне пора идти! – проговорила с сердцем.

– Доживать?

И чего привязался?!

Улыбка мелькнула на тонких губах – вторая за время их посещения. Наверно, никогда ему не приходилось столь много улыбаться и смеяться за время одного визита.

– Ты знаешь мое имя?

– Случайно. Прочитала в газете.

– Вон что! А зачем приехала сюда?

– Сарай посмотреть, и вообще все здесь.

– Интересно?

– Интересно!

– Это хорошо! Но ты все же поднимай глаза почаще. Поднимешь глаза – и увидишь звезды. Будешь чаще поднимать глаза – звезды станут ближе.

«Фу, – подумала Зоя, – какие банальности»!

Но, по большому счету, разве народная мудрость – не отшлифованная веками банальность?

На ум ей пришла единственная восточная мудрость, которую она знала – ее выдала Люся совсем недавно (они втроем развивали тему ушедшей молодости, которая была, конечно, прекрасна с высоты пройденных лет, но тогда они ее воспринимали как должное, само собой разумеющееся, обыденное и непреходящее). Это было очень кстати и в тему. И Зоя невольно заговорила в стиле Акылбая.

– Две вещи обнаруживают свою ценность после потери их – молодость и здоровье.

– Хочешь сказать, что уже поставила большую жирную точку?

– Не я, – пожала плечами Зоя Васильевна. – Природа. Жизнь.

– День радости краток, – согласился шаман. – И счастливее всех тот, кто еще в колыбели. Но если Аллах закрывает одну дверь – он открывает тысячу других! Иди. В Сарае будет интересно. Сегодня будет очень интересно!

– Почему – сегодня?

– Я чувствую, – пожал плечами.

– Что так долго? – возмущалась очередь. – Почти полчаса! Другим что, не нужно?!

– Извините! – защищалась без вины виноватая Зоя Васильевна. – Я не хотела!

– Не хотела она!

Анжелы поблизости не было видно.

* * *

Сарай-Бату поразил Зою Васильевну. Была полная иллюзия, что ты попал в средневековый восточный город.

Двухэтажные глинобитные дома лепились друг к другу и образовывали улочки настолько узенькие, что можно было

при желании перекинуть доску из окна какого-нибудь дома в окно дома, расположенного напротив, и по ней сходить в гости, если бы в голову кому-то пришла такая блажь.

На широкую площадь выходил фасад ханского дворца, изукрашенный цветной мозаикой. Самого дворца не существовало как такового, сразу за фасадом тянулся кирпичный, обмазанный глиной забор. Киношная экспедиция была, видимо, ограничена в средствах, и дворцовые сцены снимались, скорее всего, в павильонах.

Правда, в некоторые дома можно было зайти. Видимо, там снимали какие-то эпизоды. Но комнаты были небольшими, так, каморки.

Даже резервуар с водой, вроде бассейна, имелся на площади. Из него, как объяснил экскурсовод, вода по глиняным трубам подавалась во дворец. На резервуаре уже лежала печать современности – в мутно-зеленой воде плавали пластиковые бутылки и занесенные ветром полиэтиленовые пакеты. Как говорится, «здесь был Вася!»

Даже восточный базар имелся, и много чего на нем продавалось: от сувенирных монет «под древность» и шкатулок вроде той, что видела Зоя Васильевна в юрте шамана. Но были здесь и шкатулки – настоящие произведения искусства, из обливной керамики. Лежали на самодельных прилавках горы фруктов и овощей, пирожков, чебуреков и кайнаров с пылу – с жару. Здесь делали свой маленький бизнес предприимчивые жители близлежащего Порохового.

Зоя купила одну шкатулку и несколько монет для родного музея. Шкатулку выбрала подешевле, но с резьбой, как у шамана. Шкатулку-копилку.

Она смотрела во все глаза и слушала, развесив уши. Экскурсовод Тахир, студент-историк четвертого курса педуниверситета, прекрасно знал свое дело. Это было для него чем-то вроде летней практики, вместо смены в детском лагере отдыха.

Она старалась запомнить как можно больше, перенять какие-то приемы, которые могли пригодиться ей в дальнейшей работе, и тут же грустно напоминала себе, что дальнейшей работы-то и... не будет.

«Если Аллах закрывает одну дверь – он открывает тысячу других», – усмехнулась она с иронией. Как же, как же...

Все это время в поле ее зрения не наблюдалось Анжелы. Та как в воду канула, даже удивительно. Ну да, надобность в компаньоне отпала. Жорик тоже куда-то запропал. Уж не вместе ли они? Утешает даму в ее печали. Кстати, а где Вольдемар? Надо же, и он тоже задком-задком дистанцировался от негустой толпы внимавших Тахиру, а затем направился к городским закоулкам, разбегавшимся от площади.

Александр Владимирович, вручив своих овец новому пастырю, сразу отбыл в чайхану, наказав через час подтягиваться к автобусу. Тахир же, изложив положенный текст и ответив на немногочисленные вопросы, разрешил экскурсантам побродить по городу, купить сувениры, перекусить. Группа

вокруг него начинала рассеиваться.

И тут раздался крик.

Это была полифония, женское многоголосие. Потому как звучали одновременно визг, вопль, истерический рев сразу нескольких дам.

Экскурсанты, впавшие в первые секунды в ступор, наконец отмерли и понеслись на звук. Вопль не прекращался, он сигнализировал о беде.

Тахир бежал впереди, сознавая лежавшую на нем ответственность. Чуть-чуть отставала от него неизвестно откуда взявшаяся Анжела. Судя по скорости и спортивной злости, с которой она отпихивала наступавших ей на пятки экскурсантов, в свои давно минувшие школьные годы она занимала призовые места по спринтерскому бегу и многоборью.

Они с Тахиром поделили первое место, поскольку достигли источника звука одновременно. Сирена смолкла, но через минуту вновь раздался вопль — отчаяния.

Новый крик был одинокий, и Зоя Васильевна признала голос Анжелы. Видеть её Зоя пока не могла, она на ослабевших ногах трусила позади бегущей толпы. Сердце норовило выпрыгнуть из груди, дыхание прерывалось, и она уже совсем, было, решила сойти с дистанции, когда раздался этот крик.

Пришло второе дыхание. Рванув вперед с вновь пробудившимися силами, Зоя достигла финиша как раз в тот момент, когда из каморки какого-то средневекового, надо пола-

гать, ремесленника вывалилась процессия. Четверо мужчин выносили за ноги и плечи мужчину пятого, и этот пятый был – Вольдемар. Окровавленная голова его бессильно моталась.

Зоя Васильевна, не в силах этого видеть, поспешно отвела взгляд от окровавленной головы.

Вольдемара понесли в тень дворцовой стены. Правая рука его свесилась с груди и бессильно волочилась по земле. Ангела, наконец, догадалась и стала поддерживать голову мужа, не переставая голосить. Экскурсанта небольшой молчаливой свитой двигались следом.

Отставшая от процессии Зоя Васильевна заметила на рыжей утоптанной земле махонький предмет. Нагнулась и подняла круглый желтоватый кусочек металла с неидеально ровными краями.

Хотела отбросить, но, поколебавшись, сунула в карман. Это было похоже на псевдодревнюю монетку, из тех сувенирных, которыми торговали с лотков местные коробейники. Авось пригодится родному музею...

Если все станут умными, некому будет коров пасти

Ночь казалась бесконечной. При том, что легла Зоя Васильевна поздно, а уже в три начинало светать. Привезли их в десять вечера, Зое Васильевне даже пришлось заказывать такси, чтобы добраться от «Энергии» на свой правый берег.

Голову распирало от мыслей. Она уж и слонов считала, и корвалолчику приняла – без толку. Да еще с недавних пор соседскую лавочку облюбовала пришедшая молодежь (своей-то на их улице уже и не осталось, одно старичье). Тинейджеры не слишком церемонились с аборигенами: их здесь не знали, и сакраментальное «а вот я твоим родителям скажу!» звучало неубедительно.

Да и кого сейчас можно припугнуть этой фразой? Так же, как и другой: «сейчас в полицию позвоню!». Обе стороны прекрасно понимали, что угроза чисто теоретическая, никто никуда не позвонит. А хоть и позвонит – никто не приедет. Вот когда убьют, как говорится...

Кто-то терзал гитарную струну, остальные, разгоряченные пивасиком, а может и чем покрепче, орали дурниной. Настолько не в лад, что даже было не разобрать, то ли рэп, то ли зэковский шансон. С истерическим визгом тормозов подъезжали и отъезжали машины друзей, тогда хор смолкал

и звучал демонический ржач, а из динамиков автомобилей доносилось «бам-бам-бам» ударных, неумолимо проникающее сквозь положенную на голову подушку.

С соседской крыши доносилось бельканто зоиноного кота Лёхи, вызывающего на randevу соседскую Муську. Когда у Муськи наступала пора любовных томлений, она выводила: «Наум-м-м! Наум-м-м!» У Лехи получалось «Мавр-р-ра! Мавр-р-ра!».

Бельканто его начиналось с высокого шалопинского баса, а заканчивалось высочайшими нотами Карузо. Вопли его израненного сердца были нескончаемы и безответны: либо Муська на этот раз не отвечала взаимностью, либо ее хозяйка – соседка Люба – не пустила кису на ночную прогулку. Как будто это была панацея!

Притомившись распространять по микрорайону котят, Люба в минуту отчаяния поддалась наущению другой соседки – Веры – и попыталась их топить новорожденными. Потом отпаивалась лекарствами, ходила в церковь исповедаться и второй год не разговаривала с Верой.

– Вот ведь выпущу на улицу, – жаловалась она Зое, – караулю. Она, зараза, три дня сидит на дереве, как ни выгляну в окно. Коты – вокруг дерева, обложили. То есть не дают с дерева спуститься! Возвращается домой – через два месяца опять котят. Ну как это можно умудриться?!

– Непорочное зачатие, – шутила Зоя. – То есть, бесконтактное, – поправлялась, уважая набожность Любы.

«Будь прокляты коты, гитары, гости и эта нескончаемая ночь!» – в бессильном отчаянии подумала Зоя Васильевна и встрепенулась: это были готовые строчки стихов.

Подруга Люся подсмеивалась над ней, что темы для стихов Зоя берет из бытовой действительности. А откуда же еще их брать?! «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи... Анна Ахматова», – самой себе процитировала Зоя Васильевна по привычке.

Ровно в пять, когда все поутихло, и Зоя вроде бы начала задремывать, раздался тяжелый шлепок – то приземлилась на крышу ее ворона, Кара. Прикрышилась...

На свою беду, Зоя как-то зимой прикормила ее, пожалев в неприютную пору птицу. «Каргу приручила!» – издевались соседи. «Ну, теперь держись, мать Тереза! Она тебе наведет порядок в огороде».

Но ворона, надо сказать, в огороде сильно не безобразничала. Ну, пороется иногда в грядке, закапывая недоеденный кусок. Или, наоборот, откапывая занащенное в необычный день. Зато в одной из грядок проростал молоденький орешек: зарыв, карга про него забыла. Или захотела доступным ей способом отблагодарить Зою.

Но крыша Зоино дома стала ее персональным аэродромом. Она устраивала безобразные скандалы с драками со своими соплеменниками, прикрышившимся случайно или назло. Она таскала сюда все добытое за день – полуфабрикаты, так сказать. А потом доводила их до ума: отбивала о

крышу сташенную где-то пересохшую воблу, долбила орехи.

Вообще, во дворе ворона чувствовала себя хозяйкой. В собачьей посудинке с водой, игнорируя грозное, но бессильное рычание Умки, размачивала добытые в мусорке куски черствого хлеба, чем доводила песика до белого каления. Прилетала не одна, и пока партнер отвлекал Умку, кружась вокруг боком-боком и вприпрыжку, супруга мочила свои сухари. Вода мутнела и моментально начинала протухать. Умка брезговал ее пить.

Он, в принципе, был парень не жадный. Когда воробьи, горлая, доклевывали его кашу, он, лежа невдалеке, снисходительно поглядывал на этот базар. Но ворону Умка люто ненавидел. Когда Зоя общалась со своей «питомицей», он с презрительным недоумением сверлил хозяйку взглядом. Докатилась... Он проявлял солидарность с соседями.

А ворона всегда была не прочь поболтать. Когда Зоя Васильевна выходила на крыльцо, Кара перелетала с крыши на виноградные вешала. Просунув голову между листьями винограда, чтобы лучше видеть Зою, поглядывала внимательно одним глазом.

– Привет, Каркуша! – говорила Зоя Васильевна. – Что скажешь?

Ворона щелкала клювом и говорила «каррр!».

– Ну, Расскажи, Расскажи, как дошла до жизни такой!

Каркуша поворачивала голову, смотрела другим глазом и, дождавшись конца Зоиной тирады, опять щелкала клювом и

говорила «каррр!» Она была воспитанной птицей и не прерывала собеседницу, как некоторые люди: «а вот я!..., а вот у меня!...». Так они и общались.

Естественно, прилетала Кара не только затем, чтобы полюбоваться Зоинными прекрасными глазами, даже не столько за тем. Она терпеливо ждала момента, когда Зоя Васильевна вынесет из дома корочку сала, кусочек колбаски или даже хлебушка, протянет руку и скажет:

– Угощайся!

Тогда Каркуша начинала склевывать виноградные листья или сухие веточки и выплевывать на землю, чистить клюв, всем видом давая понять о бескорыстии своих побуждений. Типа, я просто так заглянула, мимо летела, и нечего меня подозревать в меркантильных интересах.

– Будешь выеживаться – уйду! – грозила Зоя и делала вид, что отдергивает руку.

Кара молнией срывалась сверху, выхватывала угощение и возвращалась на свой насест. Куда девалось хорошее воспитание!

– Приятного аппетита! – желала Зоя и уходила в дом.

Ворона никогда не заканчивала диалог первой, ждала, пока утомится Зоя Васильевна. Она была болтушкой, как соседка Люба. Уходила Зоя – и тогда только улетала ворона.

Как обычно, птичка, приземлившись, ходила по крыше туда-сюда, топая, как рота солдат на плацу, отрабатывающая

строевой шаг в преддверии общевойсковой смотра. Ее трудовой день начинался вместе со световым, раньше Зоиною.

Вконец измотавшись, Зоя Васильевна все же уснула под бравое воронье «ать-два!». И тут начали барабанить в окна и двери ее дорогие подруги. Хотя ключи (и от калитки, и от дома!) у них были свои, они давно уже обменялись ключами от своих жилищ на всякий непредвиденный, печальный случай.

Телефон Зайки не отвечал с вечера. Ну ладно, нет связи или разрядился – но он и утром не отвечал! Люся и Мила примчались в тревоге. Еще на подходе увидели закрытые ставни – это в восемь-то часов утра! Открыли калитку – Умка вел себя обычно, признаков голода или волнения не проявлял. Приподнял верхнюю губу с левой стороны в приветливой улыбке – такая манера у него была – и заработал активно хвостом.

Дверь была заперта изнутри на крючок – значит, Зайка добралась до дома благополучно. Еще того хуже! Не иначе – сердце прихватило! Подруги принялись лупцевать в дверь ногами и голосить, забеспокоившийся Умка присоединился: бабам, наверное, виднее, что происходит!

Очумевшая Зоя, пробудившись от трехголосого воя, наконец, откинула крючок и распахнула дверь.

* * *

– Так это Жорик – Вольдемара?..

– Я тоже сначала так подумала! Но Анжела говорит, что нет.

– Так она тебе и признается!

– Да его и близко там не было!

– Да слинял вовремя!

– Она говорит, что ни о чем таком его не просила!

– Да что ж она – дура, чтоб признаваться? И потом, может, напрямую и не просила, но подводила его к этому, провоцировала, про свои горькие обиды рассказывала...

– Девочки, она была в таком состоянии! Просто в ступор впала.

– Потому что чувствует вину!

– А когда это ты у нее спросила про Жорика?

– В больнице, когда Вольдемара увезли в операционную.

– А ты-то как там оказалась?!

– Да она как клещ в меня впилась опять! «Не оставляйте меня одну, не оставляйте меня одну»! Скорая приехала минут через пятнадцать, там до Порохового пара-тройка километров.

– У них что ж, в селе и своя больница есть?

– Ну, село большое. Есть такая мини-больница: в одном здании и амбулатория, и стационар, и станция скорой помощи. Аж две машины! А из врачей – терапевт, педиатр, гинеколог и, на наше счастье, хирург. Он первую помощь оказал. Может, даже жизнь спас. А потом должны были реанимо-

биль из области вызвать, серьезная все же черепно-мозговая травма. Но хирург сказал, что Владимир Иванович, Вольдемар то есть, пока нетранспортабелен. Я позвонила своей родне, попросила приютить Анжелу на день-другой.

– А им это надо? А тебе это надо? Для этой поганки! В коридоре бы посидела!

– А если из коридора на ночь попросят? Да и у родни моей летняя-зимняя кухня сейчас пустует, они в нее городских рыбаков пускают переночевать. Не обременит.

– Как это? Летняя-зимняя?

– Ну, утепленная. Это такая же летняя кухня, как у меня во дворе, только они в ней и зимой тоже готовят, там же и питаются, чтоб чаду в доме не было.

* * *

...Анжела впилась клещом, опять вспомнив про существование Зои Васильевны, хотя той даже смотреть на нее не хотелось, не то что разговаривать и поддерживать морально. Когда они сидели в коридоре, пока хирург в операционной колдовал над Вольдемаром, Зоя не выдержала и спросила:

– Это вы Жорика науськали?

– Вы что, с ума сошли?! – лицо Анжелы пошло какими-то фиолетовыми пятнами.

– Да вы же с ним не просто так флиртовали всю дорогу? А потом бортанули, чтоб он заревновал?

– Да у вас с головой не все в порядке!

Разъяренная Зоя начала приподниматься: какого черта она тут нянькается с этой нахалкой! Надо добираться в Сарай и поделиться своими соображениями с участковым, которого вызвали из Порохового. Наверняка он уже там и опрашивает экскурсантов.

Рыдающая Анжела вцепилась в нее мертвой хваткой.

– Простите меня, простите! Я не в себе, вы же должны понять!

– Может, ты и не в себе, но хамство и эгоизм из тебя через край переливаются, – сказала Зоя Васильевна. Про себя, естественно. А вслух спросила:

– А в пирамиде вы что ж, не смерти мужу пожелали? А шаман сказал, что вы недоброе задумали!

Анжела открыла сумочку, пошарила в ней и извлекла два свернутых в трубочки голубеньких листочка, тех, что дала ей Зоя, вырвав из своего блокнотика.

– Читайте!

Зоя, взглянув на Анжелу, развернула первый. «Пусть мужу будет плохо» – прочитала. Развернула второй. «Пусть Рая сдохнет!». Ничего себе!

– Я не смогла, – сказала Анжела. – Я испугалась. Я потом вернулась в пирамиду и забрала свои записки. Их легко было найти по цвету, спасибо вам.

– Но вашему мужу все-таки плохо!

– Но это не из-за меня! Я не знаю, кто это его! Только бы

все обошлось! Я в церковь пойду! Я день и ночь буду возле него дежурить! Только бы он не узнал про записки!

– А Рая?

Анжела закрыла лицо руками.

– Пусть уж лучше к ней уходит! Пусть подавится, стерва!

– Порвите эти записки и выбросьте! Не таскайте их в сумке.

– А что? Нельзя? Плохая примета?

– Очень плохая! – не сдержала улыбки Зоя. – Вы что, собираетесь их всю оставшуюся жизнь в сумке таскать? Пока Вольдемар не увидит?

Ну, а потом за Зоей Васильевной приехал участковый на своей «девятке» и отвез назад в Сарай, где ее уже ждал оперуполномоченный из областного ГУВД. Она осталась единственной не опрошенной.

* * *

– Не обманул шаман, – задумчиво сказала Люся. Уж куда интереснее было! А вот что он имел в виду?

– Откуда мне знать, – отмахнулась Зоя. Да все что угодно! А вот угадайте с трех попыток, кто был этот опер? – вид у нее был весьма загадочный.

– Чего гадать, – пожала плечом Мила. – Как будто в области каждый второй опер – наш добрый знакомый. У нас там только один такой.

– Судя по твоему виду, это был Бурлаков! – дополнила Люся, чтоб уж никаких сомнений ни у кого не возникло.

– Какие ж вы умные – аж противно! – разочарованно протянула Зоя Васильевна. – Если бы все бы были такими умными, то жить было бы скучно!

– А как Бурлаков там оказался? Он же теперь не только при высоком чине, но и при высокой должности? Что его в район понесло?

– Был дежурным, главным по области. Ему доложили. Все-таки место не простое, не по пьяной драке в селе кого-то прибили – в музее! Уже почти всероссийского масштаба.

– Тебя увидел – обрадовался?

– Ой, уж так обрадовался! – с кислым видом сказала Зоя. – Спросил сразу – как же это я одна? А где все остальные?

– Так ты ему про Жорика рассказала?

– Ну да! Да только у Жорика, на его счастье, алиби. Он с нашим экскурсоводом сразу ушел в чайхану, там и сидели все это время.

– Повезло парню! Тогда кто же Вольдемара?..

– Ну, вы же такие умные – давайте, разгадывайте! Может, Бурлакову нос утрете!

– Не ёрничай! И как тут разгадаешь, в Артюховске сидя? Вот бы если бы в Пороховое съездить!

– За чем же дело стало, Шерлок ты наш? Ты же увольняться хотела вместе со мной.

– А ни за чем не стало! – ухмыльнулась Люся. – Ее и так

скоро уволят. Сядет и поедет.

– Как это – уволят? Это за что это?

– Не за что, а потому что! Никиту заставляют сторожей увольнять и сигнализацию устанавливать. В век научно-технического прогресса – такой анахронизм! Так ему сказали.

– Конечно, теперь денежки появились, нашими стараниями!

– Да нет, из бюджета выделяют. Папа расстарался.

– Ну и прекрасно! Не придется наносить удар в спину. Что ни делается – все к лучшему! Только Никита теперь замучается на ложные сработки по ночам ездить. Уж я-то наездилась, пока заведовала, хлебнула этой беды!

– А никуда не надо будет ездить. Они перебираются в свою музейную квартиру. Лизе не терпится.

– О-о-о, сколько у вас новостей за один день! Стоило мне только уехать...

– Мы тебе еще главную новость не рассказали. Мы тут тоже не лыком шиты, – со скромным торжеством произнесла Люся.

– Не пугайте меня! Что еще такое?!

Оказывается, «биржевые» работнички тоже немного сачканули. Надо было бы еще на штык-полтора поглубже вырыть траншею, а то трубы будут промерзать, объяснили рабочие, придя укладывать эти самые трубы. Сами углублять отказались – не царское дело! Никита опять кинулся на «биржу» – а куда же еще, с их-то доходами! Мужики при-

шли, едва начали копать и сразу же отрыли шкатулку.

– Прямо почти сверху лежала!

– Такая небольшая коробочка из обожженной глины. В ней монеты, с десяток. Копилка, что ли, старинная? Или раньше тоже заначку делали?

– Это Никита сказал, что монеты, а по виду – так, медяшки. Железки-железками, и все – разной формы и разного цвета: буренькие, желтенькие, даже зелененькие. Ну, по-зеленевшие...

– Никита как с ума сошел, буквально затрясся, запеленал шкатулку в ткань и в сейф засунул. Толком даже посмотреть не дал. Сегодня в город повезет.

– Нам ее, конечно, не вернут, не по профилю. Оставят, небось, в краеведческом музее, а то и в область заберут.

– Ну что за подлость, – пожаловалась на судьбу Зоя. – Как что-то интересное, так меня нет!

Люся с Милой опустили глаза, скрывая торжествующий блеск: вот так! Никуда не выезжая, ни в какие Сарай, они своей новостью заткнули за пояс Зайку с ее новостями!

Зоя Васильевна на мгновение задумалась, потом нырнула в бельевую корзину и выудила белые полотняные бриджи, в которых ездила в Сарай-Бату. Она как приехала вчера домой, стащила их и зашвырнула в стирку. Порылась в карманах и продемонстрировала подругам найденную бляшку.

– Такие?

– И такие тоже есть! А откуда у тебя?!

– Подобрала с земли, когда Вольдемара несли, а я следом шла. Но она сувенирная, там на площади такими торгуют. Кто-нибудь обронил.

– Девочки, а не пора ли уже и позавтракать? У меня в животе духовой оркестр играет. «На сопках Маньчжурии».

Сгоношили чай на скорую руку.

– Давай, еще про шамана расскажи!

– Ну что рассказывать... Все приставал – будущее мне хотел предсказать, что ли... Как цыганка на базаре!

– Сравнила! А ты отказалась?!

– Ой, да глупости это все! Зачем мне это нужно! Дальняя дорога, казенный дом, треновый король...

Мила смерила Зою уничтожающим взглядом:

– Твоя... простодырость, Зайка, – сказала, как выплунула, – Просто не имеет границ!

– Простодырость, я бы сказала, – уточнила бескомпромиссная Люся.

Как будто не они час назад лупцевали в дверь ногами и подвывали почище Умки!

– Это почему же? – спросила ошеломленная Зоя Васильевна.

– Такая была возможность! Ну не хотела про себя узнать, о подругах бы побеспокоилась.

– Да ей это и в голову не пришло! Она и не вспомнила про нас!

– Сами вы, девочки, дуры, – вздохнула успокоено Зоя. –

Вы что ж, волшебником его считаете? Станет настоящий экстрасенс на потеху публике шаманить! Ну, даже если есть у него определенные способности, так там цирка больше.

– Не аргумент! Вон в телевизоре настоящие экстрасенсы на потеху публике шаманят!

– Допустим, но как вы себе это представляете? Вас и близко нет, даже фотографий ваших нет...

– А вот это надо обдумать! – вставила Люся. – Это наша недоработка! Надо обмениваться фотографиями!

– И носить в кошельках!

– ...а я ему: «а вот вы мне про моих подруг расскажите! Они тут недалеко, в паре-тройке сотен километров, – продолжила Зоя, – Но я вам их сейчас опишу»!

– Не смешно.

– Конечно, даже не смешно! И потом, меня там очередь и так чуть не побила!

– Ну ладно. А все же, как ты думаешь, что он имел в виду, когда говорил, что в Сарае сегодня будет особенно интересно?

– Вот привязались! Да откуда же мне знать! Может, какие-то новые находки у археологов появились и экскурсовод бы рассказал нам о них... А может, новую экспозицию открыли...

– Да какое ему дело до экспозиций и находок! Его работа – в собственной юрте.

– Ну, тогда совсем не знаю.

– Неужели предвидел нападение на Вольдемара?

– И это – первое, что приходит в голову!

– Не думаю. Если предвидел, почему ничего не предпринял? Не предупредил...

– «Предотвратил и обезвредил»? Ну, ты даешь! Это же рок, судьба! Что он может, будь он хоть трижды настоящим!

– Да ну вас, с вашей судьбой, и с экстрасенсами, и с шаманами!

– Нет, придется-таки ехать самим в это Пороховое. Я же спать теперь не смогу, пока своими глазами его не увижу, да, Люся? Может, скажет про меня что-нибудь...

– Конечно, Мила!

– Однако как вы тут спелись без меня!

– Зайка, а ты мне монетку, что в Сарае нашла, подаришь? – ласково спросила Люся. – У тебя же целая шкатулка.

– Да ради Бога, а зачем тебе?

– На память. Себе же ты купила зачем-то!

– Это ты мне опять намекаешь, что я о подругах не подумала?! – взбеленилась, наконец, Зоя. – Я их для музея купила, понятно? Во-первых! Не знаю, правда, как их привязать к музею купеческого быта... Ну, Никита с Лизой что-нибудь придумают. Может, проследят родословную Тихановича и найдут у него ордынские корни!

– А во-вторых?..

– А во-вторых, они не так уж дешево стоят, народ на этом неплохо зарабатывает. Они там даже что-то вроде ма-

стер-класса для детей устроили. В одной юрте приспособление у них, станочек такой для печатания денег, болванки медные, и из сплавов каких-то. Выбираешь монетку-образец, какая понравилась, и можешь сам отчеканить. Детям – радость, бизнесменам – прибыль.

– Ты видела?

– Нет, туда мы не попали. Не успели. Люди в автобусе рассказывали.

– Молодцы, однако, пороховчане!

– Молодцы.

– Вот, туристическая инфраструктура развивается и на пустынных степных просторах родного края!

– Примерно так!

– Ну, пошлепали в музей. Напишу заявление.

– Ты что! Когда это еще сигнализацию проведут!

– А пусть Никитка дежурит вместо меня! Что им, деньги лишние?

– Так они ж еще не переехали!

– Так и мы ж не завтра в Сарай собираемся. Люся, когда и ты уже своей работе «прощай» скажешь?

– «Мы вольные птицы, пора, брат, пора!» – не удержалась, процитировала Зоя Васильевна.

Но так случилось, что в Сарай им пришлось ехать уже на следующий день.

Никита Михайлович в кабинете был не один. За письменным столом напротив него сидел мужичок весьма колоритной внешности – коренастый крепыш, бритоголовый, прокаленный солнцем до коричневого цвета, отчего серые глаза его казались ярко-голубыми. Он с любопытством взирал на трех дам, гуськом втянувшихся в кабинет сразу же после того, как постучали, не дожидаясь начальственного «да!» или любезного «войдите!».

А когда Никита представил их друг другу, улыбка, если не сказать ухмылка, озарила закопченное лицо. Небось, Никитка уже успел понарасказывать баек гостю про своих трех помощниц.

Дмитрий Евгеньевич Шпигалев, руководитель археологической группы в Пороховом городище, старый знакомец Никиты, вот кто это был. Когда-то именно он приохотил школьника Мирюгина к археологии, именно под его руководством работал Никита в своей первой экспедиции.

Никита весь светился от радости, гость тоже. И все же женщины уловили некоторую напряженность, витавшую в кабинете.

– Вы что-то хотели? – спросил директор, не предлагая сесть. Он мягко намекал дамам на их не совсем своевременный визит.

Зоя Васильевна углядела на столе, на разостланном куске белой ткани, глиняную шкатулку, очень-очень похожую на

ту, что она привезла из Сарая.

– Да вот... В дар музею... Презент из моего путешествия. Финансовый отчет, так сказать, – говорила она, протягивая директору привезенную шкатулку.

И тут Шпигалев, опередив Никиту, буквально выхватил Зоин презент у нее из рук.

– Новодел, – сказал, внимательно осмотрев шкатулку, и поставил ее рядом с Никитиной. Они были как близнецы – Но как похожи! – обратился он к Никите. – Как будто из раскопа. Ты смотри, как насобачились делать. И у кого учатся, умельцы?

– У интернета. Или из энциклопедий срисовывают.

И оба как-то враз погрустнели.

– Вы откройте! Там внутри монеты, – подсказала Зоя Васильевна.

– Да-а-а, мастера-золотые руки, даже состарить могут, прямо настоящие, – сказал Шпигалев, рассматривая монеты.

– А у меня вот еще... – сказала Люся. – Зоя подарила.

Зачем, спрашивается, выпрашивала, если сразу и отдает? Или от Зои не захотела отставать, раз пошла такая пьянка? Шпигалев протянул руку, взял у Люси монету с той же широкой ухмылкой, и вдруг ухмылка сбежала у него с лица.

– Где вы это взяли?! – не спросил, рявкнул.

– Зоя дала. Она в Сарае нашла, – пролепетала испуганно Люся.

Шпигалев повернулся к озадаченному Никите.

– Странно... – сказал растерянно.

...Когда дамы выкатились из кабинета, Шпигалев торжественно спросил:

– Никита, ты мне доверяешь? Я хочу сказать, ты мневеришь как человеку?

– Дмитрий Евгеньевич, что за идиотский вопрос? Извини! Риторический, я хотел сказать. И что ты ведешь себя как на торжественной пионерской линейке?

– Ты многим рассказал про шкатулку?

– Ну, мои все в курсе, конечно, работники. Мужики-копальщики...

– Начальству?

– Естественно, позвонил. Хотели сразу же приехать, да я уговорил до завтра отложить. Завтра сам пообещал привезти. Шкатулку открыли уже после обеда, ближе к вечеру. И я что-то засомневался. Траншею-то неглубокую вырыли, какие там культурные слои!.. А теперь в еще большем сомнении... Но монеты-то – настоящие!

– Монеты настоящие. Пулы, дирхемы... – Шпигалев еще раз поочередно пересмотрел монеты, бережно и любовно опуская каждую на разостланную на столе белую ткань. – Видишь, арабская вязь? А на этом – монгольское письмо. Золотых в твоей шкатулке нет. А найденная твоей Зоей, как видишь, золотой дирхем. Скорее всего, индийский. Орда золотых не чеканила, а с Индией торговала активно. Вот так про-

сто на земле валялся. А мы, как кроты, годами землю роём!

Он наклонился и произнес почти шепотом:

– Никита, у меня огромная просьба. Ты должен дать мне эту шкатулку. Завтра утром верну, клянусь. Может, даже сегодня вечером. Мне нужно... проконсультироваться... с одним человеком.

– Успеешь?.. Как я объясню, если...

– Да никому ничего объяснять не придется! Верну! Вопрос жизни и смерти!

– Прямо уж так – жизни и смерти? – спросил, колеблясь, директор.

– Ну... почти! Я сейчас ничего не могу тебе объяснить, но я не зря у тебя спросил, веришь ли ты мне.

– Ну, хорошо... – Никита не мог отказать наставнику и другу, отдавая себе отчет, насколько серьезно то, что сейчас происходит, и свою ответственность.

Шпигалев умчался вихрем. Вошла Лиза.

– Никита, там репортер из «Дня сегодняшнего». Хочет взять интервью.

– О чем?

– О кладе.

– О Господи! Да откуда?..

– Это же Стас Петров!

Неприятности не заставили себя ждать. Стас Петров – это была местная знаменитость: репортер от Бога, проныра и прохвост, он нюхом чуял жареное, везде у него все было

схвачено. Как говорится, держал руку на пульсе. На пульсе всего бывшего и насущного родного Артюховска.

Откуда узнал?! Никита затосковал: кажется, влип.

Желание сердца – голове морока

Людмила Ивановна с кряхтением выползла из палатки, дотянувшись до стоявшего у стенки стула, придвинула его и, упершись крепко руками, начала распрямляться. Она распрямлялась медленно, как обезьяна в процессе эволюции.

Достигнув позы, в которой японцы кланяются особо уважаемым людям, – поясного поклона – она передохнула. Потом осторожненько дистанцировалась от стула и оттолкнула его, отделившись, как ракета-носитель от выведенного на орбиту космического корабля. Дальше процесс разгибания пошел быстрее.

Распрямившись окончательно, она сунула ноги в стоявшие рядом с палаткой шлепанцы и, мурлыча «что день грядущий нам готовит?», пошлепала в ванную.

Пятиэтажка, где обитала Людмила Ивановна, перевалила полувековой рубеж. Может, по причине преклонного возраста, может, из-за близости к поверхности почвы подземных речушек-ериков, коими изобиловал их край, но в подвале их дома уже несколько лет вода не высыхала даже летом. Населяющие подвал комары летом предпочитали жить на воле, зимой же возвращались под родной кров.

Крупные, откормленные, веселые и злые, они, как все мутанты, были непобедимы, и казалось, умели проникать сквозь стены и с легкостью вспархивали на пятый этаж. А

Людмила Ивановна жила на третьем. Разрекламированные реппеленты и электроотпугиватели были бессильны справиться с их количеством.

Жильцы пятиэтажки, которым национальная черта – российский смекалка – тоже не была чужда, стали думать и гадать. Кое-кто полез на антресоли и в складированные на лоджиях чемоданы и выудил марлевые пологи, хранящиеся по принципу «авось когда-нибудь пригодятся!». В них когда-то бабушки и деды коротали летние ночи во дворах, спасаясь от жары и еще не столь оборзевших в те времена комаров.

Транжирам, избавляющимся от старья, к которым относилась и Людмила Ивановна, пришлось пожалеть о своей недалёковидности. Транжиры вынуждены были приобретать палатки. Кто – двухместные, со всякими наворотами и прибамбасами, то бишь повышенной комфортности и, соответственно, запредельной ценой. Люд попроще – и Людмила Ивановна тоже – подешевле.

Первое время палатка, как предмет насущной, еженощной необходимости, располагалась в центре комнаты. Мила раскладывала ее по вечерам, а утром, как рачительная хозяйка, убирала. Согласитесь, занятие нудное и для немолодой женщины проблематичное. Это же не постель с дивана собрать и в шкаф затолкать.

Поразмыслив, она сделала небольшую перестановку: позвала на помощь соседа Толика, и тот сдвинул ее шкафы. В освободившийся угол Людмила Ивановна втиснула палат-

ку, и та стала даже не предметом мебели, а стационарной спальней. Теперь ее восемнадцатиметровая однушка в момент стала двушкой безо всяких незаконных перепланировок. И еще один плюс появился: отпала необходимость убирать постель. Вылез из палатки, задернул замок – и все! Гости могут приходить неожиданно.

– Что ты ее закупориваешь?! – отчитывала подругу Люся. – Спальню надо проветривать в первую очередь.

– Открытая в спальню дверь и святого введет в соблазн, – отмахивалась Мила.

Но как во всем плохом надо находить что-то хорошее, так и наоборот! На диване, проснувшись, свесишь ноги, наденешь тапки – и поднимайся. Организм легче собрать. В крайнем случае, обопрешься о диван. А в палатке?! Как встать с пола, чтоб у тебя нигде не защемило, не вступило, не заклинило? По утрам приходилось собирать организм в кучку пошагово, поэтапно.

После водных процедур и завтрака Людмила Ивановна ненадолго задумалась: как распланировать день. Принцип «не надо откладывать на завтра то, что можно сделать послезавтра» ей очень импонировал, но другая мудрость настоятельно рекомендовала: куй железо, пока горячо. Надо было ковать и идти в музей, подавать заявление на увольнение. А то, остыв, она уже начинала сомневаться в разумности своего вчерашнего выступления перед подругами.

Ну правда, можно ведь и поработать еще, до установки

сигнализации. Не так уж много осталось. Куда этот Сарай денется? Лето еще впереди. И чего выпендрилась? Эмоции захлестнули. А если сейчас отложить с заявлением – так, гляди, и совсем передумаешь! Перед девочками неудобно.

Итак, в музей!

Вчера все так скомкано получилось. И у Зайки не вышло торжественно свой презент преподнести, и она сама с заявлением не сунулась из-за Никиткиного гостя. Все карты им спутал этот Шпигалев.

Они, чувствуя несвоевременность своего прихода, поспешили ретироваться, бурно обсуждая, кто таков, откуда взялся и что бы это означало – «из раскопа». Клад-то – их собственный, в музейной земле открытый.

Допустим, кто такой и откуда взялся, Зайка им подробно объяснила. Почему взялся – Никита Михайлович сказал: старый друг и наставник приезжал по работе в археологическую группу, которая вела раскопки и на территории местного кремля – крепости, по-местному. И только по поводу последнего, самого интересного пункта, информации не было, поэтому у подруг родилось множество версий.

Они так увлеклись их обсуждением, что, распахнув калитку, снесли мужика. Это был не первый подобный случай, Никита все планировал переделать калитку, чтоб открывалась во двор, а не на улицу, да как-то очередь не доходила. Пока жалобу кто-нибудь из пострадавших не накает.

Мужик был здоровый, довольно молодой, поднялся с зем-

ли и приласкал женщин ядреным матом. Они, чувствуя за собой вину, в первый момент хотели броситься на помощь, но застыли, ошарашенные сочной тирадой. Люся потом, позже, говорила с некоторой даже долей уважения:

– Наверно, в доке грузчиком работал. А может, вообще, боцманом плавал. Я такого еще не слышала!

Мила взорвалась и – мужику:

– А нечего под калиткой торчать! Вы что, не слышали, что к калитке люди подходят, значит, собираются ее открыть!

– Пока что я людей тут не вижу, – огрызнулся пострадавший. – Только трех старых кобыл! – и похромал прочь.

Вот где логика? Если пришел в музей, то почему уходит прочь? Не убили же его, в конце концов! Мимо шел или, может, высматривал чего? Что тут можно высматривать? Заходи в музей – и смотри, сколько влезет.

А хромать, кстати, перестал довольно скоро. Не так уж сильно и зацепили его.

– Хам! – пискнула вослед с опозданием Зоя, просто чтобы оставить за собой последнее слово.

– Какая странная походка, – задумчиво проговорила Мила, глядя ему вслед.

– Как будто два мешка подмышками несет, – добавила Люся.

– Я совсем недавно где-то уже такую странную походку видела, – попыталась вспомнить Зоя. Впрочем, безрезультатно.

* * *

– Я с вами не пойду, – категорически заявила Зайка. – Уже как-то даже и неудобно: в отпуске я или нет?! Чего шляться туда-сюда! Идите без меня. У меня дел полно, вчера день убила с этой экскурсией...

– А как насчет – поддержать морально подругу? – озлилась Мила.

– Люся поддержит! Мысленно я с вами!

– Ну, я это тебе когда-нибудь припомню! – пригрозила Мила. – Еще попросишь ты меня куда-нибудь с тобой сходить!

Проводив подруг, Зоя Васильевна с чашечкой чая присела к телевизору – местные новости послушать. И – опа! – не зря.

Стас Петров, который нередко раздражал ее настырностью и беспардонностью во время своих интервью, но, надо отдать ему должное, из чьих уст артюховцы узнавали самые свежие новости, порой весьма неприятные и неудобные для городского руководства, вещал. И с экрана на Зою Васильевну смотрел вчерашний Никитин гость – Дмитрий Евгеньевич Шпигалев!

Вчера в крепости, в самом отдаленном ее углу, где велись раскопки, в месте безлюдном, огороженном веревками с красными флажками и изрытом траншеями, на знаменитого археолога было совершено нападение.

Произошло это в обеденную пору, когда все на территории вымирает. Будний день, гуляющих в этом пустынном месте и в другое-то время почти не бывает. А тут еще и сами археологи, ведущие раскопки, отлучились ненадолго, купить чего-нибудь поесть-попить.

Потерпевший утверждает, что никого не видел, ударили его сзади. Возвратившиеся коллеги, к которым Шпигалев приехал решить некоторые производственные вопросы, нашли его лежащим в одной из траншей без сознания. Полиция предполагает нападение с целью грабежа – украдены кошелек и телефон. Потерпевший находится в больнице, состояние его медики определяют как среднетяжелое, но жизни его ничего не угрожает.

На этом Стас Петров, первым в городе изложив свеженький факт, традиционно перешел к обобщениям-обличениям, общему состоянию преступности в городе и вопросам правопорядка.

Ошеломленная Зоя Васильевна даже чай допить не успела, как во двор ворвались ее дорогие подруги, как будто их на вертолёте доставили.

– Собирайся! – рывкнула Мила с порога, – Такси ждет! Говорила же, чтоб с нами шла! Не пришлось бы ехать за тобой! Деньги тратить!

Увидела включенный на местном канале телевизор, протянула разочарованно:

– А-а-а, ты уже знаешь! А говорила – дел полно!

– Какое такси?! – пискнула Зоя.

– Желтое, с шашечками! – озлилась Милка. – Не задавай глупых вопросов!

– Мы тебе по дороге все расскажем, – пообещала Люся.

...Мила опять не успела написать заявление – прямо не судьба! Никита Михайлович собирался в управу, срочно вызвали. Какое-то внеочередное совещание по вопросам развития культуры. Собирая бумажки в папку, он тоже слушал местные новости.

– Прямо застыл, как соляной столб, когда про Шпигалева услышал!

– И давай сразу Лизе звонить, чтоб немедленно в больницу ехала. А та ему – ты что, забыл, к Костику врача вызвали, как я поеду!

– Так он нам деньги сунул – говорит, умоляю, дамы, поезжайте, проведите моего друга, я очень беспокоюсь!

– И непременно передайте ему привет от меня! И скорейшего выздоровления! Непременно!

– Ну так само собой! Зачем же мы еще едем?

– А если к нему не пустят?

«Умоляю, костями лягте, но пробейтесь! Людмила Ивановна, вся надежда на вас!» – рассказывала Зое весьма польщенная Мила уже в такси.

– А если... – сказала она тогда Никите.

– Никаких «если»! Это вопрос жизни и смерти!

– Чьей?

– Боюсь, что теперь уже моей, – вздохнул Никита.

– Вы не преувеличиваете? – испугалась Люся.

– Ну... почти. И звоните! Сразу же, как повидаете его. А лучше – дайте ему телефон, я сам с ним говорить буду!

– Прямо-таки весьма и весьма загадочно! Что уж он так беспокоился? Сказали же, что жизни ничего не угрожает!

– Неладно что-то в нашем королевстве, – вздохнула Зоя Васильевна.

– «Король Лир»? – попробовала угадать Мила.

– «Гамлет». Но там – в Датском.

– Да, и еще, чуть не забыли! – вклинилась Люся. – У калитки музея опять чуть не столкнулись со вчерашним мужем.

– Каким?

– Ну, боцманом! Что мешки подмышками таскает!

– Господи! Чего он там отирается?

– Вынюхивает что-то, гад!

– Может, это он – Шпигалева?! Не зря же трется!

– Нет, девочки, – сказала Зоя Васильевна, немного поразмыслив. – Если бы Шпигалева – он, чего бы он возле музея терся? Он же тогда должен искать его или в морге, или в больнице.

– А если он его найдет в больнице?! – заорала Мила. – А если уже нашел?! Да прибавьте же вы газу, что вы ползете,

как беременная черепаха!

– Вообще-то, черепахи откладывают яйца, – не преминул поправить водитель. Он с заметной опаской слушал разговор своих пассажиров.

– Значит, как черепаха, беременная яйцами!

– Ты не нас слушай, а следи за дорогой, сынок! – вклинилась Люся, обидевшись за подругу. – А то ненароком переедешь беременную черепаху.

Грамотный нашелся.

Медсестричка, прелестная, как розовый бутон, – в розовых брючках и курточке, с бейджиком «Кристина» на кармашке куртки, раздраженно дернула плечиком:

– Прямо жор на вашего Шпигалева! «Ищут пожарные, ищет милиция...»

– А при чем тут пожарные?! – Мила сегодня не попадала в струю.

– Ну не пожарные, газетчики! Родственник тут какой-то нарисовался, прямо за горло брал – пустите его! А Шпигалев ваш никого видеть не хочет! НИКОГО, сказал!

– Нас захочет! Вы скажите ему, что мы от Никиты Владимировича!

– Щаз-з-з! – скривилась куколка, – Митькой звали вашего Шпигалева!

– Так его Митькой на самом деле зовут!

– Тьфу, да я не об этом. Сбежал ваш Митька! Даже следователя не дождался!

– Как сбежал? В состоянии средней тяжести?!

– Ага! – злорадно подтвердила Кристина.

Подруги уставились друг на друга.

– И что ж теперь делать?

– Звонить Никите, – пожала плечом Зоя Васильевна.

Никита долго не отвечал, потом перезвонил сам.

– Я не мог говорить, – объяснил. – Ну, что там у вас? Как сбежал? – у него даже голос сорвался. – Куда? – и сам понял, что сморозил глупость.

– Вот что... Дорогие мои дамы. Раз уж я вас в это дело впутал, помогайте мне и дальше. Я потом вам все объясню. Я сейчас продиктую домашний адрес Дмитрия Евгеньевича, берите такси и поезжайте к нему домой. Скажите ему только это – что я передаю ему огромный привет. Потом перезвоните!

Дома Дмитрия Евгеньевича тоже не было.

– Покидал кое-какие вещички в рюкзак и рванул, как будто за ним черти гонятся, – сказала не на шутку обеспокоенная жена. – Ничего не объяснил, обедать не стал, голова забинтована, морщится от боли, таблетки все глотал. Я его никогда таким не видела. Что случилось, вы не знаете?! Что Никита сказал?

– Да что вы, ничего страшного не случилось, Никита Михайлович просто беспокоится о его здоровье. Они же только вчера встречались, и вот на тебе!.. А Дмитрий Евгеньевич ничего вам не рассказывал про случившееся?

– Говорю же, ничего! Сказал только, чтоб не волновалась, что скоро увидимся, что перезвонит, прыгнул в машину и – привет!

– А куда поехал, не сказал?

– Нет, но, судя по походному комплекту, назад в экспедицию.

– У него машина серенькая такая? – спросила Люся, вспомнив, что вчера возле музея стояла серая машина, когда они приходили.

– Ну да, мокрый асфальт.

– Иномарка?..

– Ну да, «Тойота».

– Такой... джип?

– Ага. Внедорожник. Скажите ему, чтоб позвонил обязательно! – крикнула вслед. – Или сами мне позвоните, пожалуйста!

При этом она как-то выпустила из виду, что своего номера не сообщила.

– Тебе зачем это? – спросила Мила чуть позже, когда дамы, простившись с женой Шпигалева, ехали в такси. – Знаеток иномарок.

– Не знаю. Так, на всякий случай спросила.

– Ты бы уж тогда и номера спросила.

– Не догадалась. Сама бы и спросила!

– Так мне не надо.

– Ну и молчи тогда!

– «Серенькая такая»... джип, одним словом!

– Тебе на том свете черти индивидуальное наказание назначат: языком сковородку лизать!

– Я вот стопроцентно уверена: соседнюю сковородку будешь лизать ты.

– Господи, – взмолилась Зоя, – и когда ж вас мир возьмет! Еще вчера так дружили!

– Да что ж ты так переживаешь! Мы же любя. Перчику добавляем в отношения.

– Да горечь несусветная получается!

– Ну, это как на чей вкус! Ты же у нас вообще острого ничего не любишь.

...Эта перепалка была потом. А пока – таксист терпеливо их ожидал. На подходе дамы увидели, как от окна водителя отлепился толстый мужик и торопливо пошагал прочь.

– Небось, перебить нам поездку хотел? – обратилась Люся к таксисту. – Двойную плату предлагал?

– Не-е, – меланхолично отвечал водила. – Спрашивал, кого привез. Не мужика ли с забинтованной головой. Я сказал – трех баб.

Головы трех баб синхронно повернулись в сторону улепечивающего мужика, но тот уже скрылся за поворотом.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – задумчиво промолвила Мила. – Но откуда-то же он знает про мужика с забинтованной головой!

С дороги позвонили Никите: доложили обстановку. Сказали, что едут в Пороховое, водитель такси попался хороший, не отказался везти, ждал их все время.

– И такой молодец! Так быстро едет! Мы скоро уже будем на месте!

Произнося эту хвалебную тираду, Мила подмигивала, гримасничала и взглядом показывала подругам в сторону водилы: вот, дескать, какой я дипломат и льстец!

И сглазила, как выяснилось впоследствии. Но пока она уселась на переднее сиденье, но тут же развернулась к подругам – а как иначе разговаривать!

Никита похвалил за инициативу и обещал возместить транспортные расходы. Голос у него был замогильный, тон – похоронный.

– Крепко нашего Никитку прижало!

– Не иначе, втянул его во что-то его друг разлюбезный!
А он – нас.

– Не нравится мне это все! И эта погоня тоже...

– Да уж... Чем только это все кончится?

Интересовалась-то Люся у шпигалеvской жены его автомобилем и не зря, как выяснилось. Где копают археологи, подруги не знали. Единственный ориентир, бывший в их распоряжении: стоянка археологов находится где-то поблизости от Сарая-Бату. А посему рванули к ордынскому городу, рассудив, что там люди подскажут.

И уже на подъезде, с дороги увидели шпигалевский автомобиль: он стоял у одной из юрт.

– Это юрта шамана, – в недоумении произнесла Зоя Васильевна. – Что ему тут-то понадобилось?

– Чем дальше, тем страшнее, – резюмировала Людмила Петровна.

– Совета у шамана спросить хочет, – добавила Людмила Ивановна.

Зоя Васильевна обратилась к водителю:

– Вы нас подождите еще, мы быстро.

Водила из реплик и намеков, услышанных за дорогу, сделал для себя какие-то выводы, для дам нелестные, и заявил:

– Расплачивайтесь, и я уезжаю! Ждать не буду! Мой рабочий день закончился!

– Да как же так! Вы же нас не бросите? Мы только спросим, – залопотали подружки хором, но таксист был непоколебим. Он чего-то опасался.

Люся показала пальцем в спину водилы, а Миле – на ее рот, и помахала выразительно пятерней, что означало: бла-бла-бла, мол, хреновый ты дипломат и льстец. Милу перекосило.

– Самим надо было меньше языками молотить! А то – «каляк-маляк...»! Конспираторы!

Она протянула водиле деньги:

– По тарифу!

– Как это по тарифу?! Вы обещали в двойном размере!

– О двойном размере никто не говорил. Мы обещали не обидеть.

– Ну?

– Баранки гну! Не обидеть – это за добросовестную работу, когда назад доставишь. А ты, сынок, хочешь нас, старых беспомощных женщин одних в пустыне бросить! Все равно ведь пустым назад поедешь!

– Не ваше дело! Подберу кого-нибудь! Мамаши мне нашлись, «старые беспомощные»! Может, вы шахидки? Приехали тут взорвать кого-нибудь! Или зарезать... А меня потом феэсбешники таскать будут как соучастника! Мне проблем не надо!

– Да ты часом не оборзел, сынок? Я тебе сейчас дам шахидок! – Мила, вцепившись в дверцу одной рукой, замахнулась на таксиста сумочкой.

– Старые клячи! – с чувством вымолвил шоферюга, выдирая из цепких Милиных ручек дверцу, – Связался я с вами на свою голову! – и газанул, подняв облачко рыжей степной пыли.

Пыль медленно рассеялась.

– Обалдеть! – сказала интеллигентная Зоя Васильевна неинтеллигентно. – Как с цепи сорвался. Козёл!

– Я бы сформулировала по-другому, – добавила меланхолично Людмила Петровна.

– Девочки, что это в последнее время на нас то матом ругаются, то обвиняют, не пойми в чем? – недоумевала Люд-

мила Ивановна. Это мы-то – шахидки?!

Пока длился весь этот базар, машина Шпигалева исчезла, а юрта шамана оказалась закрытой. И на обычной деревянной двери, ее закрывавшей, висел обычный замок.

А день уже клонился к вечеру. Туристы поразъехались, и место сразу стало пустынным. Обычная мрачная степь.

Правда, городские ворота еще были открыты, и откуда-то доносились тихие голоса: жизнь в музее под открытым небом не полностью замерла. Может, это охрана обходила город перед тем, как запереть ворота, может, уборщики ликвидировали последствия туристического нашествия. Но чувство сиротства дам оставило.

– Вы хотели приключений? – спросила Зоя. – В Сарай-Бату попасть, шамана увидеть? Вот вам и приключения!

– Но мы вовсе не планировали, чтобы они начались так скоро, – возразила Люся.

– И не таким образом, – добавила Мила. – Что теперь будем делать?

– А что тут можно делать? Идем в Пороховое своим ходом. Тут всего-то километра два-три будет. Ну, может, четыре-пять...

– Надеюсь, ты не станешь считать до десяти?! – перепугалась Мила.

– Сейчас обогнем Сарай с торцевой стены, а за ней – грунтовая дорога. Вдоль ерика, вверх по течению. Места красивые, заодно и полюбуемся. За час, надеюсь, доберемся. Если

постараемся.

– А в Пороховом?

– А в Пороховом, если Вася, родственник мой, не на Каспии с рыболовецкой бригадой... Попросим его, чтоб отвез нас домой на своей «девятке». Если она на ходу.

– И если он согласится!

– А если не согласится? И если не на ходу? Если он на Каспии?

– Переночуем, – вздохнула Зоя. – В летней-зимней кухне. А утром уедем с первым автобусом.

– Там же Анжела ночует!

– Да она уж, наверно, в городе, если Вольдемара перевезли.

– А если не перевезли?

– Мила, ты прямо почемучка! А если не перевезли, и если не уехала, познакомьтесь с владелицей салона красоты. Ты разве не хочешь познакомиться с владелицей салона красоты?

– Вообще-то, конечно! Но с этой поганкой!..

– Ну, это по моему субъективному мнению. Может, вам она и не покажется поганкой!

– Мы твоему субъективному мнению полностью доверяем!

– Как же это мы будем ночевать в Пороховом, – обеспокоилась Люся, если у нас дома наши некормленные животные! Ну, Никита, подсудобил!

Мила, известный любитель всякой живности и вообще друг природы сказала, как отрезала:

– Не сдохнут за одну ночь ваши животные! Твоей Ксюне уже давно пора эту твою легендарную мышку поймать! Пусть добудет себе ужин. Она у тебя – лодырюга несусветная!

– Она просто немолода! – заступилась Люся.

Аппетит приходит с первым куском, а ссора – с первым словом

Дамы преодолели уже почти полпути вдоль городской стены.

Это была высокая ровная стена, обложенная кирпичом и обмазанная глиной. Примерно посередине она почему-то изгибалась уступом. Может, огибала какое-то строение киношного города. Из-за выступа раздавались приглушенные мужские голоса. Как их не приглушали, понятно было, что там крупная разборка и даже, возможно, драка.

Подруги, было, притормозили, но не будешь же стоять вечно и вроде как подслушивать!.. Да и идти по тропинке надо в ту сторону, чтобы выйти к дороге, добираться до этого чертового Порохового. И потом, они-то – вон в каком количестве! Может, спорящих меньше?

Человек всегда склонен надеяться на лучшее. Однако Люся, оглядевшись, обнаружила в зарослях рыжих степных колючек довольно внушительную кривую палку – будто нарочно кто оставил! – и подобрала ее, на всякий пожарный. Зоя перехватила поудобнее сумку – она у нее была практичная, можно было и буханку хлеба положить при необходимости, и пакет кефира затолкать, и еще для пачки пельменей места оставалось достаточно. Сейчас в ее глубинах укрывалась непочатая полторашка уже степлившейся минералки.

– А я?.. А мне?... – беспомощно прошипела Мила, тщетно обозревая окрестности.

Она, будучи дамой крупной, почему-то не любила больших сумок, покупала только маленькие, изящные и легкомысленные. Именно такая и висела у нее на плече.

– А ты будешь устрашать своими габаритами! – поразмыслив, нашла ей применение Люся.

– Ты думаешь?... – Мила пребывала в некотором сомнении.

Обладая весомыми достоинствами, она все же была далеко не гренадером. Но делать было нечего. Они обогнули выступ.

Два мужика буквально вдавили в стену третьего.

Один был здоровяк, в синих спортивных штанах с лампасами и ковбойке навыпуск, туго обтягивающую его мощную спину и побуревшую от пота. Рукава ковбойки были оторваны – наверно, для вентиляции. Голову венчала бейсболка козырьком назад, задорно торчавшая на макушке и державшаяся каким-то чудом.

Другой – поменьше ростом, едва до плеча соратнику. Глядя на него со спины, можно было сказать только одно: мужик и диета были двумя вещами, абсолютно несовместными. Одет он был в такие же синие спортивные штаны и ковбойку точно такой же расцветки. Прямо двое из ларца. Правда, рукава были на месте, и еще имелось отличие: на голове вместо бейсболки красовалась соломенная шляпа-сомбреро с огромными полями.

Третьего за спинами нападавших не было видно.

– Добрый вечер, мальчики! – гаркнула Мила, осваивая роль. – Что за шум, а драки нет?

Мальчики слегка подпрыгнули и развернулись – к стене и своей жертве задом, а к дамам передом, чтобы увидеть, кто их приветствует. Дамы были в шлепанцах и потому ступали неслышно.

Далеко не старые морды мальчиков были красные и распаренные, не то от жары, не то от переполнявшего их раздражения. В просвет, образовавшийся между корпусами мальчиков, стал виден третий, то есть жертва нападения. Он сто-

ял абсолютно спокойно, не тряся и не мандражировал, не кричал «помогите!», что было бы для жертвы гораздо более естественно. Как будто это не его минуту назад тискали и му- тузили. Но вид, конечно, имел встрепанный, еще бы – двое на одного!

Комплекцией он им уступал однозначно, но компенсировал силой духа. Получив передышку, он заправлял майку в джинсы, приводя себя в порядок. Чистил перышки, пока злодеи ушли на перекур.

Не славянин, азиат: казах или татарин. Немолод – где-то в их же возрастной категории. Невысокий – может быть, чуть выше среднего роста, худощавый.

Мальчики, узрев, кто их отвлек, взревели. Тот, который богатырской стати, произнес прочувствованную речь, из которой дамы поняли, что их считают здесь лишними, и еще – что их узнали. Да и мужик сразу же перестал быть для них инкогнито.

– Шалавы приставучие! – это были самые приличные слова из всего им сказанного. – Везде ползаете, как тараканы!

– Боцман! – тихонько ахнула Люся, и была в этом клике, помимо испуга и злости, гордость узнавания.

Хотя, по большому счету, радоваться нечему было. Второй из ларца – с бабьим животом, туго натянувшим ковбойку, с круглым, каким-то рыхлым лицом, рыжеватыми пижонскими усиками под носом-картошкой, тоже выказал свое негативное отношение к неожиданному появлению подруг

краткой речью, которая свелась к нескольким словам. То есть, припечатал.

Видимо, он исповедовал принцип «краткость – сестра таланта». Но, чтобы достичь вершин ораторского мастерства своего напарника, ему еще предстояло учиться, учиться и учиться! Ну, разве что тот возьмет его с собой в длительное плавание.

В общем, они тут же сочли разговор оконченным и развернулись обратно, став опять к дамам задом, а к стене передом. Боцман поднес кулак к лицу успевшего привести себя в порядок аксакала и ласково сказал:

– Скажи спасибо этим драным кошкам! Но ты понял, да, рыбак хренов? Любитель камышового червя! Время пошло! – и он пошагал в ту сторону, куда и подругам, по идее, тоже надо было идти.

Второй сплюнул, не стал ничего добавлять и посеменил следом.

– Любопытная Варвара!... – ахнула теперь уже Мила, призвав в уходящем напарнике Боцмана того мужика, что тёрся днем возле их такси. «Я милого узнаю по походке», вот по этому принципу она его признала.

– Не знаю пока, за что, но я Боцмана уже ненавижу, – процедила злобно Мила.

– Как так не знаешь?! Путается у нас под ногами постоянно, да еще и лается! – растолковала Люся.

– Он сказал, что это мы у него путаемся, – напомнила

Зоя. – Но он, хоть и имеет много лишних килограммов, все же на мужика похож. А этот Варвара – отвратный тип!

– Много лишних килограммов – у Варвары, – не согласилась Мила. Боцмана рост спасает, не так заметно.

– Ненавижу разжиревших мужиков, – подытожила Люся. – Которые к тому же и матерятся, как сапожники.

– Как боцманы.

Тут их вкусы совпадали. Сзади раздалось деликатное покашливание, и они вспомнили о спасенном ими аксакале. Наверно, тот горел желанием поблагодарить своих спасительниц, поскольку уже успел почистить перышки.

– С вами все в порядке? – спросила Зоя благожелательно.

– Да... Спасибо, – через паузу ответил тот, как одолжение сделал.

– Может, в полицию позвонить? – и сама поняла, сколь бессмысленно ее предложение в данной ситуации.

– Нет, ну что вы! Не нужно, – а сам все посматривал с любопытством на Зою.

– Так мы пойдем?

– Да, конечно! – и добавил:

– Вы не бойтесь, они вас не тронут! – как сказал бы хозяин гостю, отгоняя брехучего пса.

– А вас?

– Не беспокойтесь, пожалуйста!

Он все переводил взгляд с одной на другую, сверлил темным пронзительным взглядом. Казалось, хочет что-то ска-

зать и сдерживается. Глаза, кстати, были не узкие с припухшими веками – большие, широко расставленные.

– И лицо такое... медальное! – позже, когда они шли вдоль реки, вспоминала Мила. – На медалях такие профили.

– Или как у индейцев в кино. У вождей. Помните, Гойко Митич, югославский актер?..

– И главное, он как будто совсем не был испуган, – добавляла Зоя с уважением.

– А чего ж ему бояться, если он наперед все знает, – отмахивалась Люся.

– А почему они его так обозвали, интересно? Любитель камышевого червя. Что это значит?

– Ну, может это такое ругательство. Вместо мата. Для разнообразия.

...А пока они все топтались, не решаясь уйти и оставить его одного. Вдруг эта парочка вздумает вернуться.

– Ну, всего доброго! – наконец решились дамы продолжать путь. Мила и Люся уже сделали пару шагов вперед, когда он надумал все же заговорить.

– Я говорил, что в Сарае будет интересно. Тебе понравилось, привезла подруг? – обратился он к замешкавшейся Зое.

Улыбка скользнула по тонким губам. И он опять перешел на «ты»! Куда девались манеры и благовоспитанный тон!

– Акылбай! – ахнула теперь уже Зоя. – Нет! То есть да, в Сарае мне понравилось, но вы же, наверно, знаете, что случилось в тот день!

Люся с Милой уже стояли рядом.

– А вы знали? Вы заранее знали, что на мужа Анжелы будет покушение?

– Ну, откуда же! Анжела, значит? Я – не волшебник, я только учусь, – пошутил. – Чувствовал темное. У вашей Анжелы душа... гм-м... темная. Вернее, в душе темно.

Тут он с наигранным удивлением оглядел окрестности:

– А что ж вы вечером приехали? Все закрыто!

– Мы ищем человека!

– Уже не только кошельки? – еще шутка.

– Мы ищем археолога Шпигалева, – не поддержала шутки Зоя Васильевна, пронизывая шамана взглядом.

– Археологи ко мне не заглядывают, – усмехнулся Акылбай. – У нас разный профиль. Они ищут прошлое, я живу настоящим. Иногда предсказываю будущее.

– Несколько минут назад он к вам заглядывал! – уличила Люся.

– А-а-а! Заходил человек. Спрашивал дорогу.

– Как проехать на раскопки? – с иронией спросила Мила.

– В том числе, отважная женщина, – с такой же иронией ответил шаман.

– Акылбай, простите... но вы же врёте! – замаявшись, вымолвила Зоя.

– Даже так? – насмешливо удивился ученик волшебника. – Допустим, серьезная женщина. Может, у меня есть на то причины? А зачем вы его ищете?

– Кое о чем спросить.

– И передать привет от друга.

– И жена его очень волнуется.

– И для этого вы, на ночь глядя, рванули в степь? Кстати, направляетесь-то вы куда? Есть где переночевать?

Озаботился!

– Есть, – кивнула Зоя. – В Пороховом.

– Так ведь темнеет! А у нас здесь гостиница имеется. Караван-сарай. Можно в ней остановиться.

– Спасибо, будем иметь в виду. Но мы уже решили идти в Пороховое. У нас там родственники. Вы так и не скажете, как найти Шпигалева?

– Ну, вы же не говорите, зачем он вам.

– Мы же сказали. А больше и не знаем!

– Аналогичный случай! Я тоже не знаю.

– Но вы же... типа, провидите будущее! Вы же должны видеть, что мы... неопасны... безвредны! – раздраженно выкрикнула Люся.

– Сердитая женщина! Во-первых, я вам ничего не должен. Во-вторых, я уже сказал вам, что не волшебник. А в-третьих... чаще всего именно безвредные из лучших побуждений доставляют самые большие неприятности, – тут уже послышался назидательный шаманский тон. – Не пришлось

бы многим потом лить слезы сожаления.

– Бросьте вы уже эти присказки!

– До Порохового не так уж далеко, дойдете засветло. Счастливого пути! – он повернулся и зашагал в ту сторону, откуда подруги пришли. Легкой, прямо-таки юношеской походкой. К юрте своей направился, скорее всего. Ни артрита, ни артроза там и в помине не было.

– Зря мы его спасали, – глядя ему вслед, сказала жестокая Люся. – Пусть бы Бодман с Варварой отмузузили его хорошенько.

– Люся, – ужаснулась Зоя, – ты черствеешь прямо как свежий хлеб на солнцепеке!

– Ну, – отбила пас Люся, – мать Тереза среди нас только одна, и это ты! Только ты удочеряешь ворон и дружишь с шаманами.

– Брек! – сказала Мила. – Девочки, я ведь тоже устала. Но идти-то надо! Если заночуем в караван-сараях, кто нас отвезет домой с утра пораньше?

Шаман, отойдя недалеко, повернулся и проводил взглядом уходящих женщин. Едва только три разведчицы-шпионки-шахидки скрылись из глаз шамана, он вытащил из кармана дешевеньких джинсов телефон и набрал номер.

* * *

До Порохового и впрямь добрались засветло. Вася не был

на Каспии, и «Жигуленок» его был на ходу. Не на ходу был сам Вася. Как только Надя отворила калитку, Зоя Васильевна по ее зареванному лицу поняла, что они явились не вовремя. Картина маслом на вечный сюжет: не ждали!

Дорогой они придумали легенду, почему явились неожиданно и без звонка – экскурсионный автобус обломался, его утащили на прицепе, и народ стал добираться домой кто как мог. А они – вот, решили, что Надя с Васей приютят Зою с подругами на одну ночь. Но Надя ни о чем спрашивать не стала, и даже удивления не выказала. Вообще, была какая-то то ли растерянная, то ли напуганная и топталась у калитки с вымученной неискренней улыбкой.

Через какое-то время, собрав мозги в кучку, она вспомнила про законы гостеприимства и отступила от калитки, поведя рукой:

– Проходите! Шарик, пошел вон!

Шарик не стал артачиться.

Вася спал прямо за обеденным кухонным столом, уткнувшись лицом в сложенные калачиком руки. Седой вихор задорно торчал на затылке. Спал тихо, благостно, но спиртовой духан стоял в кухне тот еще!

– Мы, наверно, не вовремя, – смутилась Зоя Васильевна. И тут Надю прорвало.

– Алкаш! Скотина! Мучитель! Изверг! – кричала она, заламывая руки над Васиным телом.

Это не Надя вопила – это рыдала ее душа. Вася даже не

пошевелился, не издал ни звука.

Ошеломленная Зоя лепетала:

– Я и не знала, что он так увлекается! Ты же никогда не жаловалась!

– Да он сильно и не увлекается, – сморкаясь в кухонное полотенце, сказала Надя. И кивнула под вешалку:

– Вон!

Женщины не совсем поняли, что под этим подразумевается, но любознательная Мила направилась к вешалке. На полу под вешалкой стояла бутылка не совсем обычной формы, вроде кувшина без ручек, литровая, наверное.

Мила, не обнаружив в радиусе полуметра от вешалки ничего другого и увязав надин кивок с васиным состоянием, взяла в руки бутылку и принялась ее внимательно изучать. После недолгого обследования она повернулась к хозяйке. Лицо Милы выражало крайнюю степень изумления.

– Где вы ее взяли?! Случаем, не в раскопе у археологов?

– Именно что в раскопе! Только не у археологов. У меня тут собственный археолог завелся, раскопал! – злобно выкрикнула Надя и пнула мужа.

Тот по-прежнему был недвижим и безгласен.

– Ой, да что ж мне, горемычной, с ним делать?! – вдруг заголосила Надя. – Подохнет, а мне отвечать! Алкаш, изверг, мучитель, – она явно заходила на второй круг в своих обличениях.

– Надя, ну что ты так уж убиваешься, – попробовала уре-

зонить родственницу Зоя Васильевна. – Ну, выпил мужик, ну, проспится, придет в себя...

– А если не придет?!

– Ну, как, то есть, не придет?! Он же не мышьяк выпил?!

– Да откуда ж я знаю, мышьяк или, может, похуже чего?!

Царская водка – это ж, говорят, не водка вовсе, а отрава!

Скотина, на кого ж ты меня оставить собрался!

– Да при чем же здесь царская водка?! Ну да, в химии так соединение кислот называется, жуткое, оно даже золото разъедает. Да где же Вася ее взял бы? Он что – полный дурак, пить такое, если б даже и нашел?

– А вот нашел! И выпил! Ни один нормальный не рискнул, а он выжрал! Такой порядочный... Так он после этого кто – полный дурак? Нет, он кретин, дебил!

Тем временем Мила возвратилась от вешалки, неся в руках необычную бутылку, и продемонстрировала ее подругам. На вылинявшей, бывшего зеленого цвета полуоборванной этикетке можно было разобрать несколько слов, и глаза-стая Люся, сроду не носившая очков, медленно прочитала:

– «Самарская губерния... казенное вино... крепость сорок процентов»... – и подняла изумленный взгляд:

– Да нет, этого не может быть!

– Да, выходит, может, Люсенька, – покачала головой Мила. – Ты на пробку посмотри! – и протянула на ладонке нечто вроде колпачка, фитюльку, сероватую от грязи. Когда-то она была белого цвета.

– Вроде сургуча, – пощупала Люся.

– Это и есть сургуч, девочки, – сказала Зоя, рассматривая полусломанную фитюльку. Белый сургуч. Помните, в дореволюционные времена бутылку водки белой головкой называли? Вот и орел двуглавый сверху выдавлен. Такую сейчас, наверно, только где-нибудь в музее увидеть можно.

– Вот как вам повезло, – трагическим голосом сказала Надя, напомнив о себе. – И в музей ходить не надо.

В бутылке плескалась прозрачная жидкость – почти полбутылки.

* * *

У бабы Серафимы умер сын. Этого давно следовало ожидать, и так долгонько протянул. Чего только он не влил в себя за свои неполных пятьдесят! Каких только растворов, содержащих хоть микроскопическую долю спирта, не побывало в его продубленном желудке! Половину этого многострадального желудка ему отрезали, но вторая половина исправно пахала и за себя, и, как говорится, за того парня.

Начало скакать давление. Боря применял проверенное средство: повышал рюмочкой. И понижал тоже. Жены давно не было в помине, дети выросли, разъехались и знать его не желали. Хоть к бабке и заходили-заезжали, об отце и слышать не хотели.

Первыми отказали ноги, и бабе Серафиме пришлось пе-

ретащить сынулю из его хибары к себе – куда ж денешься. Халупенку его продала, и как-то существовали. Ни о какой сыновей пенсии, разумеется, и речи не было – «молодой ишшо», да и не наработал.

Когда матери не было дома, Боря выползал к калитке на четвереньках и караулил прохожих. Если показывался подходящий, совал ему утащенное из дома новенькое ли полотенце, красивую ли тарелку, сберегаемую для парадных случаев, нераспечатанный ли пакет сахара или крупы. Все было товаром, за него посыльный приносил то чекушку самогона, то, иногда, и поллитру. Всё, что годами наживалось Серафимой и мужем Иваном, уплывало из дома с катастрофической скоростью.

Ване не довелось нести этот крест на самом трудном отрезке пути – в старости. Век его был не слишком долг, да у него в родне мало кто доживал до семидесяти, о чем Сима всегда говорила с пренебрежительным превосходством. А в Серафиминой родне, наоборот, преобладали долгожители.

Самой бабе Симе шел восемьдесят шестой год, но она не то, что сама себя содержала, она и огород в порядке содержала, и от коровы не хотела отказываться, хоть дочь и бухтела. Бухтеть бухтела, но, приезжая в выходные к матери в гости уже со своими внуками, сметанку и творожок лопала с удовольствием. А когда уезжали – набивали багажник и картошечкой, и всякой огородиной.

В общем, когда Боря представился, баба Сима перекрести-

лась с облегчением, хоть и грех. Конечно, поплакала, непутевых детей всегда жальче, а он был их последышем, но возблагодарила Господа, что дал ей покой на тот срок, что ей остался. И Боря отмучился, он ведь тоже сам себе не рад был уже.

Это в городе могилы роют экскаваторами, а в селе, в основном, по старинке. Баба Сима попросила мужиков с их улицы помочь, кто мог, не занят был. Вызвались трое, да еще прилепился к ним Борин кореш и собутыльник по жизни, Сашка-Буффаленок. Работничек тот еще, но знал, что копальщикам и нальют, и закусить дадут. Мужики не прогнали халявщика, проявили сочувствие – друг ведь его умер.

Сельское кладбище было старое, там уже этажами друг на друге лежали, и сельсовет, наконец, запретил захоронения и выделил новый участок. Но Серафима не хотела, чтобы сын лежал там как сирота безродный, вдали от всех. Чтобы осваивал новый участок, как пионер-первопроходец. Сама она не планировала в ближайшем будущем к сыну перебираться. А Бороина сестра, дочь то есть Симина, и племянники его городские, и родные его дети – те и вообще вряд ли когда-нибудь захотят вернуться в Пороховое, чтобы упокоиться рядом с Борей.

Поразмыслив, она решила проявить военную хитрость. По другую сторону автотрассы, далеченько от села, располагалось совсем уже старое, заброшенное кладбище. Там уже и холмики многие с землей сравнялись, некому стало моги-

лы обихаживать. Но Серафима, одна из немногих, ходила в праздники и на старое кладбище, навещала ваниных деда с бабкой, умерших еще в конце двадцатых.

В общем, она так рассудила: что не запрещено, то разрешено, а Боре рядом с прадедом и прабабкой лежать будет не так одиноко. Ну, если уж сельсовет вздумает наезжать, когда новость до них дойдет, прикинется старым темным валенком, поплачет в кабинете у председателя Хромосова. Он мужик положительный, не заставит старуху откапывать Бору и перезахоранивать.

Поразмыслив еще, не стала рисковать, дала мужикам-копальщикам одну только литровую бутылку самогона. Чтоб не перепились и сделали дело добросовестно, а там уже и рассчитаемся. Мужики побухтели, не одобряя подобной скупости в столь горестный для бабы Симы час, а потом скинулись и сами купили еще две бутылки.

А потом они откопали в старой могиле заначенную каким-то безбожником почти сто лет назад бутылку водки – надо полагать, чтоб бориному прадеду-коммунисту там веселее лежалось. На диковинное название мужики поахали, поцокали языками, но пить не рискнули. Всем, оказывается, хотелось еще пожить в этой гадской жизни, посмотреть, что да как оно будет и кто станет новым президентом. Решили, что надо бы на экспертизу сперва отдать, мало ли.

В обед выпили бутылку бабы Симы, закусили. Потом постепенно истребили свои запасы. Покурили, а разговор все

вокруг находки вертится. Ну, после выпитого то ли решимости немного прибавилось, то ли куража, но Буффаленок надумал попробовать. Двум смертям, мол, не бывать. Им с Борей как-то довелось и политуру попробовать, ничего – живы. Эх, были дни золотые!

Мужики его особо не отговаривали – интересно же. Да и, в случае чего, невелика потеря. Семьи нет, силком же его никто не заставляет! А вот когда Васька решил присоединиться – эх, на миру и смерть красна, и могила уже, типа, готова, – мужики стали дружно препятствовать. Жена, мол, дети, да ты ж не алкаш какой-нибудь...

Буффаленок обиделся, что о нем так не беспокоились, и сказал: вот и хорошо, мне больше достанется. А вы, праведники, так никогда и не узнаете, что такое царская водка! И начал отковыривать пробку.

Васек был человеком душевно тонким, и ему стало неловко за членов своей копательной бригады, за их не совсем деликатное поведение: обидели человека, а он разве виноват, что у него судьба такая? Одному суждено стать президентом, другому – век ходить Буффаленком! И в знак солидарности и поддержки Васек протянул Буффаленку свой стакан тоже.

Они чокнулись, обнялись, сказали «простите, если что» и выпили. Потом продолжили копать могилу.

Наверное, водка или еще не стала отравой, или это был яд замедленного действия, но Васе с Буффаленком плохо не становилось. Потом, раздухарившись, они выпили еще по ста-

кашку, а остальные все никак не решались.

Докапывали могилу вдвоем, а экспериментаторы улеглись в скудной тени полузасохшего вяза отдохнуть. Перед тем, как отключиться, Вася сказал:

– А... вы... бз-бз-бздуны! – будто крупный шмель над ухом пролетел.

И больше уже ничего не говорил.

Васю мужики дотащили кое-как до самого дома, а Сашка-Буффаленок идти не захотел, сказал – завтра все равно сюда возвращаться, так я уж тут на природе и заночую. Небось, комары не съедят, во мне спирта больше, чем крови. До завтра тут вас подожду.

Он был покрепче, еще способен был объясниться. Бутылку у Буффаленка мужики отняли – не просто так же он решил себе пикник устроить, выжрет, а им еще одну могилу копать. А так – может, еще обойдется, не помрет с выпитого.

Бутылку с недопитой «казенкой» принесли Наде, как вещественное доказательство...

* * *

– Какой кошмар! – сказали гости хором. – Но ведь он жив! Сколько времени прошло?

– И молчит, и еле дышит! – не ответила на вопрос Надя, вся в своем горе.

Люся, подняв Васину голову за седой вихор, заглянула

ему в лицо. Оно было мертвенно-белым.

– Девочки, надо все-таки, наверно, вызвать скорую. Пусть ему промывание сделают, – сказала, беспокоясь.

– Я тебе с-с-сде... лаю! – сказал Вася.

Он был против.

От неожиданности Люся выпустила из пальцев Васин седой вихор, и его голова как предмет неодушевленный брякнулась на прежнее место. Хорошо, руки продолжали лежать на столе в прежнем положении, и он не тюкнулся лицом в столешницу.

И как будто в нем, наконец, щелкнул выключатель: Вася начал подавать признаки жизни. Он тихонько захрапел.

– Наверно, не надо, – резюмировала Мила и с опаской понюхала бутылку. – Пахнет водкой.

– Ну, а чем же она должна пахнуть?! – раздражилась Люся, еще не отошедшая от Васиной угрозы. Она осталась при своем мнении.

– Ну я не знаю... может, уксусом, если бы испортилась... И Вася-то еще жив...

Надя, как будто ей подали знак, опять заголосила, уткнувшись лицом в промокшее полотенце.

– Да подожди ты... – сказала Зоя. – Ну, промоют его, хуже ведь не будет.

– Смотря кому, – возразила Надя. – Мне будет. Он же мне век не простит! Он просто со мной разведется! Одно дело, что водку из могилы пил – типа, герой, а другое, что его про-

мывать будут! Типа, посмешище! Типа, сдрейфил!

– А помрет? Ну, если не сразу, а постепенно яд будет действовать?

– Не помрет, – сказала Мила. – Уже б помер, если что. И хватит уже реветь. Кому быть повешену, тот не утонет. Если ему суждено сегодня умереть, так и случится. Человек рождается – рядом с датой рождения через черточку уже стоит дата смерти. На небесах все заранее предрешиено. Я жрать хочу – ужас! С утра не евши.

– Все хотят, – присоединилась Зоя, скромно намекая Наде об ее хозяйских обязанностях. – Ну правда, Вася-то ведь еще жив!

Васю оставили на прежнем месте, а стол Надя накрыла в зале. Поколебалась немного, но – гости же, святые законы гостеприимства! Несмотря на трагизм положения. И она поставила на стол бутылку самогона.

А закусь!.. Что там эти московские рестораны со своими изысками! Понимают они во вкусной и здоровой пище, как свинья в апельсинах! Одно домашнее сало с разварной картошечкой да малосольными огурчиками чего стоит! А ведь это только прелюдия!

Бутылку убрали, не заметив, как, но головы всех четверых периодически поворачивались в сторону кухни, где в проеме двери виден был стол с Васей. Все же беспокоились, и некоторые сомнения еще присутствовали, тем более что храп опять прекратился. Вася безмолвствовал.

– Девочки, а помните, в «Белых росах» Санаев с соседом собачку Пирата напоили, чтоб тещину настойку проверить на качество?

– Там был не Пират. Кажется, Валет!

– Да, и им промывание делали!

– А оказалось, что зря делали! Валет просто пьяный уснул.

– Шарика не дам на эксперименты! – отрезала Надя. – Он вам не кролик!

Хозяйский Шарик, с которым они уже познакомились, был – клубок грязной шерсти, росточком с кота, хорошо раскормленного. Две черные пуговицы злобно таращились на мир из-под свисающих косм. Может, злобность его была врожденной, а может, он как раз и злобствовал по той причине, что не мог видеть мир ясным, в широкой перспективе.

– Зачем нам Шарик? – возразила Люся. – И кролик нам не нужен. У нас уже Вася есть.

– Девочки, – медленно произнесла Мила, думая о чем-то. – Вася жив, и, по-моему, ему хорошо...

– Что ты имеешь в виду?! – ужаснулась Зоя, но как-то неискренне..

– Судьба нам посылает такой шанс! Ведь не зря же сегодня был такой баламутный день! И не зря же именно сегодня мы попали в Пороховое! Это знак!

– Мила, опомнись!

– А что такого? – удивилась Люся. – В жизни надо испытать все. А то вот умрем и не узнаем, какую водку пили на-

ши предки.

– Люся, ты ли это?!

– Почти столетняя выдержка!

– Это же привет из прошлого!

– История постучалась в нашу дверь!

Надя вышла из-за стола, сходила в кухню и принесла бутылку, сиротливо стоявшую под вешалкой.

– На стол я ее ставить не буду, – сказала она, – все же из могилы. Брезгую. Подставляйте рюмки. Если что – так жили мы дружно и умрем с Васей в один день.

– За здоровье! – сказали дамы. – Не поминайте лихом!

И чокнулись.

На следующий день мужики пришли справиться о Васинем здоровье с самого раннего утра. Найдя его живым и в относительном здравии, попросили:

– Плесни царского напитка-то, хоть попробовать!

– А нету! – сказал Вася высокомерно. А на оскорбленный ропот развел руками. – Городские бабки к жене приезжали, за ночь всё допили. Кто не рискует!.. – добавил назидательно и с издевкой.

И побрели они, солнцем палимы. И правильно: раз поймал – не упускай, а раз уж упустил – не гоняйся за упущенным.

Женщина молчит лишь о том, чего не знает

Накануне вечером дамы, доложив директору о безуспешности своих попыток отыскать Шпигалева, получили приказ: сидеть и не высовываться. То есть, в изложении Никиты Михайловича это звучало так: утром он сам выедет в Пороховое городище, к археологам, и там встретится с Дмитрием Евгеньевичем. Дмитрий Евгеньевич якобы уже позвонил Никите, но сам приехать не может, а им крайне необходимо увидеться. А потом директор подхватит своих дам, и вместе они

вернутся домой.

В общем, в том плане, что нечего дамам трястись в рейсовом автобусе.

– Ну и прекрасно! – сказала Мила. – Успеем сходить в Сарай-Бату, а может, и к шаману попадем на прием. Как он там, наш спасенный аксакал?

Она не теряла надежды узнать свое будущее. Тем более, что они теперь с шаманом вроде как на короткой ноге.

Люся промолчала. В душе ее после вчерашнего инцидента поселилась какая-то неприязнь к кудеснику. Вчера было не до того, но сегодня она пыталась отыскать корни этой неприязни. Докопаться до причины – это уже наполовину решить проблему.

И, как ни крути, получалось, что обиделась она на эпитет «сердитая». Милка, значит, – отважная, Зайка – серьезная. Она же, Люся, – всего лишь сердитая!

По большому счету, в отношении Милки он прав. Но отвага ее чаще всего проистекала от безрассудства: Людмила Ивановна сначала действовала, а потом думала. Зоя – да, серьезная: все взвесит, посомневается, подумает о последствиях. Но неужели в ней, Люсе, шаман не заметил других качеств?

Либо он вовсе не так прозорлив, как считают, либо у него не было времени, чтоб досконально просканировать всех троих. В Люсино душевное устройство он просто не успел проникнуть. Либо она ему просто не понравилась почему-то.

Да и ладно, подумаешь! Что ж теперь, погрузиться в мировую скорбь?! Она ему не понравилась, а он ей, вот и квиты.

После раннего завтрака гости расцеловались с Надей и прощально помахали Васе, который стыдливо укрывался в сарае, якобы занятый неотложными крестьянскими делами. Периодически он выглядывал из двери, чтобы удостовериться: не унес ли черт городских теток.

Зоя взяла у Нади номер анжелиного телефона (надо же справиться о здоровье Вольдемара), и подруги отправились в путь.

– Так мы вас ждем в субботу! – прокричала Надя им во след – В полном составе! – уточнила.

В субботу у Нади с Васей намечался юбилей – серебряная свадьба.

Теперь подругам предстояло идти вниз по течению. Шли не торопясь, вдыхали ВОЗДУХ, а не автомобильные выхлопы, и даже дыхание замедляли, чтоб побольше кислорода задержалось в легких.

– Ну почему мы не верблюды, – печалилась Люся, – или пеликаны? Придумала бы природа для людей такое устройство, чтоб можно было воздухом впрок запастись!

– Уже придумала! – возражала Зоя. – Есть же кислородные подушки, баллоны.

– Это люди придумали. А был бы в человеческом организме такой мешочек, бурдючок такой – надышался, защелкнул герметично и – пользуйся, когда захочется!

Пока Люся занималась аналитикой, а Мила бездумно вышагивала, любуясь пейзажем, Зоя общалась по телефону с Анжелой. Вольдемара перевезли в областную нейрохирургию, но Анжела подключила свои связи, и теперь он уже в Артюховской центральной городской больнице, в палате-люкс.

Зоя, наконец, попрощалась с Анжелой. По ее репликам и восклицаниям Люся и Мила уразумели, что у Анжелы с Вольдемаром произошло что-то неординарное, и еле могли дождаться конца разговора.

– Ну что там, что?!

– Давай уже, рассказывай скорей!

– У Вольдемара все нормально! Когда в больнице Анжеле отдали его одежду, она захотела ее постирать, и обнаружила в кармане старинную монетку. Вольдемара опрашивал сам Бурлаков, и тот рассказал, что отделился от толпы экскурсантов и решил побродить по городу. Зашел в какое-то строение, ничего интересного не обнаружил и хотел уже уходить. А освещение там – только солнечные лучи, что в оконные прорезы проникают. Он и увидел в луче света, как что-то блеснуло, нагнулся – монета. Поднял монетку, в карман засунул, а чуть подальше, у стены, там еще какое-то сооружение, глиной обмазанное, вроде тахты или кровати, может, стол, – еще монетка. Вольдемар потянулся к ней, схватил и даже встать не успел, услышал что-то. Звук – не звук, ощущение, что не один. Он и повернуться не успел, как ему вре-

зали по голове. И – всё, больше ничего не помнит. Анжела принесла монетку, показала Бурлакову. Настоящая, золотая! Изъяли ее у них.

– Ну, естественно!

– Значит, если и та, что ты нашла, золотая, – а Шпигалев недаром так взвился, как будто ему скипидару под хвост плеснули, то – что?

– А – что?

– Значит, они из одного места!

– Скорее всего, Вольдемар ее выронил из руки, когда его несли. Его ударили, но до этого он успел монетку поднять и сжал ее непроизвольно в руке.

Дамы переглянулись.

– Зайка, ты запомнила, где эта улица, где этот дом?

– Конечно, их там не так уж много.

– Значит, навестим!

...Песчаный берег был довольно чистым, не загаженным, как в их родном городе, и густо заросшим ивами. Кое-где под деревьями виднелись палатки разных размеров и расцветок – рыбацьи ли, или туристов-дикарей.

– Эх, пожить бы так хоть пару дней, на природе! – размечталась Мила.

– Ты и так некоторым образом на природе живешь, – напомнила Зоя. – Спишь в палатке. Часы у тебя звучащие – с птичьими голосами, журчанием ручья, периодически кукушка выскакивает.

– Как ты можешь сравнивать! То все – фикция, муляж, суррогат! А здесь!..

– А как бы ты здесь утром, из палатки вылезая, выпрямлялась? – напомнила Люся.

– Умеете вы все опошлить и изгадить. Ни капли романтизма!

Вскоре повстречался им деревянный пешеходный мостик, переброшенный на другой берег. Река здесь заметно сужалась.

– Интересно, для чего он здесь? Место пустынное...

– По нему ходят на другую сторону, – высказала соображение Зоя.

Подруги взглянули на нее с уважением.

– Ты серьезно так считаешь? – спросила Мила.

– А потом возвращаются по нему обратно? – догадалась Люся.

– Ну да, наверно.

– Может быть, ты даже предполагаешь, кто по нему ходит?

– Сначала туда, а потом обратно!

– Да ну вас! Может быть, рыбаки. Или еще кто-нибудь...

– А вот мы этого «кого-нибудь» сейчас и спросим!

По мостику в их направлении двигался мужик. Когда он приблизился, дамы тихонько ахнули:

– Акылбай!

Однако шаман и не собирался их узнавать. Одет он был в те же джинсы (а может, и не в те), но майка на нем была

другая, на голове – бейсболка с огромным козырьком. Половину лица закрывали черные очки. Не разглядел, что ли?

– Доброе утро! – сказали женщины.

– Здравствуйте! – ответил Акылбай индифферентно своим фирменным хриловатым голосом и хотел прошествовать мимо.

– А скажите, пожалуйста, – спросила недоумевающая Мила, – для кого построен этот мостик? Вроде от Порохового не так уж и близко?

– На том берегу, в трех километрах, село Красиловое. Пороховчане ходят в Красиловое, Красиловцы – в Пороховое, и все они – в Сарай-Бату. Я удовлетворил ваш интерес, любознательные женщины? – и шустрой своей походкой направился по дороге, в том же направлении, куда и они следовали. Да, несомненно, артрит и артроз этим ногам грозил еще не скоро.

Подруги ошеломленно переглянулись.

– У него что, амнезия? – предположила Мила. – Не далее, как вчера, кое-кто кое-кого спас.

– Да он просто неблагодарный хам! – злорадно подытожила Люся. Ее неприязнь, с которой она вроде бы справилась, получила новую порцию пищи.

Зоя, как обычно, попыталась оправдать человека, встав на его место:

– Может, у него очки обычные солнцезащитные, без диоптрий, а зрение не очень... Он же вчера без очков был.

– Ну-ну!.. На свою работу поспешает, – глядя вслед шаману, сказала Мила.

– Что-то у меня пропало желание идти к нему на прием, – закинула удочку Люся.

– Так и не ходите! Да мы и не успеем! Тем более, что нам в Сарай надо! Успеть осмотреть там все, пока Никита за нами не приедет, – поддержала Зоя.

И тут они увидели впереди на дороге точку, стремительно к ним приближавшуюся. Приблизившись, точка превратилась в серенький – («мокрый асфальт») – джип – (внедорожник) марки «Тойота». Короче, это была шпигалевская машина.

Пока заторможенная Зоя Васильевна и осторожная Людмила Петровна вздевали руки горе, чтобы помахать водителю, импульсивная Людмила Ивановна поступила проще: кинулась прямо под колеса железного скакуна.

Всякий нормальный конь, всхрапнув, взвился бы на дыбы и остановился. В худшем случае он подмял бы женщину под себя, в лучшем – отпрянул бы, поскольку в нем билось живое сердце и гоняло по жилам горячую кровь. А что взять с железного монстра, у которого вместо сердца – пламенный мотор, а кровь заменяют бензин и масло?

Автомобиль резко вильнул в сторону и помчался себе дальше. Мила вдруг стала медленно оседать, как поднявшееся в кастрюле тесто под руками хозяйки. До нее начало доходить, какими печальными последствиями мог закончить-

ся ее порыв.

– Ну, Шпигалев! Ну, сволочь! – выругалась Люся. – Допустим, слепой шаман был в простых очках! Но он хоть не давил Милку. Они что, все разом ослепли?!

Зоя с Люсей почти сволокли Милу с дороги к реке. Изда-ли заметили удобную ложбинку и, усадив подругу под рас-кидистую иву с подмытыми паводком корнями, помчались к воде.

Они таскали в пригоршнях водичку и брызгали в поблед-невшую до голубизны Милу. Зоя Васильевна напрочь забы-ла про бутылку минералки, уже второй день укрывающуюся в недрах ее сумки без всякой пользы.

Вернувшись с берега в очередной раз, они застали терпи-лицу уже порозовевшей.

– Хватит обливать меня, – сварливо сказала неблагодар-ная Людмила Ивановна, – я уже вся мокрая.

Она была в хлопотах: разгребала песок с одной стороны и перемещала его в другую, подпихивая себе под попу.

– Что это ты делаешь? – холодея от страшного предчув-ствия, что Мила в результате стресса чокнулась, возопила Зоя Васильевна.

– Вы хоть посмотрели, в какую яму меня сажаете?! Дума-ете, мне тут прямо так удобно сидеть? На корнях?! Я хоть песочку подстелю.

С Милой было все в порядке. Она действительно в любом месте своего пребывания, даже кратковременного, устраива-

лась с максимальным комфортом.

Набегавшиеся женщины мстительно выплеснули остатки воды из пригоршней на макушку неблагодарной и мокрой Милы и плюхнулись рядом – прямо в яму, перевести дух. Но на этом их хлопоты еще не закончились.

– Ой! – заорала Мила, отдернув руку. На пальце у нее оказалась капелька крови, она чем-то укололась. Туристы чего только не оставляют на своих бивуаках!

– Сегодня явно не твой день, – сказала злопамятная Люся, и даже не пошевелилась.

– Ну что там еще? – устало поинтересовалась Зоя.

Мила не пораненной рукой разгребла песок и вытащила небольшой предмет. Это был, вероятно, обломок какого-то украшения, об острый край которого она и укололась. Даже они, неспециалисты, разглядывая Милкину находку, поняли – и по ее весу, и по цвету металла – что это не простая железка, бижутерия, современная поделка.

– Тяжеленькая...

– Золото, вроде...

– Интересно, что это за предмет?

– По-моему, часть какого-то украшения...

– Смотрите, здесь же чеканка... орнамент какой-то...

– Какой-то зверь, вставший на задние лапы... Лев, вроде бы...

Нет, сегодня-таки был Милкин день!

Зоя выудила из своей многофункциональной сумки кос-

метичку с лекарствами – свою походную аптечку. Перекись и бинт на всякий непредвиденный случай в ней имелись. Милкин палец обработали. Обсудили все предположения, возникшие по поводу находки. Порылись еще в песке – безрезультатно. Пора было двигаться дальше.

Едва вышли из благословенной тени старой ивы, солнце вцепилось в них немилосердной хваткой. Вчера, вечерней порой, когда солнце садилось, идти по этой дороге было все же гораздо легче, хоть они и устали за долгий, баламутный день.

И тут за их спинами зазвучал рокот приближавшегося автомобильного мотора, а оглянувшись на звук, женщины узрели целую кавалькаду машин. Они, было, поспешили отпрыгнуть на обочину, но – о чудо! – колонна из четырех автомобилей плавно притормозила аккурат возле них.

Возглавляла маленькую колонну шпигалевская «Тойота»! Вторым номером шел Никита в своем «Мицубиси», первородным цветом которого был молочно-белый. Припорошенный степной пылью, он выглядел как серое белье, которое демонстрируют в рекламе «Тайда» до того, как постирают его всемогущим порошком.

Третьим был автомобиль, про который никто из подруг ничего не смог бы сказать, кроме его цвета – «баклажан». Он тоже был запылен. Замыкал колонну черный элегантный джип, явно прибывший не издалека, поскольку не успел утратить своего первозданного блеска на проселочной доро-

ге. Женщины уже были в курсе, что это внедорожник.

«Надо будет посмотреть, что за марки», – подумала Люся. Так, на всякий случай. За последние два дня багаж ее знаний по части моделей автомобилей значительно пополнился. А любые новые знания полезны для тренировки памяти, даже если ты ими не пользуешься в повседневной жизни.

Из недр последнего элегантного чуда выбрался неторопливо мужичок самого затрапезного вида. Он ни с какого боку не походил на английского лорда или российского олигарха. Оказалось – это сам Хромосов, Дмитрий Юрьевич, председатель сельсовета.

Сколько Дмитриев одновременно собралось в Пороховом! Дмитрий Юрьевич, Дмитрий Евгеньевич! А из «баклажана» – ну надо же! – появился Вадим Сергеевич Бурлаков, собственной персоной.

Дальше последовала комичная сцена. Мужики вдруг, ни с того ни с сего, бросились к дамам и начали их делить между собой. Шпигалев расшаркивался перед пышущей злостью Милой и, искупая свою перед ней вину, чуть ли не силком тащил ее в свою машину. Бурлаков мертвой хваткой вцепился в Зою и подталкивал ее к «баклажану» (неужто уже успел купить, на новой должности?). Никите досталась Люся, хотя, по идее, она была для него никем. В том смысле, что он не был ее работодателем, как для Милы и Зои.

В принципе, они все трое спокойно могли разместиться в «мицубиси». Бедняге Хромосову предстояло скучать в оди-

ночестве, без женского общества.

В этой дележке была какая-то подоплека. Позже им стало понятно – какая именно. Им просто устроили отдельный допрос, чтобы из бабьего эмоционального трепа вычлениить, отсеять что-то рациональное и потом свести ответы воедино. Для полноты картины. Для объективности и достоверности.

Бурлаков радушно затолкал Зою Васильевну на переднее сиденье. Его, правда, уже занимал пассажир. Вадим Сергеевич знаком приказал ему освободить место. Знак этот Зоя Васильевна уловила – Бурлаков дернул шеей в сторону, как будто его душил воротник кителя. При этом одет он был в гражданское, ворот рубашки расстегнут, так что ничто его не душило.

Пассажир, следуя принципам бурлаковского радушия, был тоже радужен и послушно перебрался на заднее сиденье. Видимо, он был подчиненным Бурлакова.

Майор жаждал еще раз услышать от Зои Васильевны, каким образом и где конкретно она заметила монету во время происшествия с Владимиром Ивановичем Климовым. Ту самую, которую она потом подарила Людмиле Петровне, а Людмила Петровна тут же передала ее Дмитрию Евгеньевичу Шпигалеву. Он, оказывается, был в курсе процесса дарения, от Никиты, надо полагать.

Рассказать ему требовалось еще раз, припомнив мельчайшие подробности.

– Да какие там подробности! Вольдемара несли, я еле-еле

двигалась следом за толпой, потому как обессилела от бега да со страху. Увидела монету, земля там ведь утоптана, лучше асфальта! В пыли бы и не заметила. Хотела выбросить, да чего ж добру пропадать. Решила девочкам показать, как научились подделывать, я же думала, что она сувенирная.

– А она – не сувенирная?!

– Да ладно вам! Стали бы вы все тут такую волну гнать, если б она была сувенирной!

Бурлаков крикнул.

– А что, – спросила Зоя Васильевна, – Вольдемарова монета тоже золотая? То есть, найденная в одежде Владимира Ивановича Климова?

Бурлаков резко затормозил, потом опять крикнул.

– Вам-то это откуда известно? – заволновался он. – Про вторую монету?

– Ангела сказала, – пожала плечами Зоя Васильевна.

Бурлаков застонал.

В это время головная машина тоже резко затормозила. Это Мила как раз рассказывала Шпигалеву про свою находку в песке. Никита чудом не врезался в «тойоту», а бурлаковский «баклажан», соответственно, – в «мицубиси». Хромосов в своем антрацитово-черном чуде был наиболее хладнокровен и затормозил плавно.

Мила же все-таки врезалась головой в лобовое стекло. По большому счету, Люся права: сегодня не ее, Милин, день. А все её неприятности – из-за этого нервного Шпигалева. Его

поведение уже вполне можно квалифицировать как умышленное причинение вреда милкиному здоровью.

– Ты что, не могла сама у него что-нибудь выпросить?! – позже брюзжала Люся. – Ченч! Услуга за услугу! Информация за информацию! Распелась сама, как соловей!

– Да когда бы я успела! Он сам полдороги пел как соловей, извинялся.

– Таким образом усыплял твою бдительность, чтоб потом выпотрошить! Эх, женщины не только любят ушами. Они ушами и думают иногда!

К Зое у нее претензий не было: по себе знала – у Бурлакова не выпросишь, если сам не захочет чего-нибудь сказать, дозированно. И это несмотря на то, что она помогла ему наладить отношения с Лидой Херсонской. Открыла ей глаза, подняла веки, как Вию, растолковала, что к чему. С чего это солидный человек в возрасте, при чинах, запыхивал к ней, Люсе в гости. А то он бы еще сто лет ходил вокруг Лидки, деликатничая. Не считал возможным подкатывать к ней в ее состоянии черного горя. Так бы и ждал, пока оно развеется, вместо того, чтобы помочь развеять.

Слава богу, тут повышение ему подоспело, с переводом в областной центр. Тут уж он поставил вопрос ребром – едет Лида с ним или нет. Люся когда-то мечтала, чтобы Вадим Сергеевич поселился у нее за стенкой, то есть, переехал бы к Лиде. Очень уж нужны были их ветшающему домику мужские руки! Но тут она отбросила меркантильные интересы и

взяла Лиду в обработку.

Под Люсиным прессингом и страдальческим взглядом Бурлакова Лида сломалась, и, сходяв на могилу к Гарику, испросила у него прощения и благословления. Наверно, получила, потому как вернулась успокоенной.

– Что ж, попробую, – сказала, вздыхая. – Может, что и получится. Не девочка уже, дело к старости. Встретились два одиночества. И Вадима жалко, что он такого во мне увидел? Как будто молодых ему мало, длинноногих.

– Длинноногая и прекрасная Елена у него уже была, да сплыла. Ему тыл надежный нужен, женщина рядом, а не кукла гламурная. Тоже ведь не мальчик.

– Уж слишком быстро все... Люди осудят. Как говорится, еще и башмаков не износила.

– Ну, ты прямо как Зоя! Уже и до Шекспира дошли! Кого еще процитируешь? И давно тебя стало интересовать, что люди скажут?!

Короче, Люся от души поработала во имя чужого счастья. Когда рассказывала подругам о своих достижениях в роли свахи, Мила вздохнула:

– Девочки, вот уже вторая пара образовалась с нашего благословления... А сами ходим молодые-неженатые... Хоть бы ты, Люся, уже кардинально решала вопрос с Игорем Николаевичем. Проморгаешь ведь мужика! Или ты думаешь, что в Питере нет симпатичных, активных пенсионерок с материальными и жилищными проблемами?

Игорь Николаевич был Люсиным бой-френдом, платоническим, как говорили в прежние времена, и виртуальным, как говорят нынче. Раз в год, летом, он приезжал на пару недель в гости – напиться южным солнышком, побродить по улочкам старого Артюховска. По тем улочкам, где уцелели домики, украшенные старинной резьбой. Люся раз в год наезжала на пару недель к нему в Питер – повидаться, походить по музеям. Собственно, история их детективных походов началась с самого первого приезда Игоря Николаевича.

Поначалу они активно пытались решить вопрос о том, кому переезжать для дальнейшего совместного проживания – Люсе в Питер или Игорю в Артюховск. Постепенно активность сошла на нет, никто не хотел уступать по разным житейским соображениям. А когда Игорь Николаевич подарил Люсе компьютер, общение их свелось к вечерним беседам по скайпу. Тема о том, чтобы съехаться, уже не поднималась.

Маленькая автоколонна развернулась и помчалась назад. Дамы показали, под какой именно ивой они сидели. Ее нетрудно было отыскать. Правда, корни ивы уже не были обнажены, Мила хорошо поработала, устраивая себе сиденье, но песок еще не успел просохнуть от вылитой подругами на ее голову воды. Хромосов со Шпигалевым сбегали за лопатами – они на всякий случай всегда лежали у них в багажниках – и принялись рьяно разбрасывать песок. Никита и Бур-

лаков их подменяли.

Именно Никите и повезло больше остальных. Он стал обладателем еще одной находки – серебряной монеты. Арабский дирхем, сказал Шпигалев. Не бог весть что, в свете находок Зои и Милы, но мужики как с ума посходили, только Шпигалев опять сник. Перекидали еще с центнер песка, но больше ничего не отрыли. Расселись в том же порядке и помчались дальше. Ехать оставалось всего ничего.

Люсе, единственной, кое-что удалось выяснить. Никита оказался самым неумелым из дознавателей или же, в противовес Бурлакову, исполнял роль следователя доброго. Вскоре Люся, конспективно изложив события, произошедшие с ними за последние сутки, сама перешла к допросу. Запинаясь и не договаривая, он успел поведать Люсе то, что по секрету сообщил ему ранее Шпигалев.

И хотя главного Никита так ей и не раскрыл – с чего весь этот переполох и при чем здесь Дмитрий Евгеньевич Шпигалев – нечто существенное все же рассказал.

В полицию пришли с заявлением два рыбака. На майские праздники они тут рыбачили вместе со своим другом Сергеем Санеевым и его сынишкой. Договорились ночью дежурить по очереди. Серега дежурил первым, но сменщика своего не разбудил. А когда рыбаки проснулись уже почти за светом, Серега исчез. Исчезла и лодка, но вся рыболовная снасть была на месте.

– Я об этом читала в газете, – растерянно сказала Зоя Васильевна.

Вот оно как обернулось! Она вспомнила свои скоропалительные выводы и задним числом устыдилась собственной черствости.

Мужики разбрелись в разные стороны, в поисках товарища, пока Юрка спал. Колян добрел до заброшенных бань сельчан, когда-то построенных поближе к реке. Добрел он туда, потому что на пути ему попался резиновый шлепанец Сереги. Колян сильно затревожился и кликнул Санька.

Осматривая местность вдвоём, возле одной баньки они заметили еще не просохшую глину возле задней стены. Ее явно притаптывали, чтобы выглядела нетронутой, и топтались совсем недавно. Похолодев со страху, мужики стали разбрасывать землю, с ужасом ожидая, что сейчас выглянут Серегины рука или нога. Но выглянул кусок черного плотного полиэтилена.

Зарыт был пластиковый мешок, а в мешке оказалась объемистая полотняная хозяйственная сумка, набитая старинными драгоценностями: серьгами, браслетами, кольцами, перстнями, золотыми и серебряными пряжками и пуговицами. Мужики не первый день на свете жили, и про золото хазар были в курсе, в общем и целом. И про клады, отрытые в их степи, в захоронениях, слышали.

Тут и головы особо ломать не надо было – на драгоценностях еще свежие следы глины имелись. Ушлые люди ограби-

ли захоронение, а здесь устроили временный схрон. Серега, видимо, стал свидетелем, и его «спалили», а потом и «убрали».

Особо разглядывать содержимое сумки не было времени, но халявная нажива, как часто бывает, в первые секунды затмила мужикам головы. Раскаяние пришло гораздо позже. В тот первый момент они друга Серёгу они как бы предали: если бы сразу рассказали полиции, что к чему, следствие пошло бы совсем по другому пути.

Про Серегин шлепанец они сказали, что нашли его в противоположной стороне. Сереги уже, скорее всего, нет на этом свете, а такие находки попадают раз в жизни. Судьба давала им шанс разбогатеть одним махом, она так распорядилась.

Но юркино сиротство и наташкино горе вскоре dokonали их.

– Да не их сиротство, а соображение, что бы они со всем этим стали делать? Без связей в криминальном мире? Это же не золотые коронки или бабушкины колечки. Не верю я в их доброхотство. Мозгами пораскинули на досуге – тюрьмой запахло! Вот и все!

– И это тоже. Но тюрьмой им все равно пахнет, разве что сроки другие. Они, кстати, рассказали про наезд местной шпаны, сильно на это упирали. Следствие за эту версию схватилось. Но много свидетелей нашлось, подтвердивших, что вместе с парнями были допоздна. А потом родители твердили, что ребятишки дома ночевали. Родителям, ко-

нечно, особой веры не было, вот и раскручивали пареньков.

– Не скоро их теперь потянет на подвиги!

– Да, я тоже думаю, что этот случай уберезет их от следующих, похуже.

– А куда же рыбаки потом все это богатство дели?!

– А куда они могли деть? Зарыли в другом месте, пока мальчишка спал, недалеко от своего лагеря. Ну, а потом полиция приехала, народ топтался... Они на это место корягу от ивы положили, чтобы приметить.

– Так значит, сдали потом клад государству?

– Если бы! Когда приехали туда с полицией, на том месте ничего не нашли. Там же место ходовое, всегда городских рыбаков да отдыхающих полно. Коряга кому-нибудь мешала, ее в воду и кинули. Или на дрова пустили. Или кто-нибудь просто случайно на клад наткнулся, откопал да упер. Весь берег ведь не перекопаешь!

– А наша находка...

– Скорее всего, в этом месте рыбаки и зарыли тогда клад. Тот, кто его откопал, не потрудился даже яму толком забросать. Или спугнули его.

– И что же теперь?

– Ну, может, где-то как-то проявится. Теперь дело полиции – отслеживать.

– А Дмитрий Евгеньевич при чем здесь? Чего он так переживает?

– Да ведь на его экспедицию тень ложится. Вполне воз-

можно, кто-то из его работников замешан. Потом еще другие рыбаки нашли обломок золотой пряжки от наборного пояса, примерно в том же месте.

– Да, об этом тоже писали в газете.

– Вот-вот. И вполне вероятно, что нашли они целую, да от многого отняли немножко себе за труды. Золотишка де-тишкам... Нехорошая возня. Очень похоже на криминал.

– Но почему – именно его работники? Есть же еще и «черные археологи»...

– Потому что «черные археологи» всё, что найдут, увозят с собой, а не занимаются перезахоронением. Какой им смысл? Нет, это кто-то из ближних.

Возле ворот женщин высадили.

– Вы тут погуляйте немного, город посмотрите, – сказал им их директор. – Думаю, я недолго.

И умчались со Шпигалевым по грунтовой накатанной дороге в степь. Хромосов с Бурлаковым направились в сторону кочевого города, к юртам. Бурлаков, казалось, утратил к женщинам всякий интерес.

– Ну, пойдемте, – сказала Зоя Васильевна. – Погуляем...

– Веди нас, Сусанин!

Как раз подкатил первый автобус. Высыпавшая толпа экскурсантов направилась к гостеприимно распахнутым городским воротам.

Дождавшись, когда они приблизятся, дамы скромненько

пристроились к последним туристам и просочились в город, проигнорировав сидевшего у ворот под полотняным навесом кассира. Он продавал билеты неорганизованным туристам, прибывающим своим ходом. У приезжавших же автобусными экспрессами иногородних все входило в стоимость путевки.

Дам привела сюда вроде как производственная необходимость, так чего ради они должны были за это платить? Они, пользуясь случаем, будут просто соединять приятное с полезным.

Экскурсанты окружили Тахира.

– Послушаем? – спросила Зоя Васильевна подруг.

– Нет, – решила Мила, – пока народ тут внимает, ты веди нас в те апартаменты, где Вольдемару по голове настучали. Хочется понять, за что! Видел что-то или кого-то? Как несчастный Серега Санеев! Вот пусть мне теперь кто-нибудь скажет, что судьбы нет. Кому быть повешену, тот не утонет!

– Ну, Милочку переклинило! Будем развивать любимую тему, – съехидничала Люся.

Развить любимую тему Милочке не удалось. Не успела.

– Пришли, – сказала Зоя Васильевна и завела их в бутафорское подобие средневековой квартиры-однушки. – Смотрите!

А смотреть-то особо было и не на что. Почти пустая, глиной обмазанная конурка. Две узких прорези-бойницы – окна, ничем не заделанные, расположенные напротив друг дру-

га, что создавало приятный сквознячок.

Дневной свет, проникая в окна, создавал скудное естественное освещение. Пара сундуков, покрытых старенькими вытертыми коврами, явно синтетическими, современно-го происхождения. Их, по причине непрезентабельного вида, хозяева хотели, наверное, выбросить, а чья-то креативная голова придумала, как еще использовать. Во-первых, для создания какой-никакой достоверности, кочевого уюта, а во-вторых, никто не позарится на эту рухлядь, никакой ценности не представляющую.

В центре был то ли очаг, то ли печь. Отопительный прибор, словом. Еще была неглубокая ниша, в которой устроен невысокий помост – конструкция из кирпича, обмазанная глиной же и тоже покрытая ковром.

– А это что за сооружение? Какую функцию выполняет?

– Не знаю... Может, лежанка...

– Для лежанки коротковата.

– Степняки, вообще-то, были низкорослыми. Но спали они на полу, на кошме...

– Почему – на кошме?

– На нее, вроде как, змеи да пауки не заползали.

– Буксовали в шерсти?

– Ну да...

– А может, алтарь?

– Почему тогда покрыт ковром? Надо будет у Тахира спросить. Прошлый раз не получилось, из-за Вольдемара.

Увы, не получилось и в этот раз...

Мила, устраиваясь на конструкции неизвестного назначения, сказала:

– Девочки, вы ведь меня не осудите, если я тут полежу немножко, пока народ не хлынул. Что-то я устала, на меня сегодня столько всего свалилось! Пусть это пока побудет лежанкой, пока мы не узнаем ее точного предназначения. Коротковато немного, но я коленки подогну... А вы пошарьте в печке, может, там тайник какой. Откуда-то же взялись эти золотые монеты, что Вольдемар подобрал.

– Если не врет, что на земле подобрал, – засомневалась вдруг Люся.

– Не врет! На него не похоже, – как обычно, видела Зоя в людях только хорошее.

– Ой-е-ей! На рыбаков тоже не похоже, которые друга потеряли!

– Золото, Зайка, людям глаза туманом застилает!

– Точнее, ослепляет.

– И совести лишает!

Зоя Васильевна вздохнула и, внутренне содрогаясь, – вдруг в темной глиняной глубине притаился каракурт, фаланга или степная гадюка – сунула руку в жерло средневекового отопительного прибора. Там не оказалось никого и ничего – она тщательно обшарила все стенки и выемки.

Людмила Петровна тем временем поднимала крышки сундуков – они не были заперты и оказались абсолютно пу-

стыми. Да и как могло быть иначе, если полиция тут все обсмотрела. Извертевшаяся на лежанке в поисках удобной позы Людмила Ивановна наконец, устроилась.

– Девочки, благодать-то какая! И стены такие прохладные, не раскалились! И кондиционера не нужно! – и Мила нежно провела рукой по стене сверху вниз. Рука ее скользнула за лежанку – оказывается, она была так устроена, что вплотную к стене не примыкала. Эта щель была совершенно незаметна при царящем в комнате полумраке, если не улечься, как Мила, да еще и не заглядывать за нее. Мила опять ойкнула.

– Ну что, опять чем-то укололась? – с легким раздражением поинтересовалась Люся. – Ойкаешь с утра самого, прямо привычкой это у тебя становится.

– Тут что-то есть! – шепотом сказала Мила.

Втроем в этой щели нечего было делать, да Мила бы и не подпустила никого. Она была в кураже и не боялась ни каракуртов, ни гадюк. Ни одна гадина не посмела бы тронуть ее сейчас.

Пыхтя и чертыхаясь, она выволокла, наконец, на божий свет плотный черный пластиковый мешок, разорванный в нескольких местах. То ли его порвали, когда заталкивали в эту щель, то ли Мила в своем рвении переусердствовала. В разрывы проглядывало бахромой грязное полотно бывшего белого цвета, тоже порванное. В эту дырищу, когда Мила сволокла свою добычу на земляной пол, посыпались монеты

и кольца.

– Вот таким образом Вольдемар и обнаружил монеты, – торжественно подвела итог Мила. – Когда мешок заталкивали, они в дырку высыпались. Дыра-то тогда меньше была, это я ее увеличила.

Как будто без нее это было непонятно! Почему-то у женщин побежали вдоль позвоночника мурашки. Где-то раздавались приближающиеся голоса – Тахир закончил рассказ и отпустил своих подопечных бродить по городу. Человеческие существа были близко, но в них могли таиться как защита, так и опасность.

– Мила, Люся, – сказала Зоя Васильевна, – становитесь у входа и никого не пускайте! Я звоню Бурлакову. Он где-то здесь, неподалеку.

– А что говорить-то?!

– Да что хотите, боже мой! Технический перерыв, производственная необходимость, взрывное устройство!

Люся беспомощно огляделась – вокруг не наблюдалось ни какой-нибудь палки, ни даже обломка кирпича. Она чувствовала, что толпа туристов может стать неуправляемой в законной жажде любознательности, если мешать ее удовлетворить. За свои-то уплаченные кровные. Снесут и сомнут, и даже не заметят.

Тогда она решительно схватила Зоину сумку, с многострадальной бутылкой минералки внутри, так и не распечатанной. Мила, в скудном арсенале которой были только ее

габариты, выпрямилась и стала еще выше, и плечом к плечу они встали у входа, застыв, словно гранитный монумент.

«Но пасаран!» – было написано на их мужественных лицах.

Верблюда спросили, что лучше: подъем или спуск? Он ответил: есть еще третья мерзость – грязь

Его жизнь теперь протекала ночью. Он скользил по обочине утоптанной грунтовой дороги в тени ив, вязов и тополей, растущих по берегу, чтобы не быть замеченным. Хотя, если бы даже и вышел на дорогу, кому тут было его замечать глухой ночной порой?

Он рыскал шакалом по окрестностям, присматриваясь и обживая их. Он еще не решил, нравятся ли ему эти места, хочет ли он здесь остаться на жительство. А если вдруг останется, то надолго ли. Перекати-поле по натуре, кочующий по миру всю сознательную жизнь, он не был связан никем и ничем. Почти.

Не нашлось женщины, сумевшей его привязать. Дети, если и бегали где-то, он о них не знал. Родственные связи были давно оборваны. Жил, где хотел и сколько хотел, и снимался с обжитого места, когда приходило желание или возникала необходимость.

Необходимость эту он чувствовал заранее, интуиция не подвела его ни разу. Не интуиция, а, скорее, звериное чутье.

Но, видимо, пришла уже пора осесть, упорядочить свою жизнь. Остановиться, оглянуться, как говорится. Обзаве-

стись бумажками, что так необходимы для жизни в российском социуме, всеми этими полисами, СНИЛсами и прочим... А то и в больницу не попадешь, если нужда вдруг возникнет.

Хотя на здоровье он не жаловался, но большая часть жизненного пути уже пройдена. Рано или поздно – а такая нужда возникнет. Где осесть, в каких местах завершать предначертанный ему небесами срок, он никак не мог решить: в предгорьях ли Урала, где прожил немало лет, в поволжской ли полупустыне, откуда были родом его далекие предки, в горах ли Алтая, где прошли детство и юность?

Однозначно, ни в каком заморском краю, которых он тоже повидал немало, доживать он не хотел. Не из патриотических соображений и не из романтических переживаний – вроде того, что хочет лечь в родную землю. Все это было ему не свойственно.

Да, жизненный путь его был совсем не гладким, не накатанная дорога, а спуски и подъемы, кочки да выбоины, взлеты и падения. Любимчиком фортуны его уж никак нельзя было назвать, в отличие от некоторых, везунчиков от рождения. Чужие края повидать-то он повидал, да денег не скопил, а кому он там нужен без денег, в старости да в немощи?

Ошиблись родители с именем, нарекая его. Он и здесь-то никому не нужен. Но были у него кое-какие соображения, он сюда прибыл не даром. Что из этого путешествия выйдет, зависело от ряда причин.

А пока он «шифровался», старался не мозолить глаза местным, чтобы не начали узнавать раньше времени. Хотя в селе от людских глаз особо не спрячешься, но в летнюю пору с этим все же попроще. Много приезжих: родственники, пожаловавшие в гости целыми семьями и ставшие здесь уже почти чужаками, туристы-дикари, городские рыбаки, облюбовавшие берег... Ерики весной – хоть и не Волга, но полноводные, как настоящая река. Говорят, в ином ерике нынче рыба лучше ловится, чем в матушке-Волге.

Он – один из приезжих... Повезло с жильем. Нашел одинокую бабку: полуслепая, полупомешанная. Помимо условленной платы он покупал ей продукты, она чего-то там готовила себе, пыталась и его угощать. Он неизменно отказывался по причине несуществующей язвы – брезговал, откровенно говоря. Да и не хотел лишний раз рисоваться: насколько там она слепая?

И не глухая, однозначно, и язык исправно работает. По селу шастает, с соседками язык чешет, для этого особого ума не требуется. Как встретились две-три, так и зацепились языками на полдня.

Огород у бабки был заброшен, к счастью, зарос бурьяном и камышом, а то пришлось бы еще и в огороде возиться, помогать. Как же, мужик в доме появился!

Хозяйка говорила по этому поводу, что давление в последнее время совсем замучило, но, глядя на ее уклад, квартирант подозревал, что ее и смолodu что-нибудь да мучило.

Грязновато жила, да ему-то что за дело?

Он поселился в летней кухне, тоже заброшенной. Сам разобрал там хлам после зимы, вычистил, вымыл окна и пол, набил на окна противомоскитные сетки, перемыл какую-никакую посуду. Жить стало можно.

Уходил из дома с рыболовной снастью еще затемно, затемно и возвращался – без улова, поскольку рыбачить не любил, не умел и не собирался. Снасть была для отвода глаз.

Попервоначально бабка интересовалась, где же улов. Он отбояривался тем, что продал на берегу туристам, и презентовал ей взамен купленную атлантическую сельдь и колбасу. Вроде того, что лучшая рыба – это колбаса. Иногда она намекала, что страсть как любит ущицу из окуньков, подлещиков или буффалят. Он ей резонно возражал, что рыбу-то некому чистить да потрошить: сама бабка плохо видит, а он не приучен, да и не любитель рыбы, только ловить может.

Постепенно пришли к взаимопониманию и сосуществовали вполне мирно – неряшливая полубезумная старуха и ее не менее странный квартирант-отшельник. Они днями не видели друг друга и только изредка сталкивались во дворе. Тогда он приглашал хозяйку на чай к себе и выспрашивал новости. Для него, одинокого волка, такая жизнь соответствовала планам и настроению.

А ночами он рыскал по окрестностям, тенью скользил вдоль дороги, подбирался к палаткам и кострам туристов да рыбаков. И слушал, вдруг что-то прозвучит полезное для

него. Добирался не раз и до бутафорского средневекового города, и до города кочевого, расположившегося немногочисленными юртами вокруг кирпичного.

Кочевой его интересовал особенно. В некоторых юртах жизнь не замирала даже ночью. В «караван-сараях» – мини-гостинице – всегда жило несколько постояльцев. Жили рыбаки, не имеющие собственного средства передвижения, а, следовательно, палатки и прочего сопутствующего барахла, и прибывавшие автобусом. Жили туристы-романтики, любители посиделок у костра в ночной степи с пивом и гитарой.

В чайхане ночевал сторож – могли ведь найтись любители из окрестных сел покуситься на запасы спиртного. Иногда там оставалась ночевать уборщица, поздно закончившая работу и не желавшая переться одна по ночной дороге домой, в село.

Он резонно полагал, что страх перед ночной дорогой у нестарой еще уборщицы несколько утирован, если принять во внимание, что и один из сторожей был еще нестар и весьма крепок. Станным образом поздние окончания уборок и последующие ночевки уборщицы в чайхане совпадали с дежурствами именно этого сторожа. Мужа, что ли, нет у нее? Или он – полный дебил?

В юрте ремесел, ну то есть, в той, где мужик на станочке штамповал сувенирные монетки и еще какую-то дребедень, хозяин – мужик этот по имени Шурик – жил постоянно. Вид-

но, из приезжих, не местный. Вот же головы у людей работают! Придумал способ зарабатывания денег, нашел, так сказать, свою нишу в туристическом бизнесе.

Да и вообще, народ в кочевье подобрался смекалистый и рукастый. Даже лампочки и холодильники у них тут работали, сначала от движков-генераторов, а потом, когда городок разросся, – от протянутой со стороны Порохового полноценной воздушной линии проводов. Ну чем не жизнь?

Кирпичный Сарай-Бату на ночь запирался воротами – простыми деревянными, но внушительными. На ворота вешался замок, столь же внушительного вида. Наверно, опытному взломщику не составило бы труда его открыть, но что там искать, в этом игрушечном киношном городе? Чем поживиться, даже если бы нашлись желающие проникнуть в него?

Поэтому охранник – местный житель, естественно, – заперев ворота, едва начинало темнеть, уходил домой в село. Другой ночевал в одной из юрт.

Да, местным здорово повезло с этим стихийно возникшим туристическим объектом. В селе, пожалуй, теперь совсем не было безработных, все были при деле. По словам его хозяйки, – спасибо председателю сельсовета Порохового. Хромосов его фамилия, кажется. Предприимчивый мужик, подсуетился. Вот только кто у него теперь на полях помидоры да арбузы выращивает?

А в том, что в Сарае поживиться нечем, он имел слу-

чай убедиться. Обходя стены города, заметил в торцевой стене малозаметную дверь, выкрашенную коричневой, выгоревшей уже краской, а потому сливающуюся с остальной рыжей, обмазанной глиной стеной.

Зачем эту дверь здесь навесили – непонятно. Может быть, пожарники, принимая объект, настояли, что нужен запасной выход?

В этой двери замок был врезной, и ему не составило труда в одну из ночей открыть его. Просто так, из любопытства. По части открывания замков он был дока, как и по многим другим частям. Способностями его Аллах не обидел, награждал бы еще везением!

Надо же было ознакомиться с местными достопримечательностями. Зря что ли он перся сюда из такой дали? – так он сам подсмеивался над собой, открывая дверь.

Побродил по городу с фонариком. Ничего интересного внутри не было. Даже лотки, с которых утром будут торговать всякой всячиной, не убирались. А зачем?

И всё же. То посещение не было напрасным. Оно пригодилось ему впоследствии.

Это был конец мая. Он только что обосновался у бабки и начинал свои ночные блуждания, не решаясь еще приступить к тому главному, зачем приехал. И вот тогда же выпала ему одна интересная ночь, прямо скажем, насыщенная событиями.

Православные праздновали большой праздник – Троицу.

Отмечали преимущественно дома, поэтому рыбацких палаток на берегу было на удивление мало. Из Порохового глухо доносились пьяные голоса – сельчане пели песни.

Он скользил вдоль дороги в тени деревьев и слышал приближающиеся приглушенные голоса. Ночь была лунной, темнота не крошечной, и он уже присмотрелся – да и вообще, всегда видел хорошо в темноте. Такая особенность зрения.

Показались две мужские фигуры. Тот, что повыше и покрупнее, нес что-то вроде сумки. Второй, ниже ростом, но такой же в ширину, – лопату.

Он не сразу понял, что это лопата. И что ж это они ночью копали? Не червей же к утренней рыбалке? Не огород же в степи вскапывали?

Он проследил за двумя землекопами до заброшенных банек, где те, коротко вполголоса посоветовавшись и определившись с местом, зарыли свою ношу. Не слишком глубоко, чтоб легче было откапывать, надо полагать. Лодыри. Притоптав землю, посветили фонариком – вроде незаметно! И ушли.

Он уже хотел убираться. Колебался, раскопать ли? Может, пресловутые черные копатели найденный клад прятали? А может, просто грабанули какого-то богатенького односельчанина да припрятали до поры до времени?

И еще как вариант мелькнула мысль: пришили кого-то да расчленили, прячут по частям. Вот бы он влип, со своей лю-

бознательностью! Впрочем, нет: тогда бы свою сумку, с камнем внутри в качестве якоря, они бросили в реку. Или, по крайней мере, закопали бы поглубже, собаки ведь запросто могут отрыть.

И тут он почувствовал чье-то присутствие, а потом и услышал, и увидел – темная фигура выдвинулась из кустов. Не он один был зрителем в этом ночном театре. Его колебания спасли ему жизнь.

Третий неизвестный, увлеченный разведкой на местности, разглядыванием притоптанной почвы, для чего пригнулся к самой земле – фонарика у него не было – слишком поздно уловил движение над собой. Вероятно, даже не успел понять, что первые двое, оглянувшись, заметили его на фоне светлеющего неба. И вернулись.

Большой с маху рубанул лопатой. Тут же появился и его спутник. Сбегал к лодке, вытащенной неподалеку на берег рыбаками, столкнул её и притянул к баням по воде. Тоже, видимо, силушкой был не обижен, ведь против течения пришлось тянуть.

Вдвоем они втащили тело в лодку и вытолкали ее на течение. Большой перевалился в лодку, второй наспех прибирал сцену развернувшейся трагедии, ликвидировал следы, подсвечивая фонариком.

Лодка, лениво покачиваясь, потихоньку отплывала от берега. Мотор, естественно, не включали. Едва она, выплыв на стремнину, скрылась из глаз, уносимая течением, второй со-

участник тоже испарился. Он трусцой пересек дорогу и пропал из глаз.

Будет трястись теперь в своей норе в ожидании Большого. А тот, отплыв подальше, включит мотор и помчится по течению реки. В безлюдном месте на течении или наоборот, где-нибудь в недоступных камышах сбросит свою ношу. Доберется до берега и оттолкнет лодку: плыви, куда хочешь!

Потом в каком-нибудь из нижних сёл ранний рыбак зацепит лодку, отбуксирует домой и скажет: Бог послал! Любопытным объяснит: купил, мол, по-дешёвке. Ну, а если особо совестливый или напуганный, то заявит в полицию, на свою голову. Владельца лодки установят, сопоставят с исчезновением – и напишут рапорт, что рыбак по пьяной лавочки утонул в реке.

Нельзя сказать, чтобы наблюдаемая сцена не задела его. Всякое доводилось видеть: чёрствость, злобу, жестокость... Но такое спокойное, тихое и расчетливое хладнокровие...

Какое-то время он стоял, не шевелясь. А потом проснулись рыбаки и начали искать своего корешка. Нашли его обувь, слетевшую, когда тело тащили к реке, – проморгал подельник. По этой примете, конечно, быстро нашли место и откопали спрятанный в земле чёрный пластиковый пакет.

Ему довелось узнать, что в пакете: рыбаки оказались более любознательными, чем он, и менее осторожными. Да и при дневном свете человек более храбр, особенно, если он не один.

Было уже совсем светло, все тело у него занемело от неподвижности в его убежище, но он не мог скрыться, не обнаружив себя. Он продолжал следить и увидел, куда рыбаки перепрятали рыбаки найденное, и улыбнулся их наивности. Неместные, не знающие этот берег, место схрона они обозначили, бросив на него огромную приплывшую в паводок корягу. Как будто ее не могли утащить для костра другие рыбаки!

Надеются в скором времени забрать свою находку? Вряд ли удастся. Без полиции тут не обойдется, а это – процесс долгий. Шерстить окрестности будут несколько дней, минимум. Шум поднимется. И даже когда окончательно прозвучит версия несчастного случая на рыбалке, местные будут еще пару месяцев подозрительны к каждому шороху.

А зарывали неглубоко, поскольку торопились. И правда, было от чего: еле успели покончить со своими земляными работами, как из палатки выполз сонный пацан.

До поднятой шумихи и приезда полиции он сумел оттуда убраться. Шел у самой кромки воды, вверх по течению, хотя ему надо было в противоположную сторону. Но тогда надо было бы либо пройти по берегу мимо рыбаков, либо выйти на дорогу. В любом случае его заметят.

Набегающие волны смывали его следы. На тот случай, если привезут розыскную собаку. Хотя это маловероятно.

Он не осуждал корыстолюбие рыбаков, понимал ход их мыслей: с другом случились что-то нехорошее, но ему уже не

поможешь, а тут такое богатство на голову свалилось. Ну и что, что криминал. Может, не узнает никто. Сначала нужно спрятать, а потом подумать. Золото кому угодно глаза застит, с ума сводит.

Он сам был такого же поля ягода, как эти ребята: моральными устоями не слишком отягощен.

Пару дней полиция их мытарила, потом все же разрешили уехать домой. Они, конечно, поняли уже, как просчитались, и с неохотой уезжали. Всё оглядывались на свою стоянку, мучимые мыслью: когда-то теперь смогут вернуться? И найдут ли в сохранности оставленное?

Его тоже беспокоила эта мысль, о сохранности. Не успели рыбацки освободить место – к нему подкатила «Лада», набитая новой порцией рыбаков, не ведающих о случившейся в этом месте драме. Местечко было уж очень удачное.

Вот и приходилось ему кружить вокруг, сторожить тайник – не обнаружат ли. И до тех пор, пока рыбаки стоят здесь лагерем, надо было найти более надежное место для схрона, пока прежние постояльцы не вернулись за «своим» добром.

Он нашел такое место, в конце концов, в бутафорском Сарае. Но сначала посетил его еще раз, ночью, разумеется, и тем же путем. Обследовал каморки, которые открывались, где двери не были муляжами. Их было всего четыре таких, но одна ему приглянулась.

Конечно, и это было не слишком надежное место. Но для первого случая годилось. По принципу: хочешь что-то спря-

тать – положи на видное место. И вот, улучив момент, когда одни рыбаки уехали, а новые, по счастью, не появились, он экспроприировал у экспроприаторов краденое, спихнув старую корягу с берега и отправив ее, как ту лодку, вниз по течению.

Реакция рыбаков-предателей его не беспокоила. Что они, в полицию пойдут заявлять, что у них украли клад, который они украли у убийц? А вот первоначальные владельцы добра – с ними было что-то неладно. Они, кажется, даже не появились больше у своего тайника, затаились. То ли боясь нос высунуть, то ли уже знали о случившейся экспроприации.

Но все же он имел несчастье случайно с ними столкнуться, такое невезение. Они, правда, в тот момент не придали их встрече значения, а вот он их узнал. Как оказалось, спустя время и они его «рассекретили».

Он возвращался, как обычно, ранним утром домой с пустым ведерком. Всё как водится. Шел по берегу. В кустах заметил лопату – какие-нибудь рыбачки, наверное, перепившись, забыли. Подобрал зачем-то, идиот. Хозяйственность в нем пробудилась – чего добру пропадать? Хозяйке, что ли, презентовать? Так ей без надобности.

И тут – они, сладкая парочка. Скользнули взглядом по лопате, по пустому ведру:

– Что, коллега, без улова?

– Да вот, не повезло сегодня. Рыба избаловалась, ничем ее не удивишь.

- Поди, хотел камышового червя накопать?
- Ну да, – ответил, понятия не имея, что за зверь такой.
- Ты ниже по течению спустишь к камышам, наши пороховчане там копают. На него хорошо берет.
- Спасибо, учту!
- Раненько рыбачишь!
- Так на рассвете – самый клев.
- А что ж уходишь, без хвоста, без чешуи?
- А чего ж сидеть без толку? Попозже еще выйду.
- А работа как же?

Он сначала не понял, что имела в виду эта парочка, потом, увязав с обращением «коллега», в душе рассмеялся. Называется, рассекретили.

– Работа, как говорится, не волк.

«Наши», значит, «пороховчане»... То есть, мужички – местные.

И что-то вдруг забеспокоился он. Слишком любопытные мужички. И на лопату зорко глянули. Знают, что опустел их схрон, знают!

Чутье его ему нашептывало – пора сваливать. Не нашептывало – орало. Черт с ним, с его первоначальным планом! Недаром он все время тянул, не решался объявиться. Значит, и не надо. Жил один, перекасти-полем, значит, судьба ему и дальше так жить. Тем более с тем богатством, что у него теперь имеется. А уж распорядиться им он сумеет.

Да, надо наведаться к нему, не откладывая, а то ведь всё

это время он туда и носа не совал, выжидал. И ещё – необходимо срочно перепрятать мешок, не зря его так гложет беспокойство.

В ту же ночь он его перепрятал, там же, в Сарае. Местечко нашел чудное, как сразу не обнаружил? Но, пока заталкивал мешок в щель, порвал его основательно. Старый идиот, не подумал о другой таре.

Эта мысль терзала всю ночь. Утром совершенно забеспокоился, с толпой экскурсантов проник в город, немножко постоял возле гида-Тахира, чтоб не привлекать внимания, послушал. Кстати, пока стоял, углядел на ближайшем лотке с сувенирами фигурку божка. Занятная такая вещица, ростом в полторы его ладони, в восточном стиле. Железная болванка, покрытая слоем красной краски.

Красный идол имел необыкновенно свирепое выражение лица, но очень ему понравился, и он его купил. Может, если бы не купил, все вышло бы по-другому? Но кто же, кроме Аллаха, ведает наши пути?

Он идола купил и, потихоньку отделившись от экскурсантов, поспешил к каморке, где сначала прятал свой клад. Хотел проследить весь путь, и не зря: подобрал пару выпавших в дырки монет. Вошел в ту, куда перепрятал, и остолбенел: мужик, сидя на корточках, поднимал с полу еще монету.

Его свирепый, только что купленный кровавый божок сам собой как будто взлетел в руке. Или направил его руку? И он опустил её на голову вору. Но забрать клад возможности

уже не было, туристы пошли в «вольный осмотр» и гомонили совсем рядом.

Выскочив из комнаты, он поспешил к своей потайной двери и смог незамеченным уйти из Сарая. Смог добраться до дома, сесть и как следует подумать.

Много грязи довелось ему повидать на жизненном пути, и самому приходилось извлекаться порой, но крови он не проливал. А вот теперь и этим наказал его Аллах. И чем это все кончится?

...Вечером он был необычайно гостеприимен и пригласил хозяйку на ужин по случаю своего дня рождения. От нее и узнал, что мужик, на которого напали в Сарае, жив, что это молодой любовник его жены так его «приласкал». Про сокровища, которые в Сарае нашли, – ни слова. Стало быть, не искали, прокатила версия с любовником. Или не прокатила, а сведения – обычный бабий телефон?

Злобного божка он выбросил в ерик с моста. Но страх его не покидал, и почему-то в глазах стоял не раненный им мужик, а сладкая парочка – Большой со Спутником. Они все переводили пронзительные взгляды с лопаты на пустое ведро, а потом на него: что, совсем без улова? Ни одной рыбешки? А разве так бывает? На рассвете, обычно, хороший клев. А у тебя ведро сухое! В каком же месте ты рыбачил?

Драпать отсюда подобру-поздорову? Или еще выждать? Как оставить то, что лежит в Сарае, и стало уже почти тво-

им? А зачем оставлять и чего выжидать? Наведаться ночью в Сарай и унести клад. Днем присмотреть местечко в хозяйском дворе, припрятать. И – драпать, драпать не откладывая. Прямо завтра и валить! Полиция полицией, но теперь, чего доброго, эти два доброжелателя начнут за ним следить.

Однако ночью его ждала неприятная неожиданность: охрана не ушла, как обычно, спать-почивать по домам, а бдела в городе. И охранник был не один, как обычно, вдвоем коротали ночь.

Как он понял из подслушанного разговора, свидетелями ЧП стали какие-то особенные гости. То ли знаменитый культурный деятель был среди туристов, то ли крупная начальница, то ли родственница большого начальника и знаменитый деятель культуры по совместительству. Короче, несмотря на версию о банальной бытовухе, в Сарай принесло больших полицейских чинов из области, за которыми, разумеется, подтянулись и начальник районного ОВД, и председатель Хромосов, и глава района лично.

Да, навели они тут шороху!

Ну, положим, эта бдительность ненадолго. Но планы его, без сомнения, рушились.

Только у вора спрашивают, откуда эта вещь

Людмила Петровна спала, сидя на низеньком пуфике и привалившись головой к стене. На расстоянии ее вытянутой руки стоял стул. На стуле были разложены в строгом порядке различные предметы, в прошлом самого разного предназначения. Сейчас они использовались Люсей в качестве оружия. Здесь имелись: деревянная сувенирная расписная ложка,

помятая алюминиевая кружка без ручки, гибрид шлепанца с калошей – без задника, но на литой резиновой подошве. Хорошее средство самозащиты, между прочим. Если огреть такой тапочкой какого-нибудь злоумышленника по голове, легкое сотрясение мозга гарантировано.

Еще на стуле разместились деревянный молоточек для отбивки мяса и плотницкий железный, с деревянной ручкой, минерал мутно-голубого цвета – размером с хороший мужской кулак. Когда-то Люсе подарил его экс-супруг Толик на счастье, представив как обломок лунного камня.

«Подари мне лунный камень – талисман моей любви», песенка тогда звучала из всех открытых окон. Теперь, когда любовь прошла, завяли помидоры, Люся сочла, что не будет кощунством использовать талисман по другому назначению, более практичному. Рассуждая логически, ее можно было понять: со своими прямыми обязанностями талисман не справился, любовь не сберег. Чего ж добру пропадать?

Под полом заскреблась мышь. Люся встрепелась и пошарила рукой по стулу. Электронные часы на комодке были с подсветкой, и даже при закрытых ставнях в комнате не царила крошечная тьма, но Люся уже и на ощупь знала, где что у нее лежит. Порядок в своем хозяйстве она поддерживала образцовый.

Поколебавшись какое-то мгновение, Люся остановила выбор на алюминиевой кружке, взяла ее и шарахнула по стенке. Мышь, по идее, должна была уж если не окочуриться с

перепугу, то хотя бы упасть в обморок, отключиться.

В обмороке мышка пребывала недолго. Пяти минут не прошло, как ее скрежет зубовой возобновился. Тогда Люся взяла ложку и пару минут самозабвенно дубасила в стену. Ложка произвела должный эффект, наступила благословенная тишина.

Бедная женщина, основываясь на предыдущем опыте, понимала, что это временная передышка, но все же ею воспользовалась. Прислонившись головой к холодной стене и подложив диванную подушечку, чтоб не застудить ухо, почти мгновенно провалилась в сон. А ведь раньше она не верила, что часовые могут спать стоя и с открытыми глазами!

Прошло, может быть, чуть больше пяти минут, и мышка продолжила свой поздний ужин. Люся знала, что он продлится как минимум час. Иногда мышинная ночная трапеза длилась и два часа, она была обжорой и гурманом, эта мышь. Но надежда умирает последней, и Люся использовала минуты тишины, а вернее, объявленное перемирие, чтобы покемарить.

Когда их «военные действия» только начинались, Люся пару раз за ночь швыряла в стену тапки, стоявшие возле кровати, в чем достигла необычайной ловкости. Потом одной пары тапок оказалось недостаточно, и она притащила к кровати еще две пары гостевых. Потом – еще и тапки сына, сорок пятого размера. Ее сын жил в соседнем городе, но навещал мать нечасто. Однако жил в уверенности, что его тапки

всегда ждут его, и никто другой в них шлепать не будет.

Непосвященные в причины и характер боевых действий гости, глядя на шеренгу выстроившихся возле кровати тапок разных размеров и расцветки, смотрели на хозяйку с соболезнованием. У тетки явно ехала крыша и наблюдались проявления тапочного фетишизма.

Как во всякой войне, оружие модифицировалось, и Люсин арсенал со временем значительно пополнился.

На сей раз Люся выбрала тапок с литой резиновой подошвой и молотила им в стену с равномерными паузами, сопровождая всеми мыслимыми и немыслимыми проклятиями, какие только может придумать пожилая женщина. Мышка заслушалась этим речитативом и примолкла, а Люся опять задремала. Минут на десять-пятнадцать. И только когда Люся, в бешенстве, схватила железный молоток и стала бухать им в пол без передышки, незнамо сколько (она досчитала до ста, а потом сбилась), мышь утомилась.

Когда Мила не так давно упомянула легендарную мышку и обвинила Ксюню в лодырничестве, она и сама в душе признавала, что не совсем справедлива к Ксюне. Люсина любимица смолоду была знатной мышеловкой, и Люся едва не плакала по утрам, сгребая в совок трупик-другой задушенных мышей.

Ксюня таскала их с завидной регулярностью и выкладывала на крыльце, из тщеславия, похваляясь перед хозяйкой удачной охотой. Добычу свою она в пищу не употребляла,

ее и так неплохо кормили. Играть с ней – тоже не играла, не девочка уже.

В общем, если бы в подполе у Люси поселилась обычная плебейская серая мышь, то за год с небольшим, в течение которого она там обитала, Ксюня непременно бы ее изловила, рано или поздно. Нормальные мыши ведь выходят же на божий свет!

К тому же у Люси по всему дому в укромных местах, недосягаемых для Ксюни, были разложены разные ловушки, клеевые и с отравой. Время от времени в них кто-то попадался. Люся, было, поспав в тишине пару ночей, начинала праздновать победу, но в следующую ночь выяснялось, что она рано торжествует – выносящий мозг скрип раздавался среди ночи опять.

У подруг по поводу мышки возникали разные версии. Романтик-Мила, к примеру, соглашалась с тем, что мышь-таки непростая.

– Это королева мышей! – утверждала она.

– А почему эта королева облюбовала не соседский амбар, а мой пустой плебейский подпол? Что в нем королевского?

– Ну... – затруднялась Мила, – у него хорошая мышинная аура... Ну, то есть, микроклимат подходящий.

Зоя предполагала, что королева – не королева, но мышь очень старая, мудрая, хорошо пожившая и много повидавшая, потому и неуловимая.

Лида Херсонская – непонятно, всерьез или с издевкой –

выдвигала вообще фантастическую версию.

– Вот ведь уже никто не спорит, что инопланетяне воруют землян, вставляют им чипы и возвращают, чтобы потом по радио ими управлять. Почему они не могут проделывать это с животными? Почему они не могут отловить мышь и чипировать?

– Вроде Ноева ковчега?

– Ага, и запустить ее в наш с тобой подпол, чтобы мне спать не давать! Такова суть их эксперимента!

У самой Люси тоже родилась версия, но была она не столько фантастична, сколько безумна. Люся предпочитала ее не озвучивать, чтоб подруги не усомнились в ее, Люсином, психическом здоровье. Ей иногда мнилось, что это нынешняя жена ее Толика, Нина, чипировала мышку и подбросила Люсе в подпол. Чтобы эта сволочь подгрызла опорные балки, и крыша свалилась Люсе на голову. Иначе что она там может грызть второй год, практически без перерыва?

Но с чего бы это Нине заниматься такой ерундой? Знавшие Нину люди говорили Люсе не раз, что она здравомыслящая и во всех отношениях положительная женщина. Да и Люся не делала никаких поползновений вернуть бывшего мужа. После его измены прошлое перечеркнула, пережила случившееся и выжила. Сколько воды утекло с тех пор!

Вот только почему-то в последнее время она стала вспоминать Толика по самым разным поводам. Иногда и без повода – вдруг как кольнет что-то. Старость, – вздыхала Лю-

ся, – перебираю прожитое, к смерти готовлюсь.

Самым странным было то, что мышь грызла в углу именно под Люсиной половиной дома, а на Лидину не покушалась. Лида клялась, что, когда Люся на ночном дежурстве, мыши вообще не слышно. Конечно, совсем уж полагаться на слова Лиды нельзя, она и в остальные ночи ее не слышит, а просыпается только от Люсиной какофонии. Когда Лида уехала с Бурлаковым к месту его нового назначения, мышка-мучительница вроде тоже куда-то исчезла. Не было ее довольно долго, и Люся поверила в чудо – что Ксюня ее таки изловила или она от тоски по Лиде ушла, куда глаза глядят. Увы, счастье длилось так недолго...

Утром Люся встала позже обычного, не выспавшейся, в дурном настроении, и когда к ней ввалились ее дорогие подруги, взбудораженные и взвинченные, не сразу проникла в суть того, что они ей рассказали.

Зоя Васильевна и Людмила Ивановна решили «причепуриться», то есть навести красоту перед предстоящим событием: поездкой в Пороховое на серебряный юбилей Нади и Васи. Людмила Петровна и в этот раз не изменила себе и отказалась от похода в парикмахерскую.

– Вот еще, тратить время на глупости! Краше, чем есть, не стану. И моложе – тоже! Да я и стриглась совсем недавно.

В парикмахерскую Люся ходила один раз в два месяца, с единственной целью – постричься.

– Да не в парикмахерскую! Ведь нас Анжела пригласила в свой салон красоты! – искушала Мила.

– Ну, допустим, пригласила-то она только Зайку. А ты просто примазалась. А тут еще и я – здравствуйте, пожалуйста! Еще один довесок.

– При чем тут довесок? Ей что, деньги лишние? – убеждала Зоя.

– Может, нас там вообще бесплатно обслуживают! – мечтала Мила. – За то, что Зайка была ей моральной опорой!

– Ну... может быть... – Зоя Васильевна была в этом не слишком уверена.

Салон красоты «Ангел» представлял собой помещение из двух комнат, расположенное на первом этаже обычной артюховской пятиэтажки. Вход в него был не со стороны подъездов, а, как водится, пробит в фасадной стене.

Раньше это была стандартная квартира-двушка. Теперь в одной комнате – той, что побольше площадью, – стригли, брили, завивали-красили три мастерицы. Судя по развешанным на стенах дипломам, они носили почетное звание мастеров-универсалов.

В комнате поменьше стояли два столика с маникюрными прибабасами. Еще была ширма, раскрашенная в японском стиле, за ней делали педикюр. В бывшей кухне размещался то ли кабинет Анжелы, то ли бытовка, то ли кладовка, а может, кухня выполняла все эти три функции.

Один столик в маникюрном зале пустовал, за другим

над руками молодой, хорошо одетой женщины трудилась девчушка-стройняшка. Она ненавязчиво демонстрировала потенциальным клиенткам свои умопомрачительной длины ногти, в качестве бесплатной рекламы и как знак собственного профессионализма. Каждый ноготь был окрашен в разный цвет, а в центре располагался какой-нибудь цветок, тоже все разные. Десять цветков. По ботанике у девчушки в школе была пятерка.

У Зои Васильевны тут же возник вопрос, который так и остался невысказанным. Вернее, даже два. Если это очаровательное существо замужем, как она умудряется вести хозяйство? И сколько требуется времени на создание подобных шедевров? Ведь тут налицо – полет творческой мысли, фантазия художника, а не мазня ремесленника.

Сказать, что в салоне красоты «Ангел» от клиентов отбоя не было, значило бы погрешить против истины. В одном кресле над цветастенькой веселенькой накидкой торчала мужская голова, словно голова профессора Доуэля. Над ней порхала ножницами и жонглировала расческой дебилая блондинка. Остальные две мастерицы наблюдали за процессом стрижки с крайне критическим выражением на лицах. Если Доуэль в следующий свой визит попадет в руки одной из них, она непременно задаст ему любимый традиционный вопрос всех ревнивых парикмахеров: «И где это вас так оболванили?»

Анжела встретила Зою любезно, Миле, представленной

как подруга, кивнула покровительственно, по-королевски. Тут уж смутилась даже непробиваемая Мила: нет, в эти салоны лучше не ходить, подумала она. Лучше ходить в родимые парикмахерские. Там тебя хоть человеком считают.

– Полина, это мои знакомые! – сказала Анжела девчухе с художественными ногтями. – Сделай, как себе бы сделала.

– Хорошо, Анжела Ивановна!

– Нет! – испугалась Зоя Васильевна. – Не надо как себе! Нам просто маникюр.

– Понятное дело! – отмахнулась юная мастерица. – Анжела Ивановна имела в виду – сделать по высшему разряду.

Мила опустила руки в ванночку с раствором, а Зое Полина залепила глаза ваткой и накрасила ресницы и брови.

– У меня дела, – извинилась Анжела, – мне нужно ненадолго отъехать.

И отъехала. Тут в салон вошел еще клиент, в зал, где стрижься-бриться. У Зои глаза были залеплены, а Мила сидела спиной и, естественно, не могла видеть, кто именно вошел. Но вместо рабочей тишины в том зале вдруг началось бурное обсуждение какой-то проблемы.

– Я на минутку! – сказала Полина и шмыгнула туда же.

Вскоре она вернулась. Ну как Мила могла удержаться от вопроса!

– Что там? – спросила она?

– Какая-то тетка старинные монеты предлагает купить. Говорит, дед умер, всю жизнь коллекционировал. Ей коллек-

ция ни к чему, ей деньги нужны, а продавать целиком – хлопотно, она в этом деле ничего не понимает. Обманут, и времени много займет. Вот она и носит по учреждениям.

– Девушка, да лохотрон явный! Кидалово! – со знанием дела квалифицировала Мила. – Обманут ее, как же!

– Да нет, она со своим ноутбуком пришла, на сайте показала эти монеты, там и стоимость их указана.

– Так она вам картинки показала, а монеты вполне могут быть поддельными! Вот мы недавно были в Сарай-Бату...

– Мила!.. – ахнула тут Зоя.

Мила ее поняла слёту и, выдернув руки из ванночки, помчалась в другой зал. Тетка с коллекцией услышала Милкин топот и повернулась к потенциальной покупательнице, сияя ослепительной улыбкой торговли, впаривающей сомнительный товар покупателю-лоху. Мила протянула к ней мокрую лапку:

– А мне можно посмотреть?

Тут произошло что-то непонятное: улыбка сползла с теткиного лица, буквально слиняла. Тетка грубо выхватила из руки одной из мастериц монетку, которую та рассматривала, швырнула ее в свою объемистую сумку, почти такую, как у Зои, и сгребла со столика салфетку, на которой было разложено для демонстрации еще несколько монет. Салфетку она тоже зашвырнула в сумку, не особо церемонясь с наследием любимого дедушки. В ней явно не бродили дедушкины нумизматические гены.

– Не хотите – не надо! Уговаривать не буду. Дорого им! – сварливо сказала тетка и направилась к выходу.

– Чего это она, с дуба рухнула?! – изумилась мастерица. – Еще и не поторговались!

– Как с цепи сорвалась! – согласилась вторая.

– Чем это вы так ее напугали? – заинтересовалась третья, приводившая в порядок голову профессора Доуэля.

Ошеломленная Мила вышла из ступора и понеслась к выходу. По тротуару шагали люди, но тетки не наблюдалось. Как сквозь землю провалилась.

– Хотела ей сказать пару ласковых! – объяснила Мила.

– А как она выглядела? – спросила Люся.

– Да самая обычная тетка! Ростом с меня, может, пониже. Но толстая! – тут в ее характеристике прозвучала гамма звуковых оттенков: и высокомерие, и снисходительность, и жалостливое презрение.

Саму Милу, при всех ее крупных статях, толстой мог обозвать только человек, которому она была резко антипатична. И только с единственной целью – побольнее ужалить.

– Юбка до пят, из марлевки, сто лет уже такие не носят. Соломенная шляпа, солома там, конечно, и не ночевала, синтетика. Из-под шляпы – темные волосы, каре, вроде бы. Лица не разглядела, очки черные в пол-лица, даже в помещении не сняла. Ярко-красная помада. Ну вот только ротик – как у Джулии Робертс. Всё!

– А чего, собственно, вы так переполошились из-за этой

тетки?

– Да не из-за тетки! Из-за монет.

– Мы с этим Сараем да с кладами скоро уже с ума сходить начнем. Везде монеты, монеты, монеты!..

– Теперь уже другой вопрос: почему она так прореагировала на Милкино появление?

– Прямо припадочная какая-то!

– Может, вы с ней все-таки знакомы?

– Да что ты, ей богу! Я бы узнала.

– Тем более странно! На милицейского работника ты никак не тянешь...

– Ну а монет ты так и не разглядела?

– Конечно, нет!

– Допустим, монеты из Сарая. Подделка или настоящие?..

– Допустим! Если подделка, то все становится более-менее понятным. Она и так настороже, а тут ты несешься, как танк. Просто нервы не выдержали.

– А если настоящие? Если они из того клада, что мы нашли?

– Тогда они расползаются, как тараканы.

– Есть и еще вариант: где-то имеется другой клад.

– А та шкатулка, что у нас в музее отрыли, – это уже третий? Но Никита сказал, что на той глубине, где в траншее нашли нашу шкатулку, она быть не могла, слишком мелко. «Биржевики» же не копали до культурных слоев.

– Так что же, ее сначала зарыли специально, чтоб потом

откопать? Но это же безумие какое-то! «Бриллиантовая рука»!

– И почему именно у нас в музее, именно в Артюховске, а не в другом городе или в том же Пороховом?

– И почему тетка объявилась в Артюховске, чтобы монеты продавать?

– Ну, этого мы не знаем, может, она не только в Артюховске успела побывать.

– В Пороховом нельзя, слишком близко от раскопок.

– И вполне вероятно, что это все провернул житель Порохового, чтоб подальше след увести.

– Тогда понятно, почему шкатулка – новодел, а монеты настоящие.

– Почему?

– Этому товарищу просто надо было выиграть время. Пока в Артюховске разберутся, что настоящее, а что нет! Экспертизы, то, сё. А в Пороховом – археологи рядом, специалисты. Вон, Шпигалев сходу определил.

Дамы задумались.

– И все-таки, что бы это значило – «из раскопа»? Может, монеты у него украли, из найденных ими? Помните, я рассказывала, в газете читала про две шкатулки?

– Тогда бы крали со шкатулкой!

– А если нельзя было? А несколько монет – можно!

– Тогда это кто-то из своих, шпигалевских. Потому он и мечется, Никита же сказал, что тень на него падает.

– Нет, не может быть! Археологи – бессребреники, это же их работа!

– Ой-ё-ёй! Как будто в банках банковские работники не воруют! Каждый день в новостях, мы же телевизор смотрим!

– А потом, они же наверняка давным-давно эти шкатулки сдали, куда положено, да по описи, да все пересчитали до монетки. Как-то там у них же все это делается!

– Может, новые откопали? В прессу же не всё попадает!

– Ага, каждый день – по шкатулке! Будет вам.

– Девочки, – задумчиво сказала Люся, – мы удалились в сторону. Если шкатулку в нашем музее закопали, для того, чтобы её нашли, то главный вопрос – кто же её закопал?

– Тот, кто знал про траншею!

– А пороховчанин никак не мог про нее знать!

– Неувязочка...

– Вот что: надо идти на «биржу». Сейчас там все равно уже никого нет, время послеобеденное, работнички так долго не сидят. Завтра с утра. Расспросим тех, что в музее траншею рыли.

– Эх, Лиды нет! Она бы с ними в два счета поговорила.

– А кстати, Люся, ты ей звонила?

– Звонила, – безнадежно махнула рукой Люся. – Она только пару вопросов Бурлакову успела задать, он ее остановил. «Любимая, – сказал, – я же знаю, откуда ветер дует. Все в свое время. Узнают твои подруги, что к чему. Тебе первой расскажу, как дело закроем. А пока – тайна следствия!»

– Гад!

– Скотина безрогая!

– То-то ему сейчас икается!

– Да ну, – вступилась по обыкновению Зоя, – это же его работа. И кстати, давайте уже обедать!

Впрочем, участия в том, чтобы накрывать на стол, она потом не приняла. Все это время задумчиво вышагивала по кухне.

– Уйди в зал, – рассердилась Люся, – не путайся под ногами!

– Не мешай ей! – вступилась Мила, – она думает.

– Пусть в зале думает, там ей никто мешать не будет!

Зоя в этот момент резко затормозила. Вероятно, ее память, в которой все это время шла подспудная работа, выдала конечный результат.

– Девочки, вы можете считать меня сумасшедшей, но если бы эта тетка...

– Какая тетка? – не поняла Люся, – в парикмахерской?

– В салоне! Если бы эта тетка не была теткой, я бы сказала, что это... Варвара!

– Какая Варвара? – теперь уже «не въехала» и голодная Мила.

– Не какая, а какой! «Любопытная Варвара»! Дружок Боцмана.

– Да с чего ты взяла?!

– Голос у него очень противный, но своеобразный.

– Как ты могла узнать его голос, если он сказал там, под стеной Сарая, всего пару фраз!

– Да, но каких фраз! – согласилась Мила уважительно. – Хотя до Бецмана ему, конечно, расти и расти.

– Голос тетки мне сразу показался знакомым, – задумчиво продолжала Зоя, – резкий такой, с приклатненными интонациями...

– Но мужской-то голос от женского можно отличить?

– Да не всегда! Если у женщины он прокуренный, низкого тембра, а у мужчины – высокий? Тут фактор одежды роль играет. Сразу настраиваешься на восприятие по половому признаку. Это первая реакция – во что человек одет.

– Бывают же похожие люди! А может, она родственница Варвары?

– Но с чего она так шарахнулась от Милы, как черт от ладана? Откуда она может знать Милу?

– И чем это, и когда я ей так насолила?!

– Может, Варвара замаскировался под тетку? – несколько колеблясь, предположила Мила.

– Зачем?

– Но – монеты же продавал! А если они – из Порохового городища? Для конспирации.

– Все! – решительно пресекла Люся. – Обедать! А то у вас на почве голода уже глюки начинаются.

Но и за обедом Люся с Милой продолжали, пережевывая

пищу не слишком тщательно, как советуют классики советского юмора Ильф и Петров, пережевывали и тему маскарада Варвары, странного поведения Шпигалева, шкатулок с монетами, монет без шкатулок, и всего, из этого следующего.

Зоя вяло жевала, опять погруженная в мыслительный процесс. Мила и Люся, кивая на нее, перемигивались, но не мешали: Чапай думает! Может, еще чего конструктивного придумает.

Поднеся ко рту вилку с наколотой на нее шпикачкой, Зоя вдруг застыла и медленно положила вилку обратно на тарелку.

– Девочки, я вспомнила, где видела Боцмана в первый раз!

– Ясно, где! Мы все его там видели! В первый раз – возле музея, когда калиткой снесли!

– Это был второй раз! В первый раз я его увидела, когда хотела у Никиты отпуск просить. Я тогда волновалась, что подвожу его, речь готовила, а он во дворе с рабочими рассчитывался. Я у окна стояла, когда рабочие уходили, и Боцман был среди них!

– Ты ничего не путаешь?!

– Нет! Я, конечно, видела его со спины, но подумала прямо Люсиными словами: походка, как будто две сумки подмышками несет. Я тогда была... м-м-м... в прострации, потому это и проскользнуло где-то по задворкам памяти.

– А тут из-за этой Варвары ты и вспомнила! По ассоциации!

– Мозговая атака!

– Нет, ну какие же мы все умные! – восхитилась Зоя

Она тоже хотела было добавить, что ей кажется, будто она и Варвару где-то когда-то вроде бы видела, но подумала, что это будет уже перебор. Подруги подумают, что у нее головокружение от успеха, не поверят и высмеют.

– Та-а-ак! – протянули Люся и Мила одновременно. – И что это значит?

– Что это его из Порохового понесло в Артюховск?

– Да еще и в бригаду «биржевиков» затесался! Подработать приехал? В селе – негде?

– Ближний свет! А потом, выходит, и второй раз приходил, терся там, вынюхивал!

– Может, музей грабануть хочет?!

– Да ну вас! Что там грабить? Старьё купеческое?

– Ну вы же умные, – с ласковой насмешкой сказала Зоя. – Сложите два и два!

– Он приезжал закопать шкатулку!

– А потом хотел удостовериться, что ее нашли, потому что в газетах ничего написано не было.

– Никита-то от интервью со Стасом Петровым отказался!

– И стал его злейшим врагом на всю оставшуюся жизнь!

– Значит, завтра с утра на «биржу». Водку купить и – «колоть» их, «колоть» жестко!

По этому поводу они налили себе по маленькой и с удовольствием закусили.

– Ну ладно, – сказала Люся. – Боцман и Варвара замешаны, однозначно, Шпигалев тоже каким-то боком причастен. Каким именно? Кто на него напал в крепости? Почему он сбежал от следователя из больницы и носится по степи, как оглашенный?

– А мне вот интересно еще одно, – промолвила Зоя, опять погруженная в мысли. – С какого боку тут шаман? Почему Боцман с Варварой его мутузили? Почему он покрывает Шпигалева?

– Светоч мысли ты наш! – сказали подруги безо всякой иронии. – А в самом деле, почему?

Прощаясь, обсудили еще один момент.

– Как вы думаете, девочки, – спросила Зоя, – Бурлакову позвонить? Рассказать?

– А ты как считаешь?

– Я бы рассказала!

– Шиш ему на постном масле! – сказала злопамятная Мила. – Как он нам, так и мы ему!

– Ну, у него же работа такая!

– О, этот твой постоянный аргумент!

– А что ты хочешь ему рассказать? – спросила Люся. – Про тетку, которая продавала монеты дедушки-нумизмата? И вам с Милой показалось, что у нее голос Варвары? А кто такая Варвара? Это, знаете ли, Вадим Сергеевич, вообще мужик, это мы его так прозвали! И он – друг Боцмана, который, вообще-то, не боцман, а незнамо кто. И где они живут, мы

не знаем, но нам кажется, что в Пороховом. А этот Боцман подкинул в наш музей шкатулку со старинными монетами, чтоб ее тут поскорее нашли. Ты сама вслушайся в этот бред!

– Бред, – согласилась Зоя. – Он сочтет, что мы в окончательном маразме.

– Ну вот!

– И про шкатулку, найденную в музее... – подключилась Мила. – Сначала бы с Никитой перемолвиться! А то мы как бы через его голову прыгаем. А он нам не чужой всё же, хоть почти уже и не начальник. И Шпигалев – его друг!

– Тогда так, – подытожила Зоя. – С утра – на «биржу», потом, по-быстренькому, к Никите. А обеденным автобусом – в Пороховое. Может, попадем к шаману. А если нет, то Надю с Васей осторожненько порасспрашиваем, опишем Боцмана и Варвару. Если они местные, их узнают по описанию, расскажут, что за фрукты. Вот тогда уже можно будет и звонить Бурлакову.

– Нас же звали на субботу!

– А мы приедем в пятницу, вроде как помочь!

– Ага, без приглашения и просьбы о помощи!

– Без них, – сказала Зоя. – Свои люди, не осудят. Да они еще благодарны будут, когда увидят, как Мила столы накрывает!

– Ты становишься пофигисткой, как наша дорогая подруга, – вздохнула Люся. – «Авось» да «небось»! Скоро я и от тебя услышу словечко – «рассосется»!

– Так мы же уже, практически, одной крови! Короче, сумки с продуктами и подарками с вечера приготовьте. Завтра будет некогда.

* * *

«Биржевики», как обычно, сидели в сквере на составленных в каре лавочках, под выкрашенным в канареечный цвет памятником Феликсу Эдмундовичу с младенцем на руках.

Было их не очень много. В летний сезон мужские руки, какие-никакие, хоть и принадлежащие пропойцам, ценились высоко. Спрос на них был хороший: ремонты, огороды – мало ли проблем у одиноких женщин?

Слава Богу, были среди присутствующих и те несколько человек, что копали недавно траншею в музее. Подошедшие к работничкам три женщины стали уже им почти как родные. Без лишних разговоров одна извлекла из объемистой сумки поллитру. Понимающие женщины, культурные.

– К нам прямо у ворот мужик один прибился, – рассказал бугор. – Здоровенный такой, мордатый, прилично одетый. Ну, не бомж, по крайней мере. «Братцы, – сказал, – возьмите в долю. Погудел вчера в кабаке, шалава кошелек вытащила. Не за что и домой доехать»!

– И вы взяли?

– Взяли, конечно, не денег же просит, работы. В беду человек попал.

– А потом?

– А потом он же и шкатулку с монетами откопал. А когда директор ему денег дал за это, он их нам все оставил, в благодарность. Хороший человек, справедливый.

– Не, не путай! – вклинился один из рядовых тружеников. – Шкатулку он нашел во второй раз.

– В какой-такой второй раз?!

– Так он к нам два раза подходил. Второй раз специально приехал, чтоб нас отблагодарить. С понятиями человек! Вот только дурак.

– Чего это он дурак? – возмутился бугор.

– Кто клад нашел? Мы! Чего было в музей отдавать? Может, ему цена – миллион долларов! Надо было себе оставить.

– Ряба, ты как с Луны! Он же тебе русским языком сказал: по закону, на чьей земле найдено – того и клад. Нашедшему долю выплатят после экспертизы и проверки ментовской, не краденое ли. Ага, тебе с твоей рожей только в проверке и засветиться! Во всех кражах за последний год признаешься. А тут тебе взамен – живые деньги, приличные!

Враги делятся на три вида: враг, враг друга, друг врага

В Пороховое они прибыли последним автобусом, как раз к ужину. И не они одни, как выяснилось. Заранее приехали и две дочери. Одна с мужем и тремя детьми, другая – безмужняя, с двумя. «Разбежались с мужем», шепнула Надя.

Приехали они с той же благой целью: помочь в готовке. Но их-то ждали! В просторном дворе уже был устроен шатер в

летнем варианте: навес со стенами из москитной сетки. Сейчас сетка была скатана и закреплена на пластиковой крыше навеса, а завтра вечером, когда начнут лютовать комары, ее опустят. Вечером-то как раз самое веселье и начнется. И наряды новобрачных, и меню давно были обдуманы.

– А кто будет тамадой? – поинтересовалась Зоя. – Из города пригласили?

– Зачем нам городские?! У нас и свои имеются. Сеня-младенец будет вести, пока не накушается, а потом – баян, магнитофон, тамада тогда уже никому и нужен не будет. Каждый себе – тамада!

– Младенец?

– Это кличка у него. Он, когда рюмку поднимает, обязательно перекрестит ее и примолвит: «Да не пойдешь во вред младенцу Семёну! Да выйди нечистая сила, да вселись праведная»!

– А когда накушается?

– Ну, это не скоро случается! Практически весь вечер отведёт. Зато веселья! Балагур, анекдотчик, песенник! Такой тенор – Лемешев, Козловский! Цены ему нет как ведущему, ваши городские в подметки ему не годятся!

– А когда накушается, – подключился Вася, – его жена на плечо себе погрузит и относит домой. Он – мужчина миниатюрный, а Ленка – женщина ба-а-алшая! В большой любви проживают, однако.

– Еще у него кличка – «Сеня-символический».

– Почему?

– Не любит тех, кто в застолье мало пьет или не пьет совсем. Зачем тогда пришли на торжество, говорит! Сидели бы дома, не портили людям праздник! Он таких с самого начала вычисляет и прилипает, как репей. Еще никто от него не мог отбояриться.

– Да, точно! Для таких гостей у него в кармане специально стакан граненый, советский, и вот он уговаривает: «Ну, пять капель, чисто символически!», а когда гость сломался, вбухивает полный стакан.

Какие инквизиторские методы! – подумала Зоя Васильевна, и в уме сделала пометку: поставить под стол, возле ноги, бутылку минералки без газа, и наполнять свою рюмку по мере необходимости.

– А вот вы говорите, Лена – большая женщина. Наверно, голос у нее грубый, резкий? – заинтересовалась Люся. – Такой... прокуренный?

– А вот и нет! Голосок ангельский. Полное несоответствие комплекции. Вообще, пара занятная! Мы-то уже привыкли к ним.

В кухню, где они ужинали за большим столом, всплыла младшая внучка Нади и Васи, от той дочери, что безмужняя. На голове у нее красовалась бумажная корона, на плечи была накинута старенькая тюлевая штора, завязанная на груди грубым узлом и волочившаяся по полу. В одной руке она держала пластмассовую палочку – волшебную палочку

одной из своих кукол-феечек, а в другой – небольшой резиновый мяч. Скипетр и держава.

– Королева хочет конфет! – грозно промолвила самодержица.

– У королевы диатез, ей нельзя много сладкого, – возразила мать, Олеся.

– Королевам нельзя отказывать! Все их желания надо исполнять!

– А вот я возьму и откажу!

– Тем, кто не выполняет желания королевы, отрубают головы!

– Я сейчас королеве за такие слова по заднице надаю! – сказал, приподнимаясь, дедушка Вася.

Королева с хохотом кинулась наутёк, но запуталась в мантии и шлепнулась на пороге. Смех сменился на утробный рёв. Периодически королева отрывала голову от пола и зорко взглядывала на публику. Вскоре стало ясно, что подданные не слишком-то реагируют, и испуганный рев перешел в горловой, нарочитый.

– Она устала, – вступилась сердобольная бабушка королевы. – Пора ее мыть, поить кефиром и укладывать.

Подруги поняли, что пора и им, и поднялись из-за стола.

– А вы куда?! Сидите-сидите! Еще чай будем пить!

– Нет-нет, нам тоже уже пора. Куда еще чай?! Мы пойдем ночевать в караван-сарай.

– Да вы что, в такую даль!

– Да какую там даль? Дойдем, еще совсем светло.

– Еще чего! – вскинулся Вася. – Выдумали! Кто вас там сегодня ждет? Под выходные рыбаки и туристы приезжают. Небось, все места заняты! Сколько там той гостиницы, не больше десяти мест, наверное.

– Мы везучие, устроимся! Что ж мы, как снег на голову вам свалились!

– Нет-нет, и не думайте! Меня люди засмеют! Гостей в Сарай ночевать отправила! Разместимся как-нибудь, мужики в пологе во дворе лягут.

– Какой полог, у вас шатер весь двор занимает! – сказала Люся, глядя с осуждением за Зою.

Вот, мол, плоды твоего эксперимента. Поставили людей в неудобное положение. Зоя и сама мучилась чувством вины.

– Нет, мы пойдем всё-таки, нам хочется прогуляться, после такого-то ужина! – мотивировала она. – Утрясти надо!

– У вас такие красивые места, – не отставала и Мила. – И мы совсем не устали! В кои-то веки на природе побываем.

– Ну, тогда подождем немножко, Вася съездит к сестре, посуду нужно привезти. А потом он вас отвезет, и если мест в гостинице не будет, привезет обратно.

– Чего мы Васю будем ждать, время вести! Гляди, и темнеть начнет!

– И найдут нам места, куда они от нас денутся, мы любого уболтаем!

– Тогда пойдем потихоньку, я сама вас провожу до Сарая,

а Вася посуду привезет и за мной подскочит. Иначе я и ночь спать не буду. Срам какой!

Пришли, наконец, к консенсусу. Вася уехал с зятем за посудой, Олеся с Викой занялись детьми. Женщины начали собираться в путь, и не ближний, но и не особо дальний, уже им знакомый.

Надя взяла стоявшую у ворот штыковую лопату и вытащила из нее черенок.

– Хозяин! – сказала насмешливо. – Никак не закрепит, гвоздь ему вбить некогда.

– А зачем ты его берешь? – заинтересовалась Мила.

– Собак развелось по селу!

– А я от собак, вернее, для собак, хлеб в сумке всегда ношу, – похвасталась своим ноу-хау Зоя.

– От четвероногих, может, и поможет, но не от двуногих.

– А... что... небезопасно у вас? – струхнули дамы, в момент растеряв смелость.

– Да было безопасно, а теперь, после того, как рыбак пропал, как-то заопасались. Слышали, поди?

– Нет, откуда? – прикинулись валенками подруги. – Расскажи!

– По дороге расскажу! Да это я так, на всякий случай, – успокоила Надя, видя, что гости заметно обеспокоились. – Говорю же, оставайтесь!

– Да нет уж, решили – так идемте уже!

Степные комары были злыми и наглými. Они бесстрашно

бросались на путниц, как камикадзе, и гибли под их ударами, не предпринимая ни малейших попыток спастись. Скоро лица, руки и ноги путешественниц покрылись кровавыми разводами и стали напоминать боевую раскраску индейцев. Они горько пожалели, что не послушали Надю и не дождались Васи.

Между тем сама Надя шла спокойно, беспечно помахивая черенком лопаты, как английский денди тростью. Ни одной собаки – ни двуногой, ни четвероногой – им так и не встретилось.

– Они что, тебя совсем не кусают?! – жалобно простонала Зоя.

– Они своих не трогают! – пошутила Надя. – Небось, ваши, артюховские, тоже вас не трогают?

– Еще как трогают! Мила вон круглый год в палатке спит.

– Как так?

Надя долго хохотала. Дорогой она рассказала историю про пропавшего рыбака, уже известную ее гостям лучше, чем ей самой. Но гости жаждали подробностей, деталей, а их Надя не знала – только те, что передавал деревенский бабий телефон. У нее же не было под рукой ни Бурлакова, ни Никиты со Шпигалевым.

– А вот, Надя, не знаешь ли ты, случайно, такого мужика?.. – и Зоя описала Боцмана. – Он, вроде бы, в вашем селе живет.

– Здоровый?... Матерщинник?... – задумалась Надя. – Да у

нас пол-села таких!

– У него еще друг такой – пониже, но толстый...

– С усиками такими дурацкими! Как у Гитлера.

– И тоже матерщинник!

– Ой, да про мат вы даже и не говорите! Тоже мне, особая примета! У нас младенцы матерятся.

– У нас, честно говоря, тоже, – призналась Зоя. – У этого друга может быть сестра, и они очень похожи.

– Даже не придумаю, кто такой, – опечалилась Надя. – А других примет нет?

– Есть! – вспомнили подруги самое главное. – У этого Боцмана... то есть, у здорового... походка смешная. Ходит враскачку, как по палубе, и руки держит колесом, как будто что-то носит подмышками.

– А-а-а! – осенило Надю. – Так это Генка Звягинцев! Крокодил Гена. Он недавно в село вернулся, а то все по белу свету мотался. Только он не плавал, а все больше на суше, по разным экспедициям. Говорит, «я гоняюсь за туманом»! Только враньё это, жлоб он, за копейку удавится.

– А друг?

– А вот друзей у него здесь и не осталось никого: кто умер, кто уехал, кто за ум взялся, семейно живет. С усиками, говорите?... Может, это Шурик? Так он в Сарае работает, там же и живет. Уж не знаю, какие они с Генкой друзья, но мы с Васей как-то видели их на остановке, вместе они сидели. А мы внуков домой в город отвозили, не остановились подо-

брать. А зачем он вам?

– Да он Миле понравился! – заторопилась Люся, и Миле пришлось захлопнуть рот в возмущении. – Мы с ним в прошлый раз возле Сарая встретились!

– Да-а-а? – протянула Надя, глядя с недоверием на Милу, kloкочущую от гнева. – Странно... Чему там нравиться?... Лично я бы, извините, конечно, на одном гектаре с ним не присела. Ну да на вкус и цвет, как говорится...

В глазах Нади Милкина репутация опустилась ниже некуда.

– Он нам всем очень... понравился! – Мила в отместку решила уронить репутацию подруг. – Только Люся признаться не хочет. Чего ты застеснялась-то?

До Нади дошло, что тут кроется какой-то подтекст, но объяснять, какой именно, ей никто не собирался.

– А где он сейчас работает, этот Гена-крокодил?

– К археологам подался.

– К археологам?

– Наверно, золотые горы ему посулили, иначе не пошел бы. Но, говорит, только на этот сезон, не по мне, говорит, работенка. Его наш председатель сельсовета уболтал.

– А кому говорит?

– Да всем. Васе говорил.

– Так он же в степи, на раскопках!

– Не знаю! По-моему, он в селе чаще болтается, чем у археологов вкалывает.

– А Шурик – он кто? Тоже ваш, сельский?

– Шурик вам тоже понравился?

– Ну... да... Зое!

Зоя от возмущения пискнула. Надя глядела на них как на больных.

– Нет, Шурик не наш. Приезжий. Толком не знаю, откуда, недавно появился в Пороховом. Он чеканщик.

– Чеканщик?!

– Ну, в юрте ремесленника сувенирные монеты чеканит на станке. Там, вроде бы, и живет. Ну, вот мы и дошли! В компании, да за разговорами, оно и незаметно. Но где ж это Вася?! Уже пора бы ему и догнать нас!

Васи не было. У Васи было проколото колесо. Желая сократить путь, он поехал напрямки, по переулкам, и поймал гвоздь. Кляня себя за недалекость, местную власть – за бездеятельность, региональную – за потворство бездеятельности, а заодно и федеральную – за общий бардак в стране, он спешил поставить запаску, представляя, как жена пышет яростью, и чем это все для него закончится.

– Как бы не пришлось и мне тут с вами ночевать! Может, и для меня место в караван-сараяе найдется, – уже злилась Надя.

Караван-сарай, или гостиница, или постоялый двор, представляла собой две рядом стоящие юрты. Одна для постояльцев-мужчин, другая – женская. Внутри юрта устроена была как общежитие: посредине неширокий коридор, делящий

помещение на две равных половины. По обе стороны его – легкие перегородки из ДВП, оклеенные скромными обоями под дерево. Имитация крепких стен.

В каждой стене – по две двери. Всего четыре комнаты, две трехместных и две двухместных. У самого входа – столик, за которым восседала дежурная, молоденькая девушка-казашка.

Из одной комнаты вышли две девушки, взглянули равнодушно на новоприбывших, но поздоровались и направились к выходу.

– У нас вход до одиннадцати! – крикнула им вслед хозяйка ли гостиницы, дочь ли хозяйки, портье ли, или как их там раньше называли, в средние века.

– К мужьям пошли, – объяснила девушка. – В мужскую юрту. Вы заселиться хотите?

– Очень хотим! Найдете три места?

– Да хоть восемь! Только одну комнату и заняли – эти самые девушки. Вы вместе хотите? Давайте паспорта.

Дамы, предчувствуя крах своей идеи, растерянно переглянулись: и зачем это они взяли бы с собой паспорта, едучи в гости, в село, на один денек всего!

– Что, нету? – с сочувствием спросила девушка. – Ну, ладно! Заселю без паспортов. Вы же не бандитки какие, женщины пожилые, приличные. В степь не пойдете у костра песни под гитару петь, до утра? Рассвет встречать? – смеясь, уточнила она. – Там змеи!

Дам передернуло.

– Тетя Надя, твои гости? На юбилей приехали?

– Мои, Айгуль! Так неудобно получилось!

– Да ничего страшного! И мне веселее, когда народу больше.

– А что, народу всегда мало?

– Раз на раз не приходится. Но женщин всегда бывает меньше, а в мужской – в сезон под завязку. Иной раз приходится нескольких мужчин сюда селить. С согласия дам, конечно! Одну-то ночь переночевать!..

– А не страшно вам здесь одной ночью?

– Почему одной? Со мной здесь брат дежурит, иногда мама. В мужской юрте – тоже дежурный, мужчина. И на стоянке, за юртой, охранник. Здоровые дяденьки!

– На какой стоянке?

– А вы не заметили? За мужской юртой площадка огорожена, там водители своих «коней» оставляют. Раньше в караван-сараях дворики для животных были, верблюдов ставить, а теперь – для автомобилей. Да и совсем недалеко от нас – юрта охраны. Там несколько ребят постоянно живут, которые город охраняют. И еще кое-кто не уезжает. Шурик-чеканщик, например. Шаман Акылбай. Нет, у нас здесь не страшно.

Она проводила женщин в их номер.

– Умыться хотите? – спросила Айгуль, глядя на расписные лица постоялиц.

– Да мы потом! Вот Васю дождемся, Надю проводим...

Васи все не было. Надя уже нервничала всерьез и решила ждать мужа на улице, невзирая на комаров. Подруги вышли с ней.

Темнота на юге летом падает сразу. Вот только что солнце еще цеплялось за краешек неба, пока они шли, потом скатилось за горизонт, когда подошли к юрте. А пока они «оформлялись» в гостинице, совсем стемнело.

Над юртами-гостиницами горело по фонарю, освещая пяточки земли перед входом, над автостоянкой тоже. И еще кое-где, освещая вход в три или четыре юрты. Там тоже жили.

– А от чего они работают? – заинтересовалась Люся. – Фонари, то есть? И что-то же есть надо всем, кто здесь живет? На чем-то готовить? В чем-то хранить еду?

– А Бог их знает! Я в этом не сильна. Какие-нибудь движки, дизели, генераторы... До чего люди не додумаются!

– А вот шаман... – начала Зоя. – Он тоже здесь живет? Даже зимой? Зимой-то, наверно, сюда никто не ездит? Дорогу же развозит?

– Зимой, конечно, не ездят. Все сворачивается. А про шамана не знаю, вам Айгуль расскажет. Он у нас недавно. Но, по-моему, тоже здесь живет, в селе его не видят. Я, например, даже не знаю, как он выглядит. На прием я к нему не ходила, а кто из наших ходил – так и все равно не узнают, наверно. Он же там – в форменной одежде своей, да в маске.

Женщины примолкли, замороженные. Пели сверчки, трещали кузнечики. Из степи родившийся ветерок приносил запах горькой свежести. И река была не очень далеко. И комары исчезли.

Чтобы не торчать на освещенном пятачке – как-то неудобно было стоять на свету – женщины отступили в тень, к стене юрты, и напряженно вглядывались в дорогу, по которой пришли, не замелькает ли свет фар.

Фар видно не было, но они углядели кое-что другое. Вернее, кое-кого. Мимо их юрты прошеествовали два человека. Они шли молча и не вступили в круг света, но этого скудного освещения было достаточно, чтобы узнать колоритные фигуры Боцмана и Любопытной Варвары. То есть, теперь уже скрывающихся за этими псевдонимами Генки Звягинцева и пока еще бесфамильного Шурика-чеканщика. Дамы, словно зомби, не сговариваясь, двинулись за ними.

– Вы куда?! – зашипела Надя, цапнув за руку Зою. – Нашли время амуры разводить!

– Нам надо кое-что узнать, – шепотом, но решительно сказала Зоя. – Наденька, отпусти меня, пожалуйста. Мне девочек надо догонять. А ты оставайся ждать Васю.

И растерявшаяся Наденька выпустила ее руку.

* * *

Зоя догнала девочек как раз в тот момент, когда парочка

заходила в одну из юрт. Они не знали, где находится юрта Шурика, но знали юрту шамана, а Гена с Шуриком вошли именно в его юрту.

Почему-то Акылбай не запер свой дом изнутри в уже довольно позднюю пору. Или они здесь, в глухой степи, все так беспечны и никого не боятся? Или он уверен, что духи защитят его от злых людей? Или это условленная встреча, и они все трое – одна шайка-лейка?

Почему-то Зое Васильевне было горько от этой мысли. И что же им следовало делать? Не переться же в юрту и кричать «руки вверх, вы окружены»? Или – «признавайтесь, нам все известно»?

Бесшабашная Мила придвинулась к брезентовой стенке и приложила к ней ухо. Трясушаяся Зоя, сердце которой бухало в самом низу живота, прижала ухо к другой брезентовой стене. Люся, пометавшись между ними и не определившись, рядом с кем пристроиться, обошла юрту и приникла ухом с тыла. У нее, наоборот, сердце стучало в горле.

Люся, послушав и ничего не услышав, расстегнула молнию на сумке и схватила лежавший в сумке носок с лунным камнем внутри. Какое счастье, что, устроившись в гостинице, они вышли постоять с Надей в ожидании Васи, не оставив своих сумок. Спасибо бабской идиотской хронической привычке – всю жизнь таскать сумки, забывая про них. Так, как будто их ручки выросли в ладонь, стали частью руки!

У премудрой Милы все сумочки – на ремешках да на це-

почках, всегда на плече, руки свободны. Наученная опытом, Люся понимала, что в Пороховое, где якобы спокойно и безопасно, нельзя являться безоружными. Люся отдавала себе отчет, что они едут не только на юбилей, а будут еще и, по возможности, попутно, выслеживать Бощмана с Варварой.

Уже зная нрав этих двоих и то, что это отнюдь не законопослушные граждане, Люся подумала об их возможной непредвиденной встрече и непредсказуемых последствиях ее. В предыдущую их нечаянную встречу поблизости нашлась палка, а если теперь не найдется? Поколебавшись между кухонным разделочным молотком и лунным камнем, она решила остановить свой выбор на последнем. Он тяжелее, но компактнее, и будет не так бросаться в глаза. А то дорогие подруги сживут ее со свету насмешками, если ничего не случится, или если нечаянной встречи вообще не произойдет. Пусть лунный камень принесет хоть какую-то пользу, а может, даже, защитит Люсю.

Мышку она клятвенно заверила, что вернет камень в целости и сохранности, чтобы та не обольщалась пустыми надеждами. И Люся с трудом запихнула камень в старый вязаный носок, чтобы не так бросался в глаза, когда придется открывать сумку.

У Зайки в сумке всегда – неизменная бутылка минералки. Правда, по дороге в Сарай они, после сытного Надиного ужина, отпили из нее, и бутылка теперь полегчала минимум на пол-литра, но все же это лучше, чем ничего! Ну а у Мил-

ки, как обычно, – ее габариты. Тут Люся немножко самоутешалась, преувеличивая боевые ресурсы подруги: Мила была женщиной статной и крупной, но отнюдь не великаншей.

В юрте, между тем, страсти накалялись. Слова сливались в гул, но, зная лексикон сладкой парочки, нетрудно было догадаться, какие слова там звучали. Можно было отличить истеричные интонации Варвары, угрожающие – Бодмана. И тут раздался болезненный вскрик шамана. Следовательно, он был не в лагере Бодмана, и та ссора под крепостной стеной была не просто размолвкой компаньонов! Так подумала, почему-то с облегчением, Зоя Васильевна.

Три наших героини воспитывались родителями-атеистами, с одной стороны, в духе отрицания религиозной морали. С другой же стороны – они взрастали на принципах морального кодекса строителя коммунизма, которые были сдuty с библейских заповедей.

Воспитывайся они сейчас, могли бы с чистой совестью предоставить событиям развиваться своим чередом. Каждый получает, что заслужил, так ведь? Разве это их проблемы? Шаман имел неосторожность во что-то впутаться. Они – всего лишь старые слабые женщины. Ну, может, могли бы отойти подальше и позвонить в полицию или, чтоб придать ускорение действиям полиции, тому же дорогому другу Бурлакову, чтоб дал пинка коллегам для ускорения.

Но как бы они жили дальше? Как бы мирились со своей совестью потом? А если в юрте убивают человека?!

– Девочки! – воскликнула на этот раз первой Зоя Васильевна, а не импульсивная Мила.

Девочкам не надо было объяснять дальнейшую тактику и стратегию. Каждая по ходу действий решала ее для себя сама. С максимальной скоростью, на которую были способны, они устремились ко входу и влетели внутрь, одна за одной. Зоя – первой.

Первой же она и увидела неширокую мужскую спину в темной майке с длинными рукавами. Пока они бежали, за секунду до их появления, в юрту тенью проскользнул еще один человек. Именно его спину увидела Зоя. В руках у него было ружье.

Непонятно, в кого он целился, и вообще, кто был таков, но на разборки не было времени. Ружье говорило само за себя, оно несло угрозу.

На их топот фигура в черном развернулась фасадом, и Зоя с удивлением признала в ней Акылбая. Не меньшее удивление отразилось и на лице шамана – он узрел перед собой трех баб, не так давно им встреченных у моста. Лица баб были разрисованы кровавыми полосами и пятнами, как будто над ними поработал художник-абстракционист. В эти секунды Зоя Васильевна могла убедиться, что выражение «от удивления отвисла челюсть» – не просто фигура речи.

Она почему-то ухнула и, ощутив в сердце укол жалости, опустила на голову шамана свою сумку, мысленно прокляв Надин ужин и несвоевременную жажду подруг.

Возможно, если бы бутылка с минералкой была полной, удар не получился бы таким эффективным, замах был бы слабее. Шаман был чуть-чуть повыше Зои, пальца на два, и удар пришелся ему не по кумполу, а в висок. Он выронил ружье и прилег. Ружье выстрелило в стену, почти у пола.

Ослабев от усилия, стресса и ужаса от содеянного, Зоя прилегла рядом. Падая, она все же успела заметить, что в центре юрты на разостланном коврике и голый до пояса, сидит, тоже с отвисшей челюстью, еще один шаман. «Вот и глюки», – успела еще она подумать.

Чем в эти мгновения занимались обе ее дорогие подруги, нужно рассказывать по отдельности. Но, понятное дело, все происходило одновременно.

Мила, уже в пути решив, что берет на себя основную угрозу – Боцмана (они по-прежнему называли его так, по привычке), влетев в юрту, отыскала его глазами. Тот стоял посреди юрты с вытаращенными глазами и держал за волосы шамана, отчего голова Акылбая была неестественно задрана. Он был так удивлен их появлением, что даже не матерился и непроизвольно ослабил хватку.

Мила замахнулась левой рукой, но Боцман руку перехватил. Глупыш, хоть и Боцман! Он не догадывался, что это был ложный финт: Мила не зря читала и смотрела по телевизору множество детективов, и боевиков, в том числе. Подруги не понимали и не разделяли ее увлечения.

С правой руки Мила врезала Боцману по голове своей лег-

комысленной сумочкой. Ему этот удар был бы как укус блохи, если бы в сумочке Милы не лежал молоток для разделки мяса. Сумочка, наоборот, смягчила удар.

А было так. Не только Люся просчитывала последствия возможной встречи со злодеями. Подруги считали Милу бесшабашной и храброй, а она была женщиной, скорее, экспрессивной, и в порыве чувств, на эмоциях, скорой на решения. Она слегка подыгрывала своим осторожным, разумным, сдержанным подругам. Да и приятно иметь репутацию героической женщины, тем более, что репутация эта не на пустом месте возникла.

Во всяком случае, перед поездкой Мила задумалась о скудости своего традиционного арсенала – больших габаритах. Не так уж они и велики, габариты. Внимательно обследовав свое жилье, в основном, кухню, Мила остановила выбор на железном молотке. Сумочка, в которую молоток помещался, была столь же легкомысленной на вид, как и остальные ее сумки, но все же, как выяснилось, более функциональной. То есть, соответствовала длине молотка.

Подругам Мила о своем новом оружии не стала рассказывать, чтобы не подрывать собственного авторитета и во избежание паники в рядах.

Ростом Мила была ниже Боцмана, но сработал эффект неожиданности и приличный вес молотка: Боцман, правой рукой продолжавший удерживать Милину левую руку, непроизвольно выпустил из своей левой голову шамана и

почесал место удара. Этого мгновения хватило Акылбаю. Он что-то такое сделал, какое-то молниеносное движение, и Бецман тоже успокоился на земляном, покрытом стареньким ковром полу.

Прямо поле боя, заполненное телами убитых. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» процитировала бы Зайка, если б не валялась у входа. «Или – телами?» – мимо-летно посомневалась Мила.

Люсе приходилось туго: она и дамой была subtilной, и не смотрела боевики. По умолчанию ей достался Варвара. Лунный камень опять не оправдал ожиданий и не долетел до цели: рыхлый Варвара рванул Люсину сумку едва не с ее рукой, так что она от толчка тоже полетела на пол. В этот момент Варваре на голову с силой опустился черенок лопаты, сопровождаемый утробным Надиным кряканьем.

Варвара опечалился, но устоял на ногах. Но это был еще не конец. Влетевший следом за Надей Вася трудовым мозолистым кулаком окончательно поверг его ниц. Всё, нокаут.

Как оказалось, столь неожиданно покинутая подругами Надя не поверила в амурные интересы дам, и забеспокоилась. Долг гостеприимства, словно набат, призывал ее, и, поколебавшись, она рванула за подругами на шум битвы. В это самое время подъехал Вася. Увидев улепетывающую от него жену, он, в недоумении, последовал за ней.

И вот звенящая тишина опустилась на поле битвы, как на любое поле после сражения.

Но и это был еще не конец.

Снаружи взвыла сирена. В распахнутую дверь юрты, нарушив тишину, стали вбегать люди в камуфляже и масках, выкрикивая своё обязательное «всем лежать!», «работает ОМОН!», «руки за голову!», «оружие на пол!» и другие положенные для таких случаев фразы. Это были люди Бурлакова.

Потом вошел и он, собственной персоной. И стал много, громко говорить, иногда срываясь на крик. Они, оказывается, уже «пасли» Боцмана и Варвару, а он руководил операцией. А три его артюховские старые приятельницы немножко поспешили, и тем самым чуть не сгубили всю операцию.

– А если бы Акылбая за это время убили? Пока вы там на выпасе гуляли? – зло спросила уже немного оправившаяся Зоя Васильевна.

При этом она слегка затруднилась, вычисляя, какого именно Акылбая она имеет в виду. Первый Акылбай, тот, которого она обезвредила, сам мог кого-то убить. Он тоже уже оклемался и сидел на полу рядом с ней. Второй, тот, которого спасала Мила, так и стоял рядом с Милой, над телом поверженного и скованного Боцмана.

Бурлаков внимательно на нее взглянул, ничего не ответил, только головой покачал: не царское, мол, дело – вступать в дискуссию с женщиной. Тем более, женщиной в посттравматическом и послешоковом состоянии. Тем более, находясь при исполнении. И, кроме того, были у него еще и другие

дела.

Он подошел к Варваре-Шурику, на которого уже были надеты наручники. Его, подняв с полу, бережно поддерживали под руки двое дюжих ребят в камуфляже. Бурлаков ласково к нему обратился:

– Ну что, Александра Григорьевна Коротун? Кончен бал, погасли свечи? Снимаем маски? – и отлепил ему мерзкие гитлеровские усики, которые так раздражали подруг.

– Да пошел ты!.. – вяло сказал Варвара-Шурик, то есть, как выяснилось, Александра Григорьевна.

Почему-то Зоя Васильевна не была удивлена. Скорее, почувствовала удовлетворение. Что-то подобное они ведь предполагали, но отметили, как версию фантастическую.

Вот почему он и был таким рыхлым, расплывшимся и носил широкие спортивные штаны и ковбойку навыпуск! Чтобы скрыть свои какие-никакие формы и бабский живот!

Но как же – Боцман? Он что, не догадывался?

А Боцман – Гена Звягинцев – тихонько застонал и, по обыкновению, выдал сочную тираду.

– Ну, ну, легче! – отчески пожурил его Бурлаков, – Не при дамах же!

Потом повернулся к остальным.

– А вы кто? – с любопытством обратился он к первому Акылбаю.

Тот отвечать не спешил.

– Это Ораз, – прозвучал голос, какой-то безжизненный,

бесцветный, второго Акылбая. – Он мой младший брат.

Вор не стыдится воровать, а ты стыдишься его ловить

Александра Григорьевна стала Коротун только во втором браке. Девичья ее фамилия была Полуянова, а по первому мужу – Гмызова.

Она была детдомовкой, и ее никто никогда не удочерял. За Мишу Гмызова выходила по большой, не первой, но еще юношеской любви. Любимый муж приобщил ее к миру криминала, в котором, как выяснилось, вращался.

Он очень скоро сел, и надолго, а Шуре необходимо было срочно менять фамилию, в целях хоть минимальной конспирации и легализации. К тому времени она тоже успела засветиться, имя её в определенных кругах уже становилось известным.

Амплуа Шуры стало – мошенница широкого профиля. Красавицей она никогда не была, в фигуре Шуры никогда и намека не было на модельные формы. Неладно скроена, хоть и крепко сшита. Лицо тоже не соответствовало канонам красоты никакой эпохи, ни Возрождения, ни Серебряного века, ни современности. И все же в девушках она нравилась свежестью молодости, позже – веселым и гибким характером, талантом сделать к мужчине первый шаг. В отношениях она всегда была ведущей, лидером.

Подвернувшийся ей Валентин Коротун не стал исключением. Брак их продлился полгода, пока не отпала нужда. Быстренько разведясь, Шура оставила фамилию мужа, но при этом поняла, что замужество – проблема хлопотная. Да и смена фамилии – не стопроцентная гарантия конспирации, следы в документах все равно остаются. Поэтому отныне она просто пользовалась украденными паспортами.

Счастливая звезда хранила её, до сих пор у Шуры не случилось ни одной отсидки.

И вот судьба забросила ее в Магаданский край – не в казенном вагоне, а по своей воле. Здесь она решила передохнуть и осмотреться. В поселке золотоискателей Шура работала поварихой и скучала в ожидании счастливых перемен.

Как водится, Шура и здесь пользовалась успехом, и по причине немногочисленности дамского общества, и в силу своих душевных качеств и женского опыта, и с учетом хлебного рабочего места. Вскоре она подарила свою благосклонность шоферюге Герману, и, пообщавшись близко, они поняли, что обрели друг в друге родственные души.

У них были схожие мечты и общие устремления. Золотишко под ногами посреди улиц не валялось, контроль, учет и ментовский надзор в поселке были строгими. Нужно было идти другими путями. Шура взяла под плотную опеку знакомую девушку-кассира, стала ей матерью родной и постепенно вытрясла из девушки всё, что могла, на предмет распорядка в местном отделении банка. В общем, переквалифици-

цировалась из мошенниц в наводчицы. Хочешь жить – умей вертеться!

Герман тем временем присматривал компаньона, и присмотрел. А до этого они как бы расстались с Шурой, чтобы отвести от нее подозрения.

Кассу компаньоны взяли, и, пока зарывали в лесу, корешок Германа нашел там и упокоение на дне озера. Не корысти ради, а для достоверности того факта, что денег нет, – на случай ареста. Сбежал компаньон, деньги прихватив, сволочь!

Ареста Герман ждать не стал, сразу подался в бега. И все равно далеко не убежал, взяли на узловой станции. Шура все это время жила – как грешник, поджариваемый на сковородке, на маленьком огне.

Но ждала. Деньги были рядом. Через месяц примерно голубь на крыльях любви принес ей весточку из следственного изолятора. Роль голубя исполнил освобожденный из камеры охранник ЧОПа, переведенный по ходу расследования его дела из обвиняемых в категорию свидетелей.

Герман писал, что все будет хорошо, чтоб ждала и не суежилась. Чего, конкретно, ждать? Шура, пораскинув мозгами, решила не тянуть волюнку и стала обдумывать будущее.

К ней подбивал клинья рабочий с прииска Генка Звягинцев. Присмотревшись к нему, решила пока остановить выбор на нем и приручать потихоньку. Одинокой женщине без мужского плеча трудно.

В следующем послании Герман написал, что он уже в курсе того, что Шура живет не слишком целомудренной жизнью. И по этой причине ей, дай только срок, не поздоровится. Но если вздумает финт выкинуть, он расскажет в ментовке о ее роли в операции. Какой именно финт он имел ввиду – не объяснил.

Полиция к тому времени, вроде бы, уже поверила, что она не при делах: с Германом-то они расстались задолго до дела. Подписку о невыезде сняли, проверять не приходили. И Шура, все обмыслив, рассказала Гене романтическую историю про ревнивого оставленного ею Германа, про его угрозы, про то, в каком постоянном страхе она живет, и про свое желание куда-нибудь уехать.

Гена – дурак-дураком, вроде бы ухмылялся и временами зорко на нее поглядывал. Он чувал, что бабенка не так проста, и что не только страх перед ревнивым бывшим милым другом ее тяготит.

– Сваливать тебе надо! – с этим он был согласен. – Скрыться. Тут надо подумать.

Придумал он вот что: женщин в поселке мало, практически все разобраны. С хранением документов все бабы сверхаккуратны. У мужика паспорт украсть проще. А не побыть ли какое-то время Шуре мужиком? Комплекция подходящая, при больших объемах – груди почти и нет. Будет утягивать. Годик-другой, а там видно будет. Найдется женский паспорт. Как-нибудь легализуется!

Они использовали уже проверенную схему: разбежались как бы. Встречались нечасто, в безлюдных местах. Гена широко анонсировал свой отъезд, зачитывал со слезой в голосе письма матери, призывающей блудного сына вернуться, рассмотреть ее одинокую старость.

Потом Гена, наконец, выкрал паспорт у приятеля, напоив того до пороссячьего визга. Приятеля звали Александром, Сашком. Ну не знак ли судьбы?

– Не нужно переучиваться, – шутил Гена, – была Шурой, станешь Шуриком. И возраст подходящий, всего три года разницы. Фотографию переклеим – делов-то куча!

Сашок спохватился не скоро, и долго не мог сообразить, где же это он сумел посеять документы. Все искал по углам, а Гена ему помогал и журил: пить, мол, меньше надо. И это он говорил вполне искренне.

Шура вскоре тоже поняла, что Гена отнюдь не так прост, как кажется. Она подала заявление на увольнение и, отработав положенные две недели, отбыла в теплые края. К подружке, в Анапу, сказала всем. А перед отъездом, поколебавшись, рассказала Гене о заначке.

– А ты баба не простая! – буквально повторил ее слова. – Значит, ты знала, где деньги?

Шура скромно пожала плечами. Услуга за услугу, раз уж им теперь в одной лодке плыть. А деньги все равно года три трогать нельзя будет, да и потом – осторожно.

Почему открылась? Кажется, Гена – то, что ей надо.

Гена опять хитренько ухмылялся и даже дал ей адресок своего друга – перекантоваться до его прибытия. Он ее не провожал – расстались же, теперь чужие люди.

В поезд села Александра Григорьевна Коротун, с зачуханным, выдавшим виды, в пятнах от дальних странствий чемоданом, а к волжским берегам прибыл Лямин Александр Васильевич. Чемодан был тот же. А оставшийся бобылем Гена отработал еще месяц, а потом помчался на материнский призыв.

Артюховск Шуре понравился поначалу, но потом она заскучала. Пыльный сонный городишко. Старалась не высовываться, не светиться особо – магазин там, рынок... С соседями была вежлива, но не общительна. Как-то от великой скуки посетила музей купеческого быта, благо никуда ехать не надо было, музей располагался в старой части города. Наслушалась там баек всяких про клады.

Друг Гены с семьей с ранней весны до поздней осени жил на даче, неподалеку от города: сажали, пололи, крутили свои помидоры-огурцы... Шурик стал для них бесплатным сторожем. Андрей, друг Гены, утром приезжал на своей «Ладе», оставлял ее во дворе и шел пешком на работу. Ходьбы тут было минут десять. По пути завозил жену на ее работу. Вечером уезжали обратно на дачу, готовиться к новому весенне-летнему сезону: парник налаживать, грядки зачищать, редиску сеять. Трудяги, они еще и приторговывали немножко огородиной. Дача была им хорошим подспорьем. Почва в

Нижнем Поволжье просыхает рано, да еще если и зима была бесснежной, как нынешняя.

Скучать Шура долго не пришлось, скоро нагрянул Гена. Они покинули гостеприимный Артюховск и перебрались в Пороховое: Гену вскоре позвали работать к археологам, а Шурика он еще раньше пристроил чеканщиком в юрту ремесленника – на место одного умершего старичка. Дело нехитрое, и медведей танцевать учат.

Потом надыбали клад. Чудеса, да и только! В золотиносных краях не озолотились, а в голой степи – на тебе, золото под ногами валяется, только надо в подходящем месте порыться. Гена молодец!

– Я – невеста богатая, – говорила иногда Шура Гене, а это – твой вклад в наш будущий семейный бизнес.

Свой потрепанный чемодан Шура спрятала еще в Артюховске, а куда – Гене не говорила, хоть он и обижался на ее недоверие. Паспорт она утащила еще у попутчицы в поезде, когда добиралась в Артюховск, но до поры до времени его припрятала. Предпочитала какое-то время побыть Шуриком. Но не Александром же Васильевичем Ляминам ей замуж идти? В нашей стране однополые браки не узаконены!

Раз в месяц, в будний день, – а выходной у нее был в понедельник – она втайне от Гены ездила в Артюховск. То, что автовокзал располагался рядом с железнодорожным, было очень удобно: не надо мотаться по городу. Вышел из автобуса, сходил к камерам хранения, и опять в автобус. Пол-

дня уходило на поездку, Гена и не подозревал ничего: Шурик-чеканщик жил в своей юрте постоянно, в селе появлялся редко. У Гены выходной был скользящий, можно было подстроиться.

Раньше Шурик усов не носил, но когда столкнулся возле дома археолога Шпигалева с одной из музейных теток, которая в единственный его поход в музей экскурсию проводила, на всякий случай прилепил усы, покрасил волосы и поменял стрижку. Мало ли что?

Хотя маловероятно, что тетка обратила на него внимание и запомнила. В таком-то солидном возрасте, да и людей, поди, у них за день немало проходит. И Шурик тогда, примкнув к небольшой группе экскурсантов, благоразумно стоял позади толпы. Но когда с этой же теткой повстречались в тот день у крепостной стены Сарая, похвалил себя за предусмотрительность.

Что-то в последнее время везет ей (ему) на музеи и клады! Так, глядишь, и к основной профессии возвращаться не будет необходимости. Заживет в достатке нормальной гражданкой, мужней женой.

* * *

МНС Павленков мотался, как гончая, между степью, Пороховым и областным центром. Шпигалев, как и предполагал, задерживался в столице. Но он не предполагал, что на-

столько. Вздумалось им там именно в это время симпозиум проводить.

Павленков, подустав от хозяйственно-организационных забот, уже и не рад был самостоятельности и свободе действий, о которых мечтал, и отсутствию опытной, надежной спины старшего товарища.

Подсунутое хитромудрым Хромосовым «новое приобретение» – рабочий-землекоп Гена Звягинцев – Павленкова не радовало. Поначалу Звягинцев взялся рьяно, но быстро остыл. Ребята из бригады жаловались, что отлынивает – то язва обострилась, то мать позвонила, плохо себя чувствует, скорую вызвала. Седлает свой старенький велосипед и уезжает. А ведь сезон только начался, еще и работы настоящей не было.

«Избавляться надо, пока не поздно», – думал Павленков. – Шпигалев за такого работничка не похвалит. Впрочем, пусть он по этому поводу сам со своим другом Хромосовым разбирается!»

Вот и сегодня. Приехал – Гены нет: уехал в село. Начальника, мол, нет, а ребята ему не указ.

– Ах ты, Крокодил! – взбесился Павленков, прыгнул в машину и помчался в Пороховое.

Мать Гены удивленно смотрела на психованного мужика: нет, с ней все в порядке, и когда это к ней, интересно, скорую вызывали? Она себя прекрасно чувствует, слава Богу! А сын вот только что уехал, с другом Шуриком, на велосипедах.

Да, в степь, на работу, надо полагать, куда же еще! Сказал, начальник послал за лопатами. Бардак какой у вас, однако: даже лопатами не обеспечили рабочих.

«Завтра же и выгоню!», – подумал опустошенный после вспышки гнева Павленков.

День клонился к вечеру. Павленков решил заскочить в Сарай, купить в чайхане чего-нибудь к ужину, похлебать жиденького. Весь день ведь на сухомятке.

Вышел из чайханы с пластиковыми контейнерами в пакете и увидел, как с дороги свернули к одной из юрт два велосипедиста. Одним из них был не кто иной, как Гена-Крокодил, второй, надо полагать, друг его Шурик.

«Зачем откладывать на завтра, – подумал Павленков, снова озлясь. – Вот где шляется в рабочее время»?

Распахнув дверь в юрту, он встал перед Геной и Шуриком, грозный, как Командор перед Дон-Жуаном. Оба сидели на корточках перед какой-то дерюжкой, а на дерюжке лежала приличная такая кучка монет и украшений. Гена молниеносно горку эту прикрыл концом дерюжки, но все же немного припоздал. Да и тряпка была коротковата, не прикрыла всех сокровищ.

Они, два этих идиота, снедаемые нетерпением, не заперли дверь, да и не ждали гостей в эту пору. Последовала немая сцена. Павленкова посетило озарение: мгновенно вспомнил курган, с которого они спугнули черных копателей, и свои слова, что надо будет сюда вернуться, посмотреть. Замотал-

ся, забыл.

Гена с Шуриком, между тем, распрямились и придвинулись к незваному гостю. Всем всё было понятно. К чему слова, как говорится?

Но какие-то слова все же должны были быть произнесены. Гена рассудил, что ситуация патовая: они ли первые метнут-ся, или Павленков заорёт и созовёт людей – неизвестно. Поэтому говорить сейчас должен именно он.

– Николаич, – сказал Гена отчески, – ты... это... ты ведь шел по своим неотложным делам? Ну и иди себе потихоньку. Ты ведь ничего не видел, да?

Павленков кивнул.

– Смотри, Николаич, я ведь пацан серьезный, если ты еще не понял. Хочешь, мы с тобой поделимся? Много не дадим, ты же, если по-честному, тут вообще не при делах, но на какое-то время тебе хватит. Чем тут в земле ковыряться, мертвяков да черепки откапывать... Вот если не хочешь мараться – забудь, что видел. Ты ведь ничего не видел, да, Николаич?

И, словно прочитав мысли Павленкова, прибавил уже отнюдь не отческим тоном:

– А если, начальник, придет тебе в голову невзначай глупая такая мыслишка – стукануть кое-куда, то мы с Шуриком против. Ты имей в виду: я здесь родился. Это мои места, и полсела – мои родственники и корешки. А ты здесь – никто, чужак. И если я сяду – тебе здесь все равно не работать, да и не гулять по степи. Степь – она большая, не скоро найдут,

если что. Ходи да оглядывайся. Ну, или телохранителя тебе завести придется. Как это... бодигарда... гы-гы-гы.

Вся речь его перемежалась матом, мата было больше, чем нормальных слов. А за спиной хрипло дышал Шурик, почти привалившийся вплотную.

Павленков, если бы и хотел что-то сказать, в тот момент не смог бы – спазм перехватил горло. По спине стекала струйка пота. На ватных ногах он вышел из юрты, каждую секунду ожидая ножа под ребро. Эти могут. Они могут все. Они же тёмные и пока не соображают, что им потом придется со всем этим добром делать. Но сейчас убьют, не задумываясь. Вроде хищника, у которого кость отнимают.

– И еще, – сказал Гена вслед, – не вздумай меня увольнять. Я теперь уже совсем готов к трудовым свершениям. А за тобой, согласишься, присмотр все же нужен. Как-то нет у меня к тебе полной веры. Я, пожалуй, перестану в село на ночлег ездить, хлопотно это. Буду с ребятами в палатке ночевать. Быстрее в коллектив вольюсь!

– Как ты его! – сказал потом Гене в восхищении Шурик. – По стенке размазал! «МНС»! Нет, я в тебе не ошиблась! Мужик!

– Не ошибся, друг мой Шурик! – сказал, крепко обнимая Шуру, Крокодильчик Гена. – Следи за базаром, как говорится!

Оказывается, Павленков Владислав Николаевич, рубаха-парень, душа всех компаний, сердцеед и просто порядочный, хороший человек, археолог до мозга костей – отнюдь не герой? Оказывается, так...

В тот вечер он еще нашел в себе силы проскочить к кургану, не мог сразу ехать в лагерь к ребятам. Увидел свежесыпанную яму. Вот тебе и Гена-крокодил! И не надо быть археологом, иметь чутье, производить расчеты и анализы – пошел и отрыл, на авось, нюхом чую.

Конечно, все это не в один день ими сделалось, сперва работали по начатому, вскопанную землю выбросили, потом уже и сами копали, пока до культурных слоев не дорыли. Хорошо потрудились, однако, по трудам и награда!

Что интересно, найденное ими не похоже на большое захоронение. Не ограбить такое вдвоём, даже очень богатое. Бог его знает, почему те «черные археологи» копали именно здесь и попали так удачно, но вероятно, что добыли в итоге Гена с Шуриком нечто вроде тайника, хранилища какого-нибудь очень зажиточного горожанина.

И долго сидел Влад в машине, уронив голову на руль. Этот удар был похлеще того, что нанесла Алиска.

Он ждал приезда Шпигалева как избавления. Тот и приехал вскоре, а Павленков все никак не мог решиться рассказать ему все. А Гена, и правда, как будто пробудился от спячки и пахал, как трактор. Прямо подменили мужика. Какие ему можно было предъявить претензии, чтоб уволить?

Иногда Влад чувствовал на себе его взгляд, оборачивался, и Гена ему заговорщически подмигивал. А в день приезда Шпигалева Павленков зашел в палатку – взять из рюкзака свежую майку, и, едва расстегнул рюкзак, увидел прямо сверху горсть монет из раскопа. Золотые дирхемы. Пять штук. Звягинцев послал ему черную метку. Предупреждал.

– Ты чего такой смурной? – спросил Шпигалев.

– Да так... Личное, – отмахнулся Влад.

Но с монетами надо было что-то делать, куда-то деть. Просто выбросить в ерик или в степи не позволяла ему натура археолога, годы труда. Но и хранить в рюкзаке нельзя, не дай бог кто увидит. В чем его тогда обвинят?! До конца жизни не отмоешься, конец карьере, науке, жизни!

Тут Шпигалев очень удачно послал его в Артюховск. Там коллеги тоже вели раскопки на территории местного кремля. Влад захватил с собой подброшенные ему монеты и, осматривая с ребятами раскоп, разбросал незаметно все пять, приотпав кроссовкой. Поработал сеятелем.

До них со Шпигалевым очень скоро дошла история с находкой на территории артюховского кремля: странная история, несуразная какая-то. Пока о ней знал только узкий круг профессионалов, не торопились раздувать сенсацию.

Павленков думал, что стоит избавиться от монет, ему полегчает. А стало как будто еще гаже. Шпигалев пока никак не связывал его поездку с раскопанными монетами.

Прежде чем закопать сумку с сокровищами, Гена с Шуриком, поразмыслив, решили следовать народной мудрости и не хранить все яйца в одной корзине. Большую часть монет и драгоценности решили зарыть подальше. Меньшую часть отсыпали: вдруг да найдется покупатель. Из них и подложили несколько штук Павленкову.

Из них же взяли немного для артюховского музея, но золотые пожалели. Это была идея Шурика. Он шутил, что прямо фанатом музея купеческого быта сделался. Вообще, нравился ему этот маленький тихий городок. Пожалуй, когда вся их эпопея закончится, можно будет купить в этом городишке небольшой дом и зажить добропорядочными гражданами.

Так вот, идея Шурика заключалась в следующем. В музее купеческого быта – большой двор, с хозяйственными постройками, одичавшим садом, кустами разросшейся сирени. Подбросить в какой-нибудь укромный уголок пару-тройку монет и как-то ненароком подсказать какому-нибудь простодушному экскурсанту, пацану, например, где их найти. И как только их обнаружат, позвонить на телевидение, известить, что найден клад, поднять шумиху.

– Для чего? – спросил Гена.

– Для того, что надо нам потихоньку начинать распространять денежки. А потом – и драгоценности. Мы же не можем всю кучу принести в скупку или в ломбард. А твой клад – это ж тебе не мои меченые купюры, на них следов нет. Долго

они еще в земле лежать будут?

Тогда они еще не знали, что в земле клада уже нет. Пока история с пропавшим рыбаком не улеглась, предпочитали не светиться на берегу.

– Музеем тебе придется заняться.

– А как?

– Ты прямо где-то под землей на три метра видишь, а где-то под носом у себя ничего не видишь. Помозгуй! В следующий свой выходной съезди в Артюховск. Присмотрись.

– А почему – именно Артюховск?

– Во-первых, далеко от Порохового. Труднее проследить связь. Во-вторых, там уже недавно находили клад. Сильно никто не удивится.

– А ты-то откуда знаешь?

– Знаю! В-третьих, я похожу по парикмахерским, саунам, офисам небольшим. Типа, коллекция в наследство досталась, мне она ни к чему, а деньги срочно нужны, ну, что-нибудь в этом духе. И если монеты вдруг где-то засветятся, как-то в ментовку попадут, так пусть грешат на музейщиков – типа, они часть клада утаили, а теперь разбазаривают. Страховка.

– Это дело!

– Ну а если все пойдет нормально, то и по другим городкам пошастаем. В центр соваться не будем, там народ более пуганный, ушлый, ментов больше. Только придется мне в Шуру превратиться, женщине веры больше. Паричок надо

купить, даже два, пожалуй. И одежду какую-нибудь. Ну, это я сама. То есть сам!

Сам Шурик купил в Сарае и шкатулку для монет. Гена, уже в качестве опытного специалиста-археолога, посомневался, стоит ли связываться со шкатулкой: ученые эти – не лохи же, мигом определяют, что шкатулка сработана недавно.

– Ты считаешь?.. – поколебался Шурик, а потом махнул рукой, – где же нам взять настоящую?! Ничего, авось сразу не докумекают, пока экспертизы будут проводить, то-сё. На радостях телевидение уже раззвонит. Потом поздно будет признаваться, что лоханулись.

О недавней находке золотых монет в артюховском кремле они, естественно, ничего не знали. Даже предположить не могли за Павленковым такой глупости.

* * *

Гене в тот день сам черт помогал. Он недолго потерялся у музея, пару раз прошелся вдоль забора – увидел через щели в досках свежерытую траншею. Стоял в раздумье, не решаясь войти. Вдруг увидел троих мужичков с лопатами, явно направлявшихся к музею. Работяги с «биржи», которых уговорила Люся, шли исправлять недоделки коллег, накануне не докопавших ложе под коммунальный трубопровод.

– Братцы, – слезно воззвал Гена, – возьмите в долю! Погудел накануне, остался без кошелька! Домой не могу добрать-

ся!

Добрые люди не отказали, даже скинулись на бутылку – полечить страдальца. Он в благодарность почти один всю работу и выполнил, «биржевики» только покуривали в тенечке да посмеивались одобрительно.

Однако прошло несколько дней, Шурик практически не выключал телевизор, смотрел исключительно канал с местными новостями, а ни про какие находки в артюховском музее не было ни слова.

– Ты не слишком глубоко закопал шкатулку? – волновался Шурик. – Не перестарался? Может, траншею вообще уже зарыли и ничего не обнаружили? Надо еще раз съездить.

Гену, конечно же, опять начала мучить язва, и он отпросился у Шпигалева на денек-другой в областной центр: тетка там у него, гастроэнтеролог, обещала посмотреть. Только с третьего раза Гена смог выговорить теткину узкую специальность, хотя вечером тренировался. Тетка, действительно, у него была, но весьма далекая от гастроэнтерологии и медицины вообще. Она бы страшно удивилась своему новому статусу.

Но рванул Гена в другую сторону, в Артюховск. Прошелся вдоль забора раз-другой: траншея зарыта не была. И – де-жавю! Опять увидел давешних мужиков с лопатами, направляющихся к музею.

– Ба! Какие люди!

– Ты чего тут?

– Опять, что ли, шалава кошелек вытащила? Ну ты и раздолбай!

– Не, мужики, специально приехал! Я добро не забываю! Вот хотел зайти в музей, узнать, как вас найти, отблагодарить по-настоящему. Не перевелись еще на свете нормальные люди! А вы чего сюда опять?

– Брак устранять в работе. Ха-ха-ха!

– Птичку жалко! Директора, то есть!

– Уж такой птенец!

Так все и образовалось. Гена опять вызвался помочь ребятам. А потом в купленной газетке нашел телефоны местного телевидения, позвонил и сообщил о находке в музее купеческого быта ценного артефакта. Другими словами, конечно.

И опять телевизор молчал. Ни в дневных новостях, ни в вечерних – ни слова. Шурик из Порохового ругался по телефону.

Гена остался ночевать у друга Андрюхи, а утром, дождав-шись его приезда с дачи, попросил разрешения съездить по неотложной надобности на его «ладушке», пока сам Андрюха будет на работе.

Поставив машину за углом музея, он стал отслеживать события. Репортеров с камерами не наблюдалось. Зато неожиданно-негаданно появился начальник – Дмитрий Евгеньевич, выбрался из своей «Тойоты» и прошествовал в музей.

Что это его сюда занесло?!

Потом появились три старушечки, что-то бурно обсуждая, и проследовали за Шпигалевым. Немного погодя бабульки вышли. Истомившийся в машине от духоты Гена в этот момент прогуливался вдоль забора и как раз приблизился к калитке, когда она распахнулась и врезала ему по корпусу.

Давешние бабульки залепетали извинения, но Гена, не имея дурной привычки держать в себе, высказал всё, что рвалось с языка, и заковылял к машине. Тетки, отмерев через какое-то время, ушлепали. И тут появился Шпигалев в сопровождении директора музея.

Он был какой-то взъерошенный и суетливый, а к груди прижимал небольшой такой сверточек. Попрощавшись с директором за руку, уселся в машину.

Непонятно, с чего бы, но сердце у Гены в этот момент ёкнуло. Он решил проследить, куда направляется его начальник, и тронулся за «Тойотой».

Начальник направился к местному кремлю. Шел он стремительно, спешил и не оглядывался. Гена крадучись вошел во двор следом и, стараясь все же не высовываться лишний раз из-за деревьев и кустов, приблизился к кирпичному, побеленному известью строению, куда и вошел Шпигалев. Это был самый дальний угол кремлевского двора, весь изрытый.

Рядом с кучами земли сидели несколько парней и курили. «И здесь роют, – подумал Гена, – археологи, что ли, тоже? Всё роют и роют, а толку-то?». И усмехнулся с чувством

превосходства.

Между тем, землекопы сложили аккуратно лопаты и куда-то ушли. Гена едва успел перебежать поближе к домику, куда вошел Дмитрий Евгеньевич. Может, окно какое открыто?

Он успел укрыться за каким-то строением вроде беседки, с кирпичным фундаментом и деревянными почерневшими от старости досками. Кирпичи, белесые от въевшейся соли и раскрошившиеся, кое-где вывалились из фундамента. Пятачок земли за беседкой зарос лебедой, высотой Гене до пояса.

Знакомый запах, настоящий на десятилетиях, шибанул в нос. Гена не во дворцах взрастал и унитаз вживую видел не так часто. В любой сезон и во всякую погоду бегал в нужник во двор. Этот запах вряд ли уступал по древности стенам крепости. Вывести его можно было, только разрушив крепость до основания.

На крыльцо вышел Шпигалев с каким-то мужиком. В руках он держал их с Шуриком шкатулку!

– Полотенце свое забыл! – сказал мужик. – Завернуть.

– А, да ладно! Невелика ценность, чтоб ее еще заворачивать. А монеты где нашли?

– Вон в том углу, – махнул мужик рукой. Сверху, можно сказать, лежали. Прямо сказки древнего Востока!

– Сказки, – согласился Шпигалев. – Но если сказка повторяется один в один, история перестает быть сказочной.

«Какие еще монеты? – недоумевал Гена. – Почему это –

повторяется»?

– Так ты сейчас куда? В полицию?

– Да нет, наверное. Надо мне с одним товарищем потолковать сначала! Вот потом – в полицию, конечно. А где тут у вас нужду можно справить?

– У входа во двор – платные био-туалеты. Но гуляющие деньги экономят. Вон, за беседкой кустики, приютят тебя, если невмоготу.

И ушел в домик. Шпигалев подошел к беседке, опустил свою ношу на землю, а когда стал распрямляться, на голову ему опустился кирпич, белесый от въевшейся за века соли.

Соль и века проели, разрушили строительный материал, и потому Шпигалев остался жив. Он пришел в себя на носилках, которые ребята заталкивали в скорую. И мутный его взгляд зафиксировал в толпе, откуда-то набежавшей в малолюдном, вроде бы, дворе кремля, знакомое лицо.

«Акылбай-то откуда здесь взялся?», – подумал. Гену, стоявшего позади толпы, Шпигалев не заметил. Шкатулки тоже не было. Исчезла, испарилась.

– Эх, Крокодилчик, – вздохнул Шурик в телефон, – накосячил ты. Сдался тебе этот Шпигалев! Ну и пусть бы себе таскался с этой своей шкатулкой. Чего ты замандражировал? А теперь менты будут землю рыть почище археологов.

Немного подумав, Шурик забеспокоился.

– А вдруг он тебя все же заметил и узнал? Мне твой зуб ни к чему, надо просто дело будет до конца довести! Но ты

не паникуй раньше времени. С утра двигай в больницу, при-
смотришься там, что и как. Может, он пока без сознания? А я
первым автобусом – к тебе, помозгуем на месте.

Что слаще халвы? Дружба после вражды

Телефон Зои Васильевны проиграл такты из «Города, которого нет» Корнелюка. На экране высветилось: без имени. Поморщившись, – она не любила безымянных звонков – Зоя нажала «ответить».

– Добрый день, Зоя Васильевна! – разумеется, голос она узнала сразу, но ушам своим не поверила.

– Здравствуйте, а-а-а, – зазаикалась она, соображая, как бы это поделикатнее удостоверить.

– Я, я, вы не ошиблись. Ваш новый знакомый Акылбай. Шаман, если угодно.

– А откуда же у вас номер моего телефона?!

– Попросил у вашего старого знакомого, Вадима Сергеевича. Вы не против?

– Ну... раз это теперь свершившийся факт...

– Зоя Васильевна, вы у костра в ночной степи давно сидели?

– Дай Бог вспомнить... кажется, вообще никогда не сидела...

– И на звезды, как я рекомендовал, не смотрите?

– Да все, знаете ли, некогда... И комары не позволяют, – решила сыронизировать.

– А я хотел пригласить вас с подругами к ночному костру. Значит, не сидит в КПЗ. Значит, все же не виноват!

Мерзавец Бурлаков до сих пор так и не счел нужным поделиться ходом следствия. И Лида хороша! Душечка! «Зачем мне жизнь без Гарика, не вижу смысла ни в чем, не живу, а доживаю»! А теперь в рот Бурлакову заглядывает и живет его интересами.

– А вы что, камлать собираетесь? – враз повеселела, но все-таки слегка подкузьмила Зоя.

– Я перед публикой не камлаю. У меня день рождения через несколько дней.

– Даже не знаю, – заколебалась, было.

– Если вы чего-то опасаетесь, то напрасно: три таких храбрых женщины! И гостями будете не только вы, еще два ваших новых знакомых и моих старых друга: Шпигалев Дмитрий Евгеньевич и Хромосов Дмитрий Юрьевич.

– Хорошо, я поговорю с подругами. Спасибо за приглашение! Только Люся вряд ли сможет...

– У маленькой отважной женщины проблема?

(Люся потом, изображая полнейшее равнодушие, переспросила: так и сказал? Так и сказал, подтвердила Зоя, «у маленькой отважной женщины»).

– Я бы сказала, что проблема разрешилась.

– Что ж, передайте ей от меня огромный привет и благодарность. Я рад, что теперь у нее все будет хорошо.

– Ну, кто же это знает!

– Я знаю! – он засмеялся своим чудесным хрипловатым смехом. – Не забывайте, с кем имеете дело.

Проблема Люси разрешилась так. Однажды позвонили в дверь. Люся, прилегшая вздремнуть, чертыхнулась и, встрепанная, в халате, вышла поглядеть, кого черт принес так не во время?

Открыла дверь – и сразу же попыталась ее захлопнуть: окатила волна ужаса. За дверью стоял ее бывший муж Толик! И он успел сунуть ногу в щель до того, как дверь полностью затворилась. Руки-ноги у Люси стали ватными, и голос пропал – не получалось даже послать его внятно куда-нибудь

далеко и надолго.

Ну с чего бы ему являться? Столько лет прошло, она и думать о нем перестала! Перегорела, умерла и заново родилась, и эту новую жизнь уже почти прожила, сколько там той жизни осталось. Нет, недаром он ей начал сниться в последнее время!

Из комнаты в коридор выплыла Ксюня, волоча по полу пузо. Нет, не пузо – пузано грандиозо! После двух лет затишья Ксюня надумала потряхнуть стариной и пережить еще раз счастливые мгновенья материнства. Штук шесть там будет, не меньше.

Ксюня, словно беспозвоночное животное, вытекла в дверную щель и стала тереться о Толикову брючину, вставая дыбки, как лев на найденной Милой пряжке. Она ни к одному мужику так не ласкалась, мерзавка: ни к изредка приезжавшему в гости Игорю Николаевичу, ни к зачистившему в последнее время, якобы к Люсе на огонек, Бурлакову, окучивавшему в то время Лиду. Даже навещавшему ее по большим праздникам сыну не демонстрировала Ксюня теплых чувств, а тут – на тебе! Толика она и не знала вовсе, в Люсином доме появилась уже после его ухода. Предательница!

– Люся, – сказал Толик, – я медленно умираю, день за днем. Я без тебя не могу.

Это было похоже на правду: выглядел он ужасно, почерневший какой-то, скукоженный. Люся почувствовала укол в сердце. Ей хотелось задать ему много вопросов, к примеру:

это столько лет тебе понадобилось, чтобы понять, что ты без меня не можешь? Или: а где ты был, когда я умирала без тебя? Но голос все никак не появлялся, и она просто выпустила из руки дверную ручку. Дверь распахнулась.

О чем там они говорили, когда голос, наконец, к ней вернулся, к чему пришли, Люся потом рассказывала очень скупо, всем своим видом говоря: не лезьте вы ко мне в душу, я и так знаю все сама, и знаю все, что вы мне сейчас скажете! Они и не лезли. Толик перенес вещи к Люсе. В свой прежний старый дом.

– Вот и потеряли мы с тобой подругу, – вздыхала Мила.

– Ну что ты мелешь, пьяное полено, – грубо пресекала Зоя. – Почему это мы ее потеряли? Так и будем дружить. Ну разве что встречаться будем реже.

– По кочану! – отвечала и Мила грубо. – Как будто не понимаешь! Она теперь своего Толика будет выхаживать. Ей его Нина как эстафетную палочку передала.

– Да он сам передался! Теперь Нине предстоит пережить то, что пережила Люся.

– А по грехам и муки! Будет знать, как чужих мужей отбивать. Принцип бумеранга!

А Зое и эту Нину было почему-то жалко.

– Но ведь она его тоже любила. Что ж тут поделаешь!

А Люся с суеверным ужасом говорила:

– Девочки, представляете, а мышка-то ушла! В первую же ночь, как он вернулся, замолчала. Я еще несколько дней не

разбирала свой арсенал – нет, не появилась!

– А лунный камень?

– На полку поставила, на прежнее место.

* * *

И вот они сидели впятером у костра: Зоя Васильевна, Людмила Ивановна, Акылбай, Хромосов и Шпигалев. Шпигалев рассказывал:

– Я, когда пришел в себя, а меня в скорую заталкивают, – увидел в толпе Акылбая. Подумал: глюки. Что ему тут делать? А потом чем больше думал, тем больше убеждался: нет, я точно его видел, совершенно четко.

Когда шкатулку в артюховском музее увидел, сразу понял: обманка. Но монеты-то настоящие! И в кремле – такие же, только золотые. Кто-то в игру играет, а смысл игры в чём? Во всяком случае, одно совершенно ясно: вокруг нашей экспедиции возня идет!

В тот день, когда там монеты нашли, я в кремль к ребятам Влада Павленкова посылал. Первая мысль – он замешан! Потом – Акылбай в толпе.

Но кто меня шарахнул и шкатулку упер? Мне срочно надо было в степь, задать пару вопросов, в глаза им посмотреть. А в лагере ребята сказали, что Влад, словно угорелый, в центр умчался, что-то с его девушкой. Я – следом. В Артюховске Никита ждет шкатулку, я же обещал не подвести, там уже и

телевидение пронюхало.

Но сначала заскочил к Акылбаю: в чем дело, говорю, дружище? А он дар речи потерял, бедняга, – подмигнул шаману Шпигалев, – стал расспрашивать, как он выглядел. Я понял, что-то не то.

Потом к Владу ехал – всё речь готовил. А когда он открыл дверь, все слова из головы вылетели. Прямо по Высоцкому ему: ты ж ел с ладони у меня!

– А он?

– Он? Ну... Тоже по Высоцкому: трясется весь. Рассказал всё. Девушка его рожать надумала. И, как у вас, баб, принято, без подготовки поставила перед фактом.

«Бабы» поперхнулись, возмущенные некорректным обобщением.

– Он сначала взъерепенился, потом свыкся с этой мыслью, а Алиса начала в воспитательных целях его гнобить: типа, гуляй, Вася, нам с сыном от тебя ничего не надо!

– С сыном?

– Мальчик будет. Рад до смерти! А тут – в криминал вляпался. Решил, что Алиса узнает – и знаться с ним не захочет, она где-то в «секретке» работает. И эти уроды, конечно, прессовали, убить грозились, отслеживали. «Убьют, говорит, – пацаненок и отца не узнает. А если не убьют, узнает, что отец – вор. Хотя я и не вор, а всего лишь трус».

В общем, поехали в полицию, написали заявление.

– И что с ним теперь?

– Заявление в ЗАГС подали. Ну, наверное, какое-то наказание все-таки положено. Пособничество или укрывательство – не знаю, как там это квалифицируется. Хотя, с учетом, что он об остальных-то черных делах и знать ничего не знал, да с повинной явился... Думаю, ничего особенного ему не грозит.

– А дальше – что? Тоже по Высоцкому? «Я зла не помню, я опять его возьму»?

– Естественно! Для меня он остался прежним Владом. Кто может про себя сказать со всей уверенностью, как он поведет себя в определенной ситуации? И разве найдется в мире хоть один человек без греха?

– И Акылбаю вы сразу поверили?

Шпигалев взглянул на шамана, усмехнулся:

– Для того, чтобы понять человека, не всегда требуется большой срок. Мне было достаточно того срока, что я его знал. К тому же, он – давнишний друг Димки, Дмитрия Юрьевича, то есть. Это он же и пригласил Акылбая в наши края на жительство. И потом... Акылбай, расскажи сам, у тебя это лучше получится.

И Шпигалев взглянул на шамана, передавая эстафету рассказчика: алаверды!

– Да что рассказывать? – усмехнулся шаман. Просто сила любого человека находится у него не в руках, не в мускулах, а в груди. У шамана очень большой запас этой силы, и он позволяет смотреть в глубину происходящего. И позволяет

видеть обман.

Личную силу шаман не может использовать во вред кому-то или для корысти. Тогда истощается ее запас. Его собственная вселенная приходит в дисгармонию с Великой Вселенной, удача покидает его. Настоящий шаман не должен быть корыстным и участвовать в обмане.

– Но разве все шаманы следуют этим заповедям?

– Настоящие – да. Те, что не следуют, или сбиваются с правильного пути – не настоящие!

У родителей Акылбая было пятеро детей. Он – первенец, затем мать родила трех девочек, с разницей в возрасте год и два. Последним ее ребенком стал Ораз.

Мать умерла через два года после его рождения, а потом и отец погиб. Детей разобрали по семьям родственники, мальчиков взяли в одну семью. Жили они в небольшом селе в предгорьях Алтая.

В десятилетнем возрасте Акылбай переболел менинго-энцефалитом, выжил чудом. Какая медицина в маленьком селе в те годы? Фельдшерица да шаман. Лечили Акылбая оба. Шаман сразу определил, что мальчик избран духом Ута.

В бреду ли, в видениях, маленький Акылбай понимал, что дух посвящает его в шаманы. Старый шаман, его лечивший, потом объяснил, что если человек соглашается стать шаманом, он излечивается, а если отказывается – умирает. Видимо, Акылбай тогда согласился.

– А как дух Ута определяет избранника? – с жадным ин-

тересом спросила Зоя Васильевна. – По каким-то внешним признакам?

– Вообще-то, способности к шаманизму человек может иметь с рождения, но может прожить с этими способностями жизнь и не стать шаманом. Ута выбирает достойного и вызывает в нем физическую либо душевную болезнь, и во время болезни проводит посвящение.

– И вы всерьез верите во всю эту... во все это? – в недоумении спросила Зоя.

– Конечно. Иначе я не был бы шаманом. В нашем роду уже были шаманы, но мой отец им не стал, и из нас двоих Ута выбрал меня, а не брата. В человеке должен быть шаманский дух.

– И чем же занимается шаман? – включилась и Людмила Ивановна.

– Да многим. Лечит больных, предсказывает судьбу, освящает жилища, защищает людей от зла. Когда советом, когда и камлает, если предстоит серьезная задача.

– Я всегда считала, что камлание – это что-то вроде спектакля. Психологический прием, для создания большего эффекта.

– И такой момент, конечно, присутствует. Многие проблемы шаман может решать и в обычном состоянии духа, но иногда этого недостаточно. Нужно впасть в транс, войти... в определенное состояние сознания. Стать ясновидящим. Это не дается легко никому, даже самому сильному

шаману. Необходима подготовка и подходящая обстановка: лучше ночью, у костра, с бубном. Ну, тут много всего, и вам это знать не обязательно...

– Акылбай, – усмехнулся молчавший до сих пор Хромосов, – ты сейчас профессиональными подробностями загубил свою репутацию в глазах наших гостей. Они уже готовы подумать – мракобес какой-то! Между тем, – обратился он к дамам, – наш шаман имеет два высших образования: он психолог и фармацевт, да еще и юридический техникум у него в багаже знаний!

– Что ты мне рекламу делаешь! Это совершенно лишнее.

– Да ладно, не скромничай. Давай про брата.

Ораз – переводится как богатство, удача, счастье. Может, потому, что имя обязывало, может, по свойствам характера, брат всю жизнь гонялся за удачей и грезил о богатстве.

Родители не ошиблись, нарекая своих сыновей такими именами. В детстве Акылбай как старший брат был для Оразом примером во всем, в какой-то степени заменил отца. Шесть лет разницы – это немало. Ораз, как обезьянка, копировал походку брата, манеру разговаривать, одеваться, перенимал словечки.

Когда возрастная разница стала не так заметна, их начали иногда путать. У младшего брата явно имелись артистические способности. Он даже поступил в театральное училище, но, проучившись два года, бросил.

Как-то постепенно в Оразе поселилась зависть к брату, к

его избранности. Он вовсе не хотел быть шаманом, насмешничал, но тут был какой-то момент соревновательности: вот Акылбая дух Ута выбрал, а он, Ораз, недостойн.

Поступив в театральное училище, он больше в село не возвращался. Куда только не забрасывала его судьба за долгую жизнь! Ута не избрал его, но дух авантюризма поселился в Оразе навечно. Он гнал его по дорогам разных городов и стран в поисках богатства и удачи.

Несколько лет назад до Акылбая дошла весточка из Мексики, где Ораз подвизался в роли колдуна вуду. А потом и еще одну весть передали: что брат втянулся в какую-то темную историю, из-за которой в итоге не то умер, не то его убили. Поскольку больше от Ораза вестей не было, Акылбай уверился, что так оно и есть.

Потом он приехал сюда, на землю предков, и ему неожиданно здесь понравилось. Решил остаться на какое-то время, а там – видно будет. Хромосов, учитывая прошлое, профессиональные навыки и склонности Акылбая, поспособствовал с работой. Туристическому комплексу, приобретающему популярность, не хватало такой вишенки на торте.

– Как верблюды и штамповка сувениров? – съязвила Зоя. – Вы же торгуете своим искусством! Способностями, данными от природы! Разве врач-экстрасенс может брать деньги?!

– Я ничем не торгую, – почти вышел из себя уравновешенный шаман. – У меня зарплата экскурсовода, не более

того. Но вы все равно не правы, оплачен должен быть любой труд, даже основанный на таланте, данном свыше! Разве поэты, музыканты и художники не торгуют своим искусством?

Наверно, истина, как обычно, была где-то посередине.

Помолчав немного, вернулись к истории. Когда Гена и Шурик стали требовать от Акылбая вернуть то, что ему не принадлежит, он был озадачен. Шамана все здесь видели только в его традиционном наряде, поскольку практически весь день он в нем работал. «В свет» выходил только вечером, а в селе появлялся крайне редко. Не было нужды: всё, необходимое для жизни, можно было купить и здесь. Да и Дмитрий Юрьевич частенько в гости заезжал не с пустыми руками.

Так что «в цивильном» его мало кто видел. Он любил посидеть в степи у костра, на берегу реки в безлюдном месте. Наслаждался тишиной и покоем. А тут – какие-то требования, с уверениями, что видели собственными глазами, как он – и то, и сё... И это всё – с непонятной агрессией, без объяснений.

Подруги подтвердили, что как раз были свидетельницами этой стычки.

– Я сначала не мог ничего понять.

– А почему они вас камышовым червем называли?

– Они Ораза на берегу с лопатой встретили, и он им сказал, что копал камышового червя для рыбалки.

– А что, есть такой?

– Оказывается, есть. Даже в Красную книгу занесен.

Так вот, парочка уже знала, что их клад вырыли. Некая лопата натолкнула их на мысли в определенном направлении. Знал Шурик и то, что я иногда в степь ночью хожу. Вот и сделали неправильные выводы.

Хотя, по большому счету, правильные, конечно. Ораз хорошо маскировался. Перебрался из Порохового в Красиловое, и ни в одном селе его толком и не знали. А меня Шурик, как сосед по юрте, знал в лицо.

А потом примчался свержвозбужденный Шпигалев с забинтованной головой и понес околесицу про нападение. Какая шаману в том корысть?

Акылбай мог бы подумать, что в Пороховом вдруг объявился брат, такие выходы были вполне в его стиле. Но он же знал о его смерти?! Тень сомнения зародилась у него тогда.

Ну а когда в юрту к нему вломились Гена с Шуриком, уже с конкретным требованием – вернуть сокровища, брат предстал перед наяву. Жив, здоров, да еще и с ружьём. Оказывается, он тоже шел на встречу с братом, ведь похищение клада было его рук делом.

Он тоже, как объяснил, приехал с намерением посмотреть на землю предков и, возможно, здесь дожить свой век. Потом, якобы случайно, узнал о месте жительства брата. И вот, хотел, так сказать, воссоединиться, предложить проживать остаток жизни вместе.

– Какое совпадение! – воскликнула Мила.

– Можно еще сказать – стереотип мышления, – саркастически усмехнулся шаман.

– А я бы все-таки сказала, как в «Маугли»: мы с тобой одной крови! – возразила Зоя.

– Допустим. Но только он сначала побывал в родных местах и специально разузнал, где теперь живу я. Я это уже выяснил. Так что и не совпадение, и не голос крови. К тому же, здесь он довольно долго скрывался от меня.

– Зачем?

– Раздумывал. Взвешивал, просчитывал. Не был уверен, что я захочу налаживать отношения. Он мне в прошлом немало неприятных минут доставил. И не был уверен, что, встретившись со мной, захочет сам восстановить отношения.

– Значит, это он бедного Вольдемара того... по голове, – подумала вслух Людмила Ивановна.

– Если бы золото могло знать, сколько крови из-за него проливается, оно бы покраснело от стыда, – сказала Зоя Васильевна.

– Если бы оно краснело от пролитой крови, не было бы разных проб. Все золото стало бы червонным, – выдвинула совсем уж фантастическую версию Мила. – Убрать бы его совсем к чертовой матери! Закопать найденное, утилизировать, запретить разработку залежей, поиски кладов!

– При чем здесь золото? – не согласился Шпигалев, выра-

зительно глядя на золотую цепочку с крестиком у Милы на груди. Видно, обеспокоился за судьбу своей профессии.

– Золото от стыда не краснеет. И от крови тоже, – открыл всем страшную тайну шаман. – И даже если золото падает в грязь, оно не становится бронзой. Настоящее золото всегда остается драгоценным.

И продолжил:

– Когда вы клад обнаружили в Сарае, Ораз решил, что больше ждать нечего. Пора уезжать, пока о нем не прознали и не арестовали, заподозрив во всех этих преступлениях. Но все же решился увидаться напоследок. И попал как раз в разгар сражения.

– А ружье?

– Ружье – моё, оно при входе стояло. Гена с Шуриком слишком быстро вошли и были слишком заняты, чтобы его заметить. Ружьё зарегистрировано! – поднял он руку, упреждая следующий вопрос.

– И что, оно всегда у вас при входе стоит?

– Далеко не всегда. Я гражданин законопослушный, оружие храню строго в сейфе. В тот вечер вынул его, чтобы почистить. Когда в дверь постучали, поставил там. Открыл – надо же, старые знакомые! Ну и как-то с ними так всё пошло, что не до ружья уже было.

– Что же теперь будет с вашим братом?

Шаман пожал плечами.

– Суд разберется, – ответил стандартной фразой, прямо

как Бурлаков.

С кем поведешься!

– Это всё. А вы, дорогие дамы, каким образом во все это замешаны?

Мила сочла, что теперь ее черед обнародовать скелеты в шкафу, за всех троих.

* * *

Хромосов в этой истории был сбоку припека, потому и помалкивал.

После того, как Мила закончила свою часть истории, мужчины в ожидании уставились на Зою: что она им поведает? Ведь всё, вроде бы, сказано. Картина, так сказать, ясна.

Мила решила помочь подруге подсказкой.

– Зайка нам стихи почитает. На злобу дня, так сказать. Заинька, ведь сочинила, поди, что-нибудь про все, про это?

Зоя с укором на нее взглянула – не любила она читать стихи в чужих компаниях. Ну, или почти в чужих.

Но, поколебавшись, опустила взгляд в пламя костра и решилась.

*От суеты, беспамятства, беспечности
Пойдем в музей и приобщимся к вечности,
И сталкер дерзкий – наш экскурсовод -
Дорогами тысячелетий поведет.*

Легко играя временными категориями,
Изящно препарирует историю
И сконцентрирует в магический кристалл.
Кого-то возведет на пьедестал,

От имени всевидящих потомков
Воздаст сторицей историческим подонкам.
Всем сестрам – по серьгам! Прогресс, регресс -
Очертит исторический процесс.
Рассеется тысячелетий мгла,
И на немыслимых степных пространствах
Восстанет рать, и княжества, и ханства,
И потекут минувших дней дела...

От суесловия и быстротечности
Пойдем в музей и приобщимся к вечности...
К той, сущей параллельно за стеной,
Что нас пленяет вечной новизной.
Там старенькие женщины-смотрители
Так неназойливо, интеллигентно бдят
За тем, чтоб ротозей-посетители
Не повредили ценный экспонат.

О чем их мысли – вечном или бренном?
Что видят в полуяви-полуснах?
Чеканную ли слышат поступь времени

Или – неслышимый, крадущийся шаг?

Никто ничего не сказал, и это было замечательно! Только Хромосов, задрав к небу голову, сказал:

– Какие звезды нынче! Давно таких не видел!

– А ты их, вообще, давно видел? – ухмыльнулся Шпигалев. – Ты свои помидоры на полях чаще видишь, а на звезды у тебя уже ни рук, ни ног не хватает.

Звезды, и правда, как с ума сошли: крупнющие, с Люсин лунный камень, они висели почти над головой и перемигивались. Руку протяни – и дотронешься!

И было их – неимоверное количество. Не иначе, у них сегодня была какая-нибудь сходка, звездный бал.

– Это да, – вздохнул Хромосов. – А все же мне пора. Жена устроит звездное небо! Даже алмазы в небе увижу.

– Небо в алмазах, – поправила Зоя Васильевна.

Для оформления книги использованы собственные фотографии автора.